А. А. Дмитріевскій.

ЕПИСКОПЪ ПОРФИРІЙ УСПЕНСКІЙ,

какъ иниціаторъ и организаторъ первой русской духовной миссіи ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ,

и его заслуги на пользу православія и въ дѣлѣ изученія христіанскаго востока.

(По поводу столѣтія со дня его рожденія)

Изъ „Сообщеній Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества“ за 1905 г., т. XVI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія В. Киршбаума, Дворц. площ., д. М-ва Финансовъ.
1906

Епископъ Порфирій Успенскій.

(1804 — 1904 г.).

Епископъ Порфирій Успенскій, какъ иниціаторъ и организаторъ первой духовной миссіи въ Іерусалимѣ, и его заслуги на пользу православія и въ дѣлѣ изученія христіанскаго востока [1]).

По поводу столѣтія со дня его рожденія.

8 сентября [2]) истекшаго (1904) года исполнилось ровно сто лѣтъ со дня рожденія нашего извѣстнаго путешественника *Порфирія Успенскаго*, епископа чигиринскаго, викарія кіевской митрополіи, настоятеля кіевскаго Златоверхо-Михайловскаго монастыря, иниціатора и организатора первой нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ и автора весьма многихъ сочиненій о христіанскомъ востокѣ. Всѣ эти эпитеты даютъ намъ уже вполнѣ достаточное основаніе въ настоящемъ торжественномъ собраніи взять на себя смѣлость предложить вашему просвѣщенному вниманію наше посильное слово объ этомъ выдающемся дѣятелѣ на пользу православія и весьма плодовитомъ изслѣдователѣ историческихъ судебъ и памятниковъ глубокой старины дорогого во многихъ отношеніяхъ, таинственнаго и заманчиваго для насъ и понынѣ христіанскаго востока. Изобразить хотя бы и въ общихъ чертахъ жизнь,

[1]) Рѣчь, произнесенная *въ сокращеніи* въ годовомъ собраніи кіевскаго отдѣла Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества 10 апрѣля 1905 года. [2]) «*Въ этотъ день*, пишетъ арх. Порфирій *8 сентября* 1854 г. въ своемъ дневникѣ, *наступилъ пятьдесятъ первый годъ моей жизни*. Я молился въ церкви Лазенковскаго дворца и просилъ Бога продлить мой вѣкъ, облагодѣтельствовать мою душу и благословить меня на дальнѣйшіе труды». (Книга бытія моего, ч. VI, стр. 344—345. Спб. 1900). «*Завтра*, отмѣчаетъ онъ подъ 7 сентября 1881 г., *мнѣ исполнится 77 лѣтъ*. Вотъ сколько ихъ подарилъ мнѣ Вѣчный!» (Тамъ же, т. VIII, стр. 538. Спб. 1902).

полную кипучей энергіи, неутомимой настойчивости и самыхъ разнообразныхъ приключеній, приснопамятнаго юбиляра мы признаемъ нынѣ вполнѣ благовременнымъ, такъ какъ, не смотря на протекшія уже двадцать лѣтъ со дня его кончины и на множество обнародованныхъ послѣ нея сочиненій его плодовитаго пера и особенно его любопытныхъ автобіографическихъ записокъ подъ заглавіемъ: «Книга бытія моего», мы и доселѣ не имѣемъ еще въ печати болѣе или менѣе цѣльной и связной біографіи преосвященнаго Порфирія Успенскаго, въ которой бы личность эта получила и заслуженную, и, по возможности, вѣрную оцѣнку. Принимая на себя указанную задачу, мы, однако же, хорошо сознаемъ трудность ея выполненія, особенно въ настоящемъ своемъ положеніи — публичнаго оратора, и потому заранѣе извиняемся передъ своими слушателями въ дефектахъ своей рѣчи и просимъ у нихъ благосклоннаго снисхожденія, если нѣкоторыми частностями и подробностями въ разсказѣ о многочисленныхъ перипетіяхъ въ жизни нашего знаменитаго востоковѣда мы обременимъ ихъ просвѣщенное вниманіе.

Родиною нашего востоковѣда была, по его выраженію, «смиренная» Кострома [3]), *приходъ* Успенской церкви, въ которой, въ минуту появленія его на свѣтъ Божій, по желанію благочестивой его матери, «растворены были царскія двери» [4]). Александръ Матвѣевичъ Успенскій († въ 1827 году), отецъ преосвященнаго Порфирія, занималъ при названной приходской церкви скромное положеніе псаломщика. Самъ преосвященный Порфирій въ своихъ обширныхъ автобіографическихъ запискахъ удѣляетъ своему отцу весьма мало вниманія и сообщаетъ объ немъ очень скудныя біографическія свѣдѣнія. «Отецъ мой, когда я былъ еще отрокомъ, пишетъ пр. Порфирій, водилъ меня въ Успенскій соборъ; и тутъ я, стоя въ уголку алтаря, слыхалъ, какъ маленькіе пѣвчіе, предъ входомъ архіерея въ церковь, пѣли: «Отверзите ми врата правды; вшедъ въ ня исповѣмся Господеви» (Псал. CXVII, 19) [5]). «Люблю я живопись съ ранняго дѣтства, за-

[3]) Книга бытія моего, V, 362. Спб. 1899. [4]) Еп. Порфирій, второе путеш. по св. Аѳонской горѣ, стр. 1. М. 1880. [5]) Книга бытія моего, VIII, 125.

мѣчаетъ пр. Порфирій о своемъ эстетическомъ воспитаніи Когда шелъ мой осьмой годокъ, тогда отецъ мой, блаженной памяти *псаломщикъ костромского каѳедральнаго собора* [6]), Александръ Матвѣевичъ, рисовалъ мнѣ плѣнныхъ французскихъ гвардейцевъ, которыхъ нагнали въ Кострому въ 1812 году, а я перерисовывалъ ихъ черезъ прозрачную бумагу и восхищался своею дѣтскою работою. Тогда же отецъ покупалъ мнѣ рисованныхъ на бумагѣ генераловъ нашихъ на коняхъ и подъ ними сражающихся съ нами французовъ. И эти рисунки я перерисовывалъ на промасленной бумагѣ, прилѣпивъ ихъ къ стеклу... Способность и пристрастіе къ живописи остались во мнѣ. Это пристрастіе проявилось у меня, во время путешествія моего по Италіи, да такъ, что, живя въ Венеціи, Падуѣ, Миланѣ, я ничего кромѣ картинъ и картинныхъ церквей видѣть не хочу» [7]). Еще разъ онъ вспомнилъ о своемъ отцѣ по поводу рѣчи о Москвѣ. «Когда я былъ маленькій отрокъ, тогда отецъ мой порой спрашивалъ меня: «Костя, хочешь ли, покажу тебѣ Москву?» «Хочу, покажи мнѣ Москву», лепеталъ я и прыгалъ отъ радости. Тогда онъ обѣими руками приподнималъ меня за виски (голову) и говорилъ: «ну, видишь-ли?» «Вижу, вижу», кричалъ я, дрыгая ногами. Да, въ семействѣ я, молясь вмѣстѣ съ матерью, привыкалъ чтить русскаго царя, а играя и забавляясь, слыхалъ о Москвѣ и желалъ видѣть ее» [8]).

Невысокое положеніе отца въ клирѣ церковномъ не позволяетъ намъ предполагать, что Александръ Матвѣевичъ могъ считаться состоятельнымъ человѣкомъ: онъ, скажемъ словами пр. Порфирія, лишь «никогда не былъ нищимъ» [9]), имѣя собственный домикъ съ садомъ и кусокъ насущнаго хлѣба отъ прихода. «Я провелъ золотые годы юношества, пишетъ объ этомъ домѣ пр. Порфирій, въ *свѣтелкѣ родительскаго дома*, украшенной изображеніями судьбы милоликаго Іосифа, безобразнаго Эзопа, сладкоглаголиваго Іоанна Дамаскина и святыхъ мѣстъ Іерусалима, и тамъ заучивалъ уроки человѣческаго любомудрія и откровеннаго богословія и сочинялъ разсужденія и первыя проповѣди. Незабвенная свѣтелка, въ которой никто другой не бывалъ, кромѣ Бога

[6]) Это противорѣчіе принадлежитъ пр. Порфирію. Книга бытія моего, V, 385; сн. Второе пут. по св. Аѳон. горѣ, стр. 1. [7]) Книга бытія моего, V, 385—386. [8]) Тамъ же, III, 56. Спб. 1896. [9]) Тамъ же, 113.

и двухъ сестеръ монхъ» [10]). Нисколько поэтому неудивительно, что, послѣ кончины Александра Матвѣевича, мать его съ дочерьми очутилась въ положеніи «бѣднѣйшей» [11]) и въ «большой нуждѣ» [12]), и забота о нихъ всецѣло легла на плечи пр. Порфирія. «Для нихъ, признается пр. Порфирій, я отрекся отъ міра, дабы онѣ моею нищетою были богаты», чтобы осушить «потокъ ихъ слезъ», избавить ихъ отъ «голодной нищеты и тяжкихъ страданій» [13]).

Матери своей Дарьѣ Степановнѣ, скончавшейся въ глубокой старости († 1865 г.), напротивъ, пр. Порфирій посвящаетъ весьма много вниманія и рисуетъ ее предъ нами высоко симпатичными чертами доброй христіанки. Дарья Степановна была женщина простая и вполнѣ раздѣлявшая вѣрованія и взгляды нашихъ простолюдиновъ на «домовыхъ, лѣшихъ, *встающихъ изъ могилъ покойниковъ*». «Моя мать, пишетъ пр. Порфирій, однажды говорила мнѣ, что она видѣла лихорадку въ синемъ короткомъ сарафанѣ съ голыми ногами, ту самую, которая приходила трясти и мучить родную сестру мою Любовь» [14]). Дарья Степановна вмѣстѣ съ дѣтски наивною вѣрою соединяла глубою религіозность. «Моя родная мать, читаемъ мы въ его запискахъ, будучи весьма благочестива, и меня съ малолѣтства воспитала въ строгомъ благочестіи и научила молиться Богу, какъ молилась сама, сердечно и благоговѣйно [15]). Молитвы утреннія и на сонъ

[10]) Тамъ же, IV, 189—190. Спб. 1896. Сн. I, 559. Спб. 1894. [11]) Тамъ же, III, 109, 128; VIII, 398. [12]) Тамъ же, VIII, 398. [13]) Тамъ же, III, 128. [14]) Книга бытія моего, III, 47. Для характеристики міросозерцанія матери пр. Порфирія можетъ служить и «молебная пѣснь солнцу», перенятая послѣднимъ отъ своей матери. Вотъ эта пѣсенка:

«Солнышко, ведрышко,
Выглянько!
Твои дѣтушки на камешкѣ сидятъ,
Ужъ сухарики и крошечки ѣдятъ.
Собакамъ бросаютъ
И ихъ не оставляютъ» (III, 256).

[15]) Вѣра была внушена пр. Порфирію матерью и «привита къ душѣ въ часы колѣнопреклоненной молитвы, совершаемой, бывало, на одной половой доскѣ съ нею. Съ этою вѣрою не вжаждешься во вѣки». (Первое путеш. въ Синайскій монастырь въ 1845 г., стр. 9. Спб. 1856. Сн. Первое путеш. въ аѳон. мон. и скиты, ч. I, отд. I, стр. 169). [16]) Книга бытія моего, VIII, 122; Первое путешествіе по св. Аѳонской горѣ, ч. I, отд. I, стр. 169. Кіевъ. 1877.

грядущій я зналъ наизусть и читалъ ихъ про себя даже и тогда, когда учился уже въ академіи, гдѣ въ то время студенты не молились всѣ вмѣстѣ въ занятныхъ покояхъ своихъ. Сладость молитвы была любимою сладостію души моей» [16]). Мать пр. Порфирія любила паломничества въ монастыри, совершала ихъ ежегодно и брала съ собою нерѣдко и будущаго востоковѣда пр. Порфирія. Въ Ростово-Яковлевскій монастырь «мать моя, по словамъ пр. Порфирія, ходила *ежегодно* и тамъ поручала меня любви св. Димитрія чудотворца» [17]). «Въ юности у меня была большая охота ходить съ матерью въ монастыри Игрицкій и Бабаевскій на богомолье» [18]). Та же набожная мать старалась вкоренить въ своемъ любимомъ сынѣ и другіе добрые христіанскіе навыки и привычки. «Бывало, мать моя, замѣчаетъ пр. Порфирій, какъ увидитъ, что я роняю на полъ хлѣбныя крошки, тотчасъ образумитъ меня, а въ другой разъ и накажетъ, чтобы голова моя помнила даръ Божій» [19]). Поэтому нисколько не удивительно, что пр. Порфирій мать свою называетъ «первымъ своимъ кормчимъ» [20]) и посвящаетъ ей въ своихъ сочиненіяхъ не мало страницъ, проникнутыхъ чувствами нѣжной сыновней горячей любви и глубокой благодарности [21]).

Воспитанный благочестивою матерью, пр. Порфирій безспорно воспринялъ отъ нея много хорошаго, но и раздѣлялъ нѣкоторые недостатки ея наивнаго міросозерцанія [22]). Храмы старинные, ихъ суровая иконопись и благолѣпное богослуженіе дѣйствовали на впечатлительную душу дитяти глубоко и оставили неизглядимый свой слѣдъ на всю его жизнь. При взглядѣ на суровыя и сухія лица святыхъ, «я, замѣчаетъ пр. Порфирій, вспоминалъ свое дѣтство: бывало въ старинныхъ церквахъ на родинѣ лики святыхъ не столько

[17]) Книга бытія моего, VIII, 533. [18]) Тамъ же, IV, 346. [19]) Путеш. по Египту и въ монастыри св. Антонія В. и пр. Павла Ѳивейскаго въ 1850 г., стр. 58. Спб. 1856. [20]) Книга бытія моего, III, 52. [21]) Тамъ же, I, 278, 317, 559; III, 47, 52, 56; IV, 219, 224, 232. [22]) Гаданіе о судьбѣ по Евангелію — несомнѣнно наслѣдіе этого воспитанія. «Въ семействѣ нашемъ, пишетъ еп. Порфирій, сестры мои, родныя и двоюродныя, *и самъ я*, когда учился въ семинаріи, всѣ мы нерѣдко загадывали всякій свое, и отгадокъ искали въ Евангеліи, которое всегда полагалось на голову» (Путешеств. въ метеорск. и оссо-олимпійскіе мон. въ Ѳессаліи, стр. 177).

пугали меня, сколько предостерегали отъ шалостей; какъ взгляну на нихъ, а они такъ и смотрятъ на меня грозно. Я забѣгу въ сторону церкви, а святой Николай и туда смотритъ; я—въ другую сторону, а онъ и тамъ видитъ меня. Я закрою свои глазенки, онъ мнѣ слышится, онъ говоритъ: «смотри же, Костя, не шали, учись и будь уменъ, да молись Богу и слушайся отца и мать». Иногда онъ протвердитъ мнѣ всѣ заповѣди и всѣ добрыя наставленія родителей и учителей. Сначала я очень боялся св. Николая, а послѣ немножко попривыкъ къ нему и, казалось, иногда онъ смотрѣлъ на меня уже и поласковѣе. Таково было дѣйствіе суровой церковной живописи на мою маленькую невинную душу» [23]). Знаніе прекрасное церковныхъ пѣснопѣній и любовь къ богослуженію привита пр. Порфирію съ дѣтства. «Почти въ каждый вечеръ пѣлъ я всенощны въ своей кельѣ одинъ одинехонекъ, замѣчаетъ еп. Порфирій о послѣднихъ годахъ своей московской жизни (1883 г.), *съ дѣтства зная наизусть стихиры, догматики, тропари, ирмосы* и проч. и проч. до Взбранной Воеводѣ» [24]). Самыя дѣтскія игры его нерѣдко были ни чѣмъ инымъ, какъ воспроизведеніемъ церковнаго богослуженія въ компаніи съ своими сестрами. «Я въ годы отрочества своего любилъ наряжать своихъ сестеръ діаконами, служить съ ними обѣдню и благословлять обѣими руками, признается пр. Порфирій. Примѣчая это, моя бабушка Дарья говаривала мнѣ: Костенька, ты будешь попъ, да протопопъ, да архіерей» [25]).

Религіозное воспитаніе въ семьѣ, состоящей изъ женщинъ, предрасположило впечатлительную душу даровитаго дитяти ко всему таинственному и развило въ немъ съ юныхъ лѣтъ любовь къ уединенію. Съ любовью онъ ходилъ «въ лѣсъ за грибами, гдѣ сумракъ, тишина, таинственное эхо и небо, едва видимое поверхъ высочайшихъ сосенъ, обворожали меня до того, что я, говоритъ пр. Порфирій, на призывъ родимой идти домой, нерѣдко отвѣчалъ: еще рано. Въ юности же наклонность моя къ уединенію была такъ велика, что всѣ называли меня монахомъ» [26]). Но съ этими добрыми навыками отъ матери переняты были и нѣко-

[23]) Книга бытія моего II, 141—142. Спб. 1895. [24]) Тамъ же, VIII, 539. [25]) Тамъ же, IV, 346. [26]) Тамъ же. [27]) Тамъ же, VIII, 319.

торыя суевѣрія. «Идя въ Запрудненское училище мимо кладбища я, сознается пр. Порфирій, боялся погони за мною мертвецовъ» [27]).

Семья Александра Матвѣевича и Дарьи Степановны Успенскихъ состояла изъ единственнаго сына, будущаго востоковѣда, епископа Порфирія и двухъ дочерей: старшей Любови Александровны Лапшиной и Серафимы Александровны Николаевской, оставшейся въ живыхъ и послѣ смерти епископа Порфирія и проживавшей въ собственномъ домѣ на родинѣ [28]). По поводу кончины старшей своей сестры, 10 сентября 1845 г., пр. Порфирій замѣчаетъ: «я и сестра моя погодки у матери, и любили другъ друга. Покойная была *весьма набожна, строгаго правила и домостроительна*» [29]). Между всѣми членами семьи Успенскихъ царили всегда рѣдкая взаимная привязанность и горячая любовь [30]), которыя потомъ переносятся и на младшее нисходящее поколѣніе этой семьи. Племянницу второй сестры Серафимы Александровны Маргариту Боровскую пр. Порфирій не только воспитывалъ, но выдалъ замужъ съ десятитысячнымъ приданымъ [31]), и потомъ изъ 15,000 рублей за проданныя Императорской публичной библіотекѣ рукописи выдалъ ей еще 5,000 руб. [32]). По духовному посмертному завѣщанію, онъ отказалъ тысячу рублей родной сестрѣ, а выигрышный билетъ—родной племянницѣ Ю. А. Борноволоковой [33]). Едва ли и слѣдуетъ прибавлять, что пр. Порфирій былъ любимцемъ и гордостью всей семьи. Въ минуты житейскихъ неудачъ, которыя нерѣдко выпадали на его долю, пр. Порфирій мучился прежде всего не за себя самого, а за своихъ присныхъ. «Когда вспоминалъ я, пишетъ въ 1847 г. пр. Порфирій среди своихъ злоключеній въ Петербургѣ, о своей бѣднѣйшей матери и о сестрѣ съ ея Маргашею, для которыхъ я отрекся отъ міра, дабы онѣ моею нищетою были богаты, тогда мысль о потокѣ слезъ ихъ, о голодной нищетѣ ихъ, *о тяжкихъ страданіяхъ ихъ, о нестерпимой болѣ ихъ отъ глухаго и жесткаго говора о мнѣ людскаго, эта мысль, слишкомъ тяжелая,*

[28]) Книга бытія моего, VII, 170. Спб. 1901. [29]) Первое путеш. въ Аѳонск. мон. и скиты въ 1845 г., ч. I, отд. II, стр. 341. [30]) Книга бытія моего, I, 465, 559; II, 488; VII, 170; VIII, 319—320; Путеш. первое въ Аѳон. мон. и скиты въ 1845 г., ч. I, отд. II, стр. 341. [31]) Книга бытія моего, VIII, 441. [32]) Тамъ же, 521. [33]) Москов. Церковн. Вѣдом. 1885 г., № 27, стр. 435.

какъ острый камень, падала на мое сердце и приподнявшись опять падала и выдавливала изъ него всю кровь и потомъ съ большой высоты падала и крушила его въ дребезги» [34]).

Въ трудныя минуты жизни онъ поэтому спѣшилъ въ родную семью, чтобы отдохнуть душею въ кругу любимыхъ и любящихъ его присныхъ. «Я скоро уѣду отсюда въ Кострому, писалъ въ маѣ 1857 года свѣтлѣйшей княгинѣ Е. П. Витгенштейнъ, урожденной Эйлеръ, фрейлинѣ при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, удрученный подъ тяжестью креста арх. Порфирій, для свиданія съ престарѣлою матерью и съ родными моими. *Ихъ любовь крайне нужна мнѣ въ настоящемъ безотрадномъ моемъ состояніи. Среди нихъ я не буду смотрѣть на себя, какъ на отлученнаго отъ общества.* Не въ Лаврѣ, а въ родительскомъ домѣ обновится, яко орля, юность души моей, въ которой набожная мать моя умѣла привить страхъ Божій, цѣломудріе, незлобіе и терпѣніе» [35]). Посѣщалъ пр. Порфирій «милую родину» и на склонѣ уже лѣтъ своей жизни (въ 1872 г.) съ тѣмъ, чтобы повидѣться съ родною сестрою и племянницею и «пріискать себѣ теплое мѣстечко», «гдѣ бы лучше водвориться для покоя» [36]).

Какъ и гдѣ выучился грамотѣ пр. Порфирій объ этомъ у него нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Но едва ли не о своемъ первоначальномъ обученіи говоритъ онъ, когда, въ бытность въ Рамаллѣ въ Палестинѣ въ 1844 году, случайно у него всплываетъ на поверхности сознанія «воспоминаніе о старыхъ дьячкахъ въ Россіи и о способѣ, какимъ они, бывало, учили читать и пѣть: Азъ колетъ глазъ, Буки букашки, Вѣди таракашки, Глаголь кочережки, Добро колченожки, Есть проситъ ѣсть и пр.

«*Скокъ поскокъ на чужой мостокъ.*—Это припѣвъ, по которому ученикъ могъ пѣть правильно «Богъ Господь и явися намъ» и пр.

«Преподобная мати лисица, страстотерпцы зайцы, мученики волки, пустынножители медвѣди, въ берлогахъ живущіе, лапки сосущіе, молите спастися душамъ нашимъ. На подобіе этой стихиры поется «Господи воззвахъ» на первый гласъ» [37])

[34]) Книга бытія моего, III, 128. [35]) Богослов. Вѣстн. 1904 г., кн XI, стр. 120–121. [36]) Книга бытія моего, VIII, 318, 319, 321. [37]) Тамъ же, I, 469—470.

Иныхъ, впрочемъ, формъ обученія грамотѣ до второй половины XIX столѣтія въ Россіи не существовало, и дьячковская система обученія многимъ изъ насъ и доселѣ еще памятна [38]). Какъ бы тамъ ни было, но, при счастливой природной памяти, Константинъ Успенскій на девятомъ году уже былъ готовъ къ поступленію въ духовное училище.

«Посѣтилъ я предмѣстіе Костромы Запрудню, пишетъ пр. Порфирій о своей поѣздкѣ на родину въ 1872 году, гдѣ *въ 1813 году* находилась семинарія съ училищемъ для малолѣтковъ, пока не сгорѣла. Туда въ сентябрѣ этого года отецъ мой отвелъ меня *девятилѣтняго* учиться. Тамъ приняли меня въ такъ называемую *информаторію*; и тутъ мальчики посвятили меня въ званіе ученика, ударяя локтемъ по спинѣ и кулакомъ по затылку такъ больно, что я плакалъ. Отъ моей информаторіи и отъ самой семинаріи не осталось ни одного бревна. Была тутъ березовая тѣнистая роща, въ которой семинаристы потѣшались разными играми, но и она срублена вся и искоренена. Теперь тамъ устроены купеческія фабрики. Каменная же церковь, въ которой чествуется старинный образъ Нерукотвореннаго Спаса и въ которой молились семинаристы, уцѣлѣла и даже возобновлена внутри и украшена весьма хорошо мѣстными фабрикантами» [39]). Изъ школьнаго періода жизни у пр. Порфирія записаны воспоминанія еще о томъ, «какъ ревизоръ архимандритъ Филаретъ, со свѣздою на груди, задалъ намъ *грамматистамъ* задачу перевести по-латыни: «Пріидите поклонимся Цареви нашему Богу», и я перевелъ такъ: Venite, adoremus Regem nostrum Deum, какъ въ Богоявленскомъ (нынѣ женскомъ) монастырѣ я лазилъ [40]) по крытымъ ходамъ на толстыхъ стѣнахъ его отъ башни до башни и писалъ тутъ карандашемъ по-

[38]) О своей «дѣтской *азбукѣ*» онъ случайно вспоминаетъ въ 1845 г. (Тамъ же, II, 488). [39]) Тамъ же, VIII, 442–443. [40]) О своей способности къ головокружительнымъ путешествіямъ по кровлямъ и полетамъ оттуда на землю, еп. Порфирій вспоминаетъ и въ другихъ случаяхъ. «Въ дѣтствѣ, пишетъ онъ, бывало играя съ сестрами *въ закоулки*, безъ всякаго страха взбирался по бревнамъ избы и смежной бани на откосныя кровли ихъ, быстро взбѣгалъ по нимъ до трубъ и садился за ними, дабы не отыскали меня, и когда соскучился тутъ, спрыгивалъ съ любой кровли прямо на землю». (Путеш. въ метеорскіе и оссо-олимпійскіе мон. въ Θессаліи, стр. 145).

гречески: Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ Λόγος, Ἄξιόν ἐστιν ὡς ἀληθῶς μακαρίζειν σε τὴν Θεοτόκον» [41]).

Надѣленный отъ природы прекраснымъ голосомъ дискантомъ, онъ пѣлъ въ семинарскомъ хорѣ, а впослѣдствіи былъ тамъ регентомъ и управлялъ даже двумя хорами, благодаря чему прекрасно зналъ церковное пѣніе и, въ санѣ потомъ архіерея, всегда горячо заботился о церковномъ пѣніи [42]). Восхищенный его голосомъ регентъ архіерейскаго хора хотѣлъ было взять Константина Успенскаго въ архіерейскіе пѣвчіе, но мать энергично воспротивилась этому, опасаясь испортить даровитаго юношу [43]).

О семинарскомъ образованіи пр. Порфирій сообщаетъ немного свѣдѣній. «Самыя любимыя науки мои, говоритъ онъ, были *исторія и философія*. Изъ священныхъ лицъ прекрасный Іосифъ былъ задушевный другъ мой. Разсказывать его сновидѣнія отцу, матери, сестрамъ, теткамъ было любо мнѣ. При изученіи древнихъ языковъ, латынь не особенно нравилась мнѣ, а греческое слово плотно срощалось съ моею обширною памятью. Такія знаменія прообразовали будущую судьбу мою» [44]). Вліяніе на пробужденіе любви къ изученію языковъ греческаго и латинскаго безспорно имѣлъ даровитый учитель греческаго языка Ѳеодоръ Павловичъ Москвинъ, впослѣдствіи Арсеній, митрополитъ кіевскій, оказавшій большія услуги для карьеры епископа Порфирія [45]), и учитель краснорѣчія и поэзіи Василій Ивановичъ Груздевъ (въ 1820 г.) [46]). Но въ большинствѣ своими преподавателями семинарскими и даже академическими пр. Порфирій остался весьма недоволенъ. «Наставники семинаристовъ и академистовъ большею частію, пишетъ онъ, малосвѣдущи и вялы, а которые побойчѣе и повольнодумнѣе, тѣ даютъ имъ зачатки ложнаго знанія и губятъ въ нихъ вѣру, насажденную благо-

[41]) Книга бытія моего VIII, 319—320. [42]) Тамъ же, 123. [43]) Тамъ же, VII, 62. [44]) Тамъ же, IV, 346. [45]) Тамъ же, VIII, 83, 361. [46]) Первое путеш. въ Аѳонск. мон. и скиты, ч. I, отд. I, стр. 17. «Не думалъ приснопамятный В. И. Груздевъ, что я, пишетъ арх. Порфирій, въ виду Аѳона, въ дремучемъ лѣсу Киссіонскомъ буду повторять стихи Виргилія, которые онъ приказалъ намъ выучить твердо на-твердо. Да и я, заучивая ихъ, не помышлялъ, что они потѣшатъ меня когда-либо. А потѣшили! *О, сладчайшій классицизмъ!* Безъ тебя и въ Холомунтскомъ дремучемъ лѣсу мнѣ было бы скучно или страшно». (Тамъ же, 13).

честивыми матерями ихъ. У кого изъ нихъ есть природное краснорѣчіе, у того оно, стѣсненное школьными формами, правилами, или нѣмѣетъ, или не имѣетъ сильнаго вліянія на общество, которое можетъ быть чаруемо, увлекаемо, спасаемо не искусственными хріями и силлогизмами, а словомъ естественнымъ, живымъ, пламеннымъ, какъ огонь, шумнымъ, какъ дубрава, благоухающимъ, какъ цвѣтникъ, словомъ разумнымъ, сердечнымъ, такимъ, въ которомъ слышится глубокое знаніе человѣческаго сердца и духовныхъ потребностей общества. А семинаристы и академисты наши, отдаленные отъ общества, развѣ имѣютъ такое знаніе» [47])?

По окончаніи курса семинаріи (съ 1818—1824 гг.), онъ поступилъ «преподавателемъ греческаго языка дѣтямъ въ городѣ Макарьевѣ, что на Унжѣ», т. е. въ низшее отдѣленіе этого духовнаго училища. «Здѣсь нарисованъ былъ мною, замѣчаетъ пр. Порфирій, видъ того монастыря, въ которомъ помѣщалось духовное училище и перерисовывались разныя животныя изъ одной русской книжицы» [48]). Мечталъ пр. Порфирій въ это время и о мѣстѣ священника въ женской Апостольской обители, но «игуменья Сусанна, замѣчаетъ онъ, когда я представился ей, яко кандидатъ на опроставшееся у ней священническое мѣсто, отринула меня по причинѣ безбородой и безусой молодости моей» [49]).

Молодость и привычка «съ юныхъ лѣтъ къ уединенной жизни и къ ученымъ занятіямъ» [50]) побудили Константина Успенскаго стремиться къ продолженію образованія въ С.-Петербургской духовной Академіи, куда онъ въ 1825 году и поступилъ въ составъ VIII курса, при содѣйствіи своего учителя по семинаріи и земляка Ѳ. П. Москвина, въ ту пору баккалавра и іеромонаха Арсенія [51]). «Въ академической церкви облекли меня, еще молодого, говоритъ епископъ Порфирій о себѣ, въ мантію, куколь и сандаліи» [52]). «Я охотно омонашился на двадцать пятомъ году моего возраста (т. е. 15 сентября 1829 года) *въ неприкосновенной чистотѣ дѣвственной*» [53]). 20 сентября о. Порфирій Успенскій хиротонисанъ

[47]) Книга бытія моего, VIII, 94—95. [48]) Тамъ же, V, 385—386. [49]) Тамъ же, VIII, 320. [50]) Тамъ же, 325. «Ученіе есть страсть моя». (Тамъ же, III, 141). [51]) Тамъ же, 83, 361; Сн. стр. 442. [52]) Путешествіе по Египту и въ мон. св. Антонія велик. и пр. Павла Ѳивейскаго въ 1850 г., стр. 259. [53]) Книга бытія моего, IV, 346.

во іеродіакона, а 25 сентября того же года въ іеромонаха. Такимъ образомъ, исполнилась давно лелѣянная мечта—быть совершителемъ Христовыхъ Таинъ и активнымъ участникомъ христіанскаго богослуженія, которое онъ любилъ съ самаго ранняго дѣтства. «Духовная сладость, которую вы ощущали въ себѣ послѣ пріобщенія Св. Таинъ, пишетъ арх. Порфирій въ 1857 г. княгинѣ Витгенштейнъ, понятна и мнѣ. Въ золотые дни дѣвственной юности моей я послѣ исповѣди и причастія бывалъ такъ соединенъ со Христомъ, что во весь день и вечеръ тотъ пѣлъ разныя молитвы, дабы ни одна грѣшная мысль не потемнила души моей. Это святое усиліе воли, послушной благодати Христовой, вспомянетъ Богъ, когда душа предстанетъ предъ престоломъ Его» [54]).

Въ С.-Петербургской Академіи іеромонахъ Порфирій въ годы съ 1826—1827 изучалъ на латинскомъ языкѣ философію [55]), но прежней любви къ ней уже не питалъ. «Нѣкогда я любилъ философію, признается откровенно епископъ Порфирій, но покинулъ ее, потому что она *безтолкова, мятежна и вредна.* Теперь люблю вѣру. Эта красавица—дѣвица весьма степенна, строга, цѣломудренна и возвышенна. Житье съ нею спокойно, пріятно и полезно» [56]). Однако, и вѣру пріобрѣлъ онъ не изъ лекцій профессора богословія—«многоученаго наставника своего архимандрита Иннокентія Борисова, который училъ, что мы, по воскресеніи своемъ, будемъ летать, и что для этого волосы подъ мышками нашихъ рукъ преобразятся въ крылья. Знать: не помнилъ этотъ профессоръ богословія извѣстной заповѣди: ничего своего не прибавлять къ тому, что сказано въ Священномъ Писаніи; или такъ себѣ фантазировалъ предъ нами младоумными. Щеголялъ онъ на каѳедрѣ своею *нѣмецкою* ученостію и неологизмомъ». Лекціи его пр. Порфирій называетъ «болтовнею» [57]). Симпатіи о. Порфирія Успенскаго повидимому болѣе всего въ это время склонялись къ изученію исторіи и древностей, но и эта любовь едва ли образовалась у него подъ вліяніемъ академическихъ лекцій. Преподаваніе исторіи въ Академіи, по крайней мѣрѣ, гражданской баккалавромъ А. И. Райков-

[54]) Богослов. Вѣстн. 1904, кн. IX, стр. 117. [55]) Книга бытія моего, VI, 190. [56]) Тамъ же, IV, 209. [57]) Путеш. первое въ Аѳонск. мон. и скиты, ч. I, отд. I, стр. 93.

скимъ представлено имъ въ автобіографическихъ запискахъ въ комическомъ видѣ. «Бывало, пишетъ пр. Порфирій, баккалавръ А. П. Райковскій спрашивалъ меня, напр., о причинахъ паденія карѳагенской республики, напередъ плюнувъ подлѣ своей каѳедры и потомъ огласивъ меня по прозванію: Успенскій! Успенскій приподнимался медленно, обдумывая причины и отвѣчалъ:

— Первая причина — изпѣженность нравовъ и роскошь.

— Нѣтъ-съ! Это не первая причина, а четвертая, поправлялъ меня баккалавръ, потѣшаясь улыбкою моихъ товарищей.

Я продолжалъ: вторая причина—плохое благочиніе наемныхъ войскъ.

— Это-съ третья причина, говорилъ наставникъ, ударяя указательнымъ пальцемъ по воздуху.

Я продолжалъ: третья причина — внутреннее несогласіе, свойственное каждому народному правленію.

— Прекрасно-съ! Но это вторая причина.

У меня уже лобъ потѣлъ; однако, принатужившись, я брякнулъ: четвертая причина — превосходство римско-европейскаго гепія передъ африканскимъ, по слову поэта:

Audax Japheti genus
Jgnem fraude mala gentibus intullit!

— Превосходно-съ! Превосходно, садитесь! Потомъ баккалавръ еще разъ плевалъ на полъ и продолжалъ витійствовать еще пуще» [58]).

Не по душѣ была епископу Порфирію «и скелетная исторія церкви, которая читается и въ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ», которую онъ «долбилъ во время оно» и вмѣсто которой ему желательно было видѣть «философію церковной исторіи» [59]).

Нисколько неудивительно поэтому, что пр. Порфирій, какъ мы уже видѣли, былъ весьма недоволенъ состоянемъ науки

[58]) Книга бытія моего, IV, 218. [59]) Тамъ же, VII, 349; Александрійская патріархія. Т. I, стр. 402. Спб. 1898. — Достойно замѣчанія, что покойный митрополитъ московскій Филаретъ по поводу этого желанія еп. Порфирія выразился такъ: «желательно было бы знать, знаетъ ли онъ, чего проситъ»? (*Арх. Савва.* Собран. мнѣн. и отзыв. Филарета, м. московскаго по учебнымъ и церковно-государств. вопросамъ. т. дополнительн., стр. 558. Спб. 1887.

въ нашихъ семинаріяхъ и академіяхъ, признаетъ «не блестящимъ просвѣщеніе духовное» вообще [60]) и о себѣ прямо и категорически заявляетъ: «я мало познаній вынесъ изъ семинаріи и академіи, а что и что знаю теперь (т. е. въ 1884 г.), все это пріобрѣлъ, учась въ своей кельѣ» [61]).

Но какъ ни малы результаты, вынесенные изъ школы, они все же не могутъ быть признаны ничтожными. Прежде всего отсюда нашъ востоковѣдъ вынесъ *религіозное воспитаніе*—силу животворящую [62]), «отличное знаніе языка греческаго», который пригодился ему на Востокѣ [63]), достаточное знакомство съ латинскимъ языкомъ, на которомъ при случаѣ онъ могъ даже объясняться [64]) и превосходное знаніе языка французскаго [65]), разговоръ на которомъ «удивилъ» посланника русскаго при Портѣ А. П. Бутенева и его сотрапезниковъ, «не ожидавшихъ французскаго слова отъ русскаго монаха» [66]), «*академическую* привычку» — «обдумывать предметъ», о которомъ собирался писать, «и излагать его основательно, всесторонне и ясно» [67]), и даже самую любовь къ ученымъ занятіямъ съ юныхъ лѣтъ [68], какъ «восторженный любитель свѣта» науки [69]). Едва ли можно отрицать и то, что школа не прошла безслѣдно и въ дѣлѣ выработки его «булатнаго, цѣльнаго» характера. «Есть люди, пишетъ пр. Порфирій, которые, какъ булатныя сабли, закалены чрезвычайно хорошо. Согни ихъ въ дугу, они не сокрушатся. *И я булатъ той же закалки.* Одинъ Богъ можетъ сокрушить меня, а изъ людей никто» [70]). «*Я человѣкъ не половинчатый*, не только вѣрую, но и люблю и надѣюсь: слово у меня—дѣло; святая мысль и святое желаніе приводятъ мою волю въ соотвѣтственное ими движеніе. *Я человѣкъ цѣльный*: ставлю себѣ цѣль и иду къ ней бодро. На пути сопровождаетъ меня Богъ глаголомъ Своимъ: «не бойся, отрокъ мой, Я съ тобою. И не заблуждаюсь» [71]). «Нервы мои слабы, а воля крѣпка. Въ песчаныхъ пустыняхъ Ѳиваиды и Нитріи я изнемогалъ отъ зноя, жажды и усталости, но куда шелъ, такъ туда до-

[60]) Богослов. Вѣстн. 1904, кн. IX, стр. 121. [61]) Книга бытія моего, VIII, 500—501. [62]) Первое путешеств. въ Аѳон. мон. и скиты, т. I, отд. I, стр. 169. [63]) Книга бытія моего, IV, 346. [64]) Тамъ же, I, 22, 117. [65]) Тамъ же, I, 45, 161. [66]) Второе путеш. по св. Аѳонск. горѣ, стр. 12. М. 1880. [67]) Книга бытія моего, III, 132. [68]) Тамъ же, VIII, 325. [69]) Тамъ же, 37. [70]) Тамъ же, IV, 219. [71]) Тамъ же, V, 218. [72]) Книга бытія моего, II, 487.

шелъ, потому что хотѣлъ быть тамъ. Значитъ слабою сѣткою нервовъ монхъ одѣть кто-то другой, могучій» [72]). «Я монахъ, смѣло заявляетъ графу Протасову архимандритъ Порфирій, но воспитаніемъ и образованіемъ приготовленъ не для пустыни» [73]).

По окончаніи курса академіи въ 1829 году со степенью старшаго кандидата, съ правомъ полученія степени магистра, послѣ годичнаго прохожденія учительской должности, іеромонахъ Порфирій Успенскій былъ опредѣленъ во 2-й кадетскій корпусъ законоучителемъ, гдѣ, однако-же, оставался не долго, и въ 1831 году 2 сентября переведенъ законоучителемъ въ Одесскій Ришельевскій лицей. «Одесса, писалъ городскому головѣ греку Маразли 18 окт. 1883 года епископъ Порфирій,—мой любимый городъ. Въ немъ я назадъ 43 года учительствовалъ въ лицеѣ и семинаріи, нерѣдко проповѣдывалъ слово Божіе, былъ духовникомъ многихъ аристократическихъ семействъ и даже первый принималъ въ семинарію юныхъ болгаръ» [74]). «Этотъ городъ, замѣчаетъ еп. Порфирій, есть какъ бы солнце, около котораго сужденo мнѣ вращаться» [75]). Въ 1833 году о. Порфирій награжденъ золотымъ наперстнымъ крестомъ изъ кабинета Его Величества, 1 мая 1834 года назначенъ настоятелемъ Одесскаго второкласснаго Успенскаго монастыря и 20 того же мая возведенъ въ санъ архимандрита, а въ 1837 опредѣленъ присутствующимъ въ Херсонской духовной консисторіи. Съ преобразованіемъ Ришельевскаго лицея въ 1838 г. онъ долженъ былъ взять на себя преподаваніе богословія, церковной исторіи и каноническаго права. Въ томъ же 1838 году 18 іюля о. архимандритъ назначенъ былъ ректоромъ Херсонской духовной семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ, въ

[73]) Тамъ же, III, 131. [74]) Тамъ же, VIII, 523. Епископъ Порфирій покровительствовалъ и юношамъ-грекамъ, ищущимъ образованія въ Россіи. «Сегодня 4 дня (сент. 1846 г.), пишетъ онъ въ своихъ дневникахъ, пріѣхалъ изъ Константинополя благонамѣренный о Христѣ юноша грекъ, Димитрій Гумаликовъ, и я представилъ его въ здѣшнюю семинарію и поручилъ вниманію и руководству наставниковъ. Слава Господу за сіе доброе дѣло!» (Тамъ же, III, 27, 48, 50, 107, 142; IV, 211; VIII, 283. 524: Первое путеш. въ Аѳон. мон. и скиты, ч. II, отд. II, стр. 303. [75]) Книга бытія моего. III. 50.

каковой должности и состоялъ до 1840 года, т. е. до времени назначенія своего на службу за границу.

О профессорской дѣятельности пр. Порфирія судить въ настоящее время еще пока преждевременно, такъ какъ сохраняющіеся въ рукописяхъ многочисленные курсы по разнымъ отраслямъ богословскаго вѣдѣнія, не лишенные, по собственному признанію еп. Порфирія, «оригинальностей», которыя «онъ не вычиталъ у другихъ, а *изобрѣлъ самъ, изучая Іисуса въ Евангеліяхъ*» [76]), но которыя, по словамъ лицъ, видѣвшихъ эти курсы, можно признать за «субъективизмы» [77]), послѣ напечатанія ихъ, несомнѣнно прольютъ не мало свѣта на оригинальный во многихъ отношеніяхъ взглядъ ихъ автора по разнымъ пунктамъ православнаго богословія и въ этотъ начальный періодъ его ученo-литературной дѣятельности. Но какъ бы тамъ ни было, и въ это время служебной карьеры пр. Порфирія, его незаурядныя природныя дарованія и научная дѣятельность нашли уже справедливую оцѣнку у высшаго начальства и въ разныхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществахъ. Помимо наперстнаго кабинетнаго креста, при оставленіи службы въ Ришельевскомъ лицеѣ, арх. Порфирій удостоился за свою службу здѣсь Всемилостивѣйшаго Монаршаго благоволенія, а 29 апрѣля 1840 года сопричисленъ къ ордену св. Анны 2-й степени. Въ 1833 году арх. Порфирій избранъ директоромъ одесскаго попечительнаго комитета, 24 марта 1834 года Кіевская духовная академія избрала его въ свои корреспонденты, 21 октября 1835 г. онъ назначенъ былъ членомъ одесскаго статистическаго комитета, а 23 апрѣля 1839 г. избранъ въ дѣйствительные члены одесскаго общества исторіи и древностей.

Служба въ Одессѣ имѣла громадное вліяніе на дальнѣйшую служебную и научную карьеру пр. Порфирія. Здѣсь у него завязались и дружественныя знакомства, послужившія потомъ весьма солидными двигателями по пути достиженія намѣченныхъ имъ цѣлей и нерѣдко дававшія ему въ труд-

[76]) *П. А. Сырку.* Описаніе бумагъ епископа Порфирія Успенскаго, пожертвованныхъ имъ въ Импер. Академію Наукъ по завѣщанію. Спб. 1891, стр. 291. Самъ пр. Порфирій свои «прежнія профессорскія свѣдѣнія, во время путешествія по Аѳону въ 1846 году, называетъ «*скудными*». (Первое путешеств. въ Аѳон. мон. и скиты. М. 1880, ч. II, отд. II, стр. 129, 213).
[77]) Тамъ же, стр. 290.

ныя минуты жизни нравственную опору и душевную отраду, и непріязненныя, тормозившія его благіе порывы и мѣшавшія ему серьезно на жизненномъ пути. Изъ такихъ знакомствъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить его сближеніе до интимной дружбы съ Александромъ Скарлатовичемъ Стурдзою, «человѣкомъ умнымъ, по словамъ пр. Порфирія, христіаниномъ истинно православнымъ, патріотомъ горячимъ, писателемъ глубокомысленнымъ и витіеватымъ» [78]). «Ревностный ко благу православной церкви на Востокѣ», «старый и опытный въ дѣлахъ дипломатъ» А. С. Стурдза направилъ любознательную мысль еп. Порфирія на изученіе христіанскаго Востока и горячо и энергично поддерживалъ нашего ученаго востоковѣда въ его трудахъ и усиліяхъ, помогая ему сблизиться съ такими вліятельными и близкими ко Двору лицами, «добрыми христіанками», какъ напр., съ графинею Тизенгаузенъ, Т. Б. Потемкиной и баронесою Цециліею Фредериксъ, оказывавшими ему не разъ не маловажныя услуги своимъ вліяніемъ [79]). Не менѣе важное вліяніе на карьеру епископа Порфирія имѣло и сближеніе его съ новороссійскимъ и бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ М. С. Воронцовымъ († 1856 г.), который «любилъ его крѣпко» [80]). Въ домѣ графа Воронцова онъ училъ дѣтей Закону Божію [81]). Это сближеніе возбудило къ нему нерасположеніе извѣстнаго ссыльнаго Магницкаго, отъ котораго «одесскіе друзья предостерегали меня, сознается еп. Порфирій, какъ отъ чумы, и который, видя холодность мою къ нему, не любилъ меня, и даже въ проповѣдяхъ моихъ отыскалъ укоризны себѣ (о чемъ я не помышлялъ). Этотъ человѣкъ дружилъ съ графомъ Толстымъ (не долго былъ при Воронцовѣ градоначальникомъ, впослѣдствіи оберъ-прокуроръ Св. Синода) и, вмѣстѣ съ нимъ порицая управленіе Воронцова и написавъ на него доносъ государю Николаю Павловичу, наговорилъ ему, что *я не православенъ, что я esprit fort et sceptique* (вольнодумецъ и скептикъ) и не подвижникъ» [82]). Изъ другихъ знакомствъ по Одессѣ, не порывавшихся почти до послѣднихъ дней жизни нашего ученаго востоковѣда, достойны упоминанія дружба его съ протоіереями одесскими М. К. Павловскимъ,

[78]) Книга бытія моего, VI, 308. [79]) Тамъ же, III, 48—49, 106. [80]) Тамъ же, VII, 43. [81]) Тамъ же, VIII, 499. [82]) Тамъ же, VII, 43.

бывшимъ профессоромъ богословія въ Новороссійскомъ университетѣ, П. Е. Казанскимъ и др. [83]).

Здѣсь, въ Одессѣ пр. Порфирій изучилъ разговорный новогреческій языкъ, который принесъ ему громадную пользу въ его послѣдующихъ путешествіяхъ по Востоку, и на которомъ онъ даже писалъ не дурно [84]), и познакомился съ итальянскимъ языкомъ настолько удовлетворительно, что не только читалъ книги на этомъ языкѣ, но и «безъ малѣйшаго затрудненія» понималъ разговорную рѣчь [85]). Наконецъ, благодаря нерѣдкимъ путешествіямъ отсюда изъ любознательности и съ научными цѣлями, напр., въ 1836 г. въ Крымъ и около того же времени въ Бессарабію, пр. Порфирій пріобрѣлъ страсть къ далекимъ путешествіямъ, давшимъ его имени громкую извѣстность въ наукѣ.

По личному желанію [86]), въ 1841 году арх. Порфирій Успенскій былъ назначенъ настоятелемъ церкви при Императорской россійской миссіи въ Вѣнѣ, куда онъ выѣхалъ изъ Петербурга 3 мая. «Состоя при вѣнскомъ посольствѣ. я, пишетъ пр. Порфирій, въ досужіе часы занимался изученіемъ и древнѣйшихъ памятниковъ архитектуры пеласгической, римской, сарацинской по книгамъ» [87]). Здѣсь въ Вѣнѣ онъ изучилъ дотолѣ ему неизвѣстный нѣмецкій языкъ [88]), на которомъ впослѣдствіи онъ даже могъ говорить [89]). Отсюда онъ совершилъ путешествіе по Далматинскому побережью отъ Тріеста до Каттаро, знакомясь главнымъ образомъ съ бытомъ юго-западныхъ славянъ и памятниками ихъ письменности [90]).

[83]) Тамъ же, VIII, 95, 97. [84]) Книга бытія моего, I, 126; III, 218; Первое путеш. въ Аѳон. мон. и скиты, ч. II, отд. II, стр. 297; Путеш. въ метеор. и оссо-олимпійскіе монастыри въ Ѳессаліи въ 1859 г., стр. 269. Спб. 1896. [85]) Книга бытія моего, III, 253; V, 246; Перв. путеш. въ Аѳон. мон. и скиты, ч. I, отд. I, стр. 16. [86]) Книга бытія моего, III, 117; V, 317, 318. Мотивъ просьбы—возстановленіе пошатнувшагося здоровья, по причинѣ котораго арх. Порфирій вынужденъ былъ просить у оберъ-прокурора графа Протасова «увольненія на время отъ профессорской должности въ Херсонской семинаріи съ сохраненіемъ жалованья». (Книга бытія моего, I, 133). [87]) Тамъ же, II, 37. [88]) Тамъ же, I, 16. [89]) Тамъ же, 158; III, 628. «Посланникъ (В. П. Титовъ), пишетъ пр. Порфирій въ 1843 г., поговорилъ со мною кой о чемъ по-гречески, *по-нѣмецки* и французски, вѣроятно для испытанія моего языкознанія». (Тамъ же, I, 158). [90]) Тамъ же, I, 35, 102.

Служеніе архимандрита Порфирія Успенскаго въ Вѣнѣ было непродолжительно, около полутора года. Въ августѣ 8 числа 1842 года онъ былъ отозванъ изъ Вѣны въ Петербургъ [91]) и, возвратившись черезъ Краковъ и Варшаву, онъ узналъ о новомъ своемъ назначеніи въ Іерусалимъ, каковое было подсказано, какъ можно было думать, его одесскимъ другомъ и ревнителемъ православія на Востокѣ А. С. Стурдзою [92]).

Неожиданное для архимандрита Порфирія назначеніе на Востокъ было вызвано слѣдующими обстоятельствами и побужденіями. До 1840—1841 гг. истекшаго XIX столѣтія на святыхъ мѣстахъ въ Палестинѣ не хотѣли признавать въ Россіи никакихъ интересовъ, не смотря на то, что тяготѣніе у русскихъ людей туда, почти съ первыхъ дней христіанства въ нашемъ отечествѣ, было велико и постоянно. Оффиціальный покровитель нашихъ многочисленныхъ паломниковъ въ Палестину явился только въ 1839 году, когда было учреждено въ Бейрутѣ, въ Сиріи, русское генеральное консульство съ подчиненіемъ ему и Палестины. Но это равнодушіе къ интересамъ православія и своихъ соотечественниковъ смѣняется въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ тревогою, когда въ Іерусалимѣ въ 1841 году 7—19 іюля было учреждено англиканско-евангелическое епископство и когда протестанты и католики, дотолѣ сравнительно равнодушные къ святынямъ на Востокѣ, начинаютъ обнаруживать въ дѣлѣ пропаганды среди обитателей Сиріи и Палестины энергическую дѣятельность. Обезпокоенный начавшимся движеніемъ на Востокѣ нашъ вице-канцлеръ графъ К. В. Нессельроде въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ 1842 года въ іюнѣ мѣсяцѣ, между прочимъ, писалъ, что, «къ сожалѣнію, бѣдствія христіанской церкви (на Востокѣ) происходятъ не отъ одного лишь мусульманскаго владычества; они также имѣютъ причиною: 1) стремленіе католиковъ и протестантскихъ миссіонеровъ къ распространенію своихъ вѣроисповѣданій; 2) недостаточность нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ греческаго духовенства для предупрежденія пагубнаго ихъ прозелетизма. При обсужденіи мѣръ, какія могли бы быть

[91]) Тамъ же, 105. [92]) Сообщен. Импер. Прав. Палест. Общ. 1895, февраль, стр. 34.

приняты со стороны россійскаго правительства для поддержанія греческой церкви признавалось полезнымъ *присутствіе въ Іерусалимѣ благонадежной и образованной особы изъ россійскаго духовенства.* Мысль эта донынѣ оставалась безъ дѣйствія изъ опасенія, чтобы не возбудить подозрѣній Порты и зависти другихъ христіанскихъ державъ. Но *теперь* приведеніе ея въ исполненіе становится болѣе и болѣе необходимымъ, въ особенности со времени назначенія въ Іерусалимъ протестантскаго епископа при настоящихъ дѣйствіяхъ англиканскихъ миссіонеровъ. Польза, какая могла произойти отъ присутствія русскаго духовнаго лица въ Іерусалимѣ состояла бы въ слѣдующемъ: 1) *ему, по самому сану своему, удобнѣе, чѣмъ свѣтскому человѣку, можно было бы вникнуть во всѣ обстоятельства, касающіяся православной церкви*; 2) симъ оказано было бы греческому духовенству соучастіе единовѣрной россійской церкви; 3) греческое духовенство получило бы чрезъ то одобреніе (?) и нравственную опору, и наконецъ 4) *россійское духовное лицо могло бы быть ближайшимъ посредникомъ между Святѣйшимъ Синодомъ и іерусалимскимъ духовенствомъ*, передавать оному совѣты и внушенія (sic!) для пользы православной церкви, имѣть хотя поверхностное наблюденіе за полезнымъ употребленіемъ собираемыхъ въ Россіи для св. Гроба суммъ и т. п. Нельзя не сознаться, что *гласное отправленіе* духовнаго лица въ Іерусалимъ имѣетъ также и свои неудобства, которыя могутъ проистекать отчасти отъ разныхъ политическихъ соображеній, а отчасти отъ недовѣрчивости и личныхъ видовъ греческаго высшаго духовенства. А потому на первый случай можно было бы ограничиться мѣрою, такъ сказать, испытательною. *Съ сей цѣлью надлежало бы избрать кроткаго, благоразумнаго, надежнаго іеромонаха или архимандрита, но никакъ не выше этого сана, и отправить его въ Іерусалимъ въ качествѣ поклонника.* По прибытіи туда, онъ могъ бы, исполняя всѣ обязанности богомольца, стараться снискать довѣріе тамошняго духовенства, постепенно вникать въ положеніе православной церкви, сообразить на мѣстѣ, какія всего удобнѣе было бы принять мѣры къ поддержанію православія, доносить о томъ россійскому правительству чрезъ посредство консула нашего въ Бейрутѣ и, *по руководству сего послѣдняго*, дѣлать при случаѣ нѣкоторыя полезныя внушенія (sic!) греческому духовенству

отъ собственнаго своего имени и съ братскою любовію, стараясь при томъ убѣдить его въ благочестивомъ соучастіи Высочайшаго Двора къ единовѣрцамъ нашимъ. Когда же опытъ укажетъ, что пребываніе въ Іерусалимѣ русскаго агента изъ духовныхъ можетъ дѣйствительно принести существенную пользу православной церкви, тогда, смотря по обстоятельствамъ, можно будетъ продлить его тамъ пребываніе *подъ какимъ либо предлогомъ* и снабдить болѣе положительными наставленіями касательно дальнѣйшаго образа дѣйствій. До того же времени необходимо, чтобы онъ *во всемъ совѣщался съ нашимъ консуломъ*, ибо сему послѣднему ближе извѣстны политическія обстоятельства, съ коими надлежитъ сообразовать и духовныя дѣла» [93]).

Въ роли такого подневольнаго «поклонника» [94]) и «благонадежной и образованной особы изъ россійскаго духовенства» и очутился въ 1843 году апрѣля 26 архимандритъ Порфирій Успенскій съ задачами, о которыхъ, по его собственому сознанію, онъ «ни думалъ, ни гадалъ» [95]), хотя о паломничествѣ въ Іерусалимъ онъ въ тайнѣ и лелѣялъ мечту уже довольно давно. «Если вамъ, говорилъ арх. Порфирій оберъ-прокурору Св. Синода графу А. Н. Протасову, угодно послать меня въ Іерусалимъ, я поѣду туда съ величайшею охотою. Мнѣ отрадно исполнить возлагаемое на меня порученіе и вмѣстѣ *удовлетворить давней потребности души моей*. Еще въ Вѣну я поѣхалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, по прошествіи трехъ или четырехъ лѣтъ на службѣ при тамошнемъ посольствѣ, отправиться въ Іерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню. И вотъ, Провидѣніе Божіе устроило обстоятельства моей жизни такъ, что сочетало обѣтъ мой съ порученіемъ правительства. Покаряюсь волѣ Господней, благоговѣя предъ нею. Но можетъ быть я сдѣлался недостойнымъ орудіемъ власти (намекъ на угрозу оберъ-прокурора доложить Государю о нежеланіи арх. Порфирія ѣхать на Востокъ). И такъ, поступайте со мною какъ хотите, но всетаки, по истеченіи нѣкотораго времени, я буду просить у васъ *позволенія съѣздить въ Іерусалимъ, куда влекутъ меня сердце и наука*» [96]).

[93]) Тамъ же, 25—28. [94]) Самъ арх. Порфирій этотъ отъѣздъ свой въ Іерусалимъ называетъ *обязательнымъ*.(Первое путеш. въ Аѳон. мон. и скиты, ч. II, отд. I, стр. 167). [95]) Книга бытія моего, I, 105. [96]) Тамъ же, 132.

Но эта отправка въ Іерусалимъ арх. Порфирія состоялась, однако же, послѣ волокиты болѣе чѣмъ въ семь мѣсяцевъ [97]), благодаря осложненіямъ въ нашихъ сношеніяхъ съ Турціею изъ-за изгнанія изъ Сербіи князя Михаила Обреновича и дяди его Ефрема Обреновича, чуть было не повлекшимъ за собою выѣзда изъ Константинополя нашей Императорской миссіи [98]). Въ маѣ мѣсяцѣ «сербскія дѣла кончены мирно» [99]), и вопросъ объ отправленіи на Востокъ арх. Порфирія выдвигался самъ собою на очередь. И въ азіатскомъ департаментѣ (директоръ Л. Г. Сенявинъ), и въ Св. Синодѣ (оберъ-прокуроръ графъ Протасовъ), и нашъ посланникъ въ Константинополѣ Титовъ усиленно начали хлопотать о выѣздѣ арх. Порфирія къ новому своему назначенію. Естественно у посылаемаго на Востокъ архимандрита являлось желаніе получить точную инструкцію, которой бы онъ могъ руководиться въ своей дѣятельности, но ему въ этомъ отказали, заявивъ: «всѣ нужныя наставленія касательно вашихъ дѣйствій на Востокѣ» вы получите отъ посланника Титова и то словесно. А теперь предварительно мы просимъ васъ, прибавилъ директоръ Л. Г. Сенявинъ, выслушать слѣдующіе совѣты:

1) «*Строго и точно исполняйте всѣ обязанности поклонника.*

2) «Не окружайте себя никакою таинственностію, но и *ничѣмъ не давайте знать, что вы посланы правительствомъ.*

3) «Старайтесь пріобрѣсть довѣріе и любовь восточнаго духовенства и, пользуясь расположеніемъ его, узнавайте постепенно настоящія потребности православной церкви въ Палестинѣ, и духъ, усилія, средства, успѣхи или неудачи тамошнихъ католиковъ, армянъ и протестантовъ.

4) «Бога ради не дѣлайте тамъ никакихъ распоряженій. *Ваша главная обязанность состоитъ* въ томъ, чтобы собрать вѣрныя свѣдѣнія о состояніи палестинской церкви и на мѣстѣ обсудить: какія мѣры надлежитъ принять для поддержанія и благосостоянія ея.

5) «Отчетъ о ней вы напишите въ Константинополѣ, уже по возвращеніи изъ Іерусалима, и представите посланнику, который препроводитъ его къ намъ при своемъ мнѣніи. Совѣтую вамъ показать ему черновой отчетъ вашъ и перего-

[97]) Тамъ же, 130. [98]) Книга бытія моего, I, 119. [99]) Тамъ же.

ворить съ нимъ о тѣхъ предметахъ, о которыхъ онъ будетъ судить иначе, нежели вы. Ему лучше васъ извѣстны церковныя и политическія дѣла въ Турціи, и потому его сужденія послужатъ повѣркою вашихъ мнѣній. Однако мы не стѣсняемъ васъ. Можете писать отчетъ, какъ вамъ угодно, на основаніи своихъ наблюденій» [100]).

Едвали и слѣдуетъ прибавлять, что всѣ эти «предварительные совѣты» директора азіатскаго департамента Л. Г. Сенявина сдѣланы въ духѣ извѣстнаго уже намъ доклада вице-канцлера графа Нессельроде Государю Николаю Павловичу, хорошо извѣстнаго въ цѣломъ своемъ видѣ и арх. Порфирію [101]), а поэтому и не удовлетворили вполнѣ послѣдняго. Арх. Порфирій откровенно высказывалъ, что его «смущаетъ тайна его посольства» [102]), какъ «частнаго человѣка» [103]). «Нельзя-ли перемѣнить мою роль, вопрошалъ арх. Порфирій Л. Г. Сенявина, и отправить меня на Востокъ отъ лица нашей церкви»? Но, увы, въ Петербургѣ боялись согласиться на это и заранѣе предрѣшили отправить «благонадежную и образованную особу изъ россійскаго духовенства» въ роли «обыкновеннаго поклонника» и, еще хуже, въ болѣе унизительной роли «тайнаго агента Россіи» [104]). Испросивъ для себя съ оговорками разрѣшеніе заняться составленіемъ краткой исторіи четырехъ патріархатовъ и совершить путешествіе въ Египетъ и на Синай, арх. Порфирій, можно сказать, исчерпывалъ вполнѣ тѣ цѣли и задачи, какія онъ долженъ былъ выполнить въ роли *инкогнито* отъ русскаго правительства въ Іерусалимѣ. Замѣчательно, до какой степени въ это время боялись смѣло и открыто выступить въ роли защитника интересовъ православія и своихъ національныхъ на Востокѣ, лучшимъ образчикомъ этого можетъ служить тотъ фактъ, что деньги въ количествѣ 1500 р. на путевые расходы арх. Порфирія, по докладу Государю, назначаются не «изъ государственнаго казначейства, *во избѣжаніе огласки*, а изъ суммъ министерства иностранныхъ дѣлъ, ассигнуемыхъ на азіатскія дѣла» [105]).

Въ субботу—въ свой «счастливый день»—23 мая 1843 года выѣхалъ арх. Порфирій изъ Петербурга въ Одессу [106]), изъ

[100]) Тамъ же, 125—126, 127, 137. [101]) Тамъ же, 124. [102]) Тамъ же, 169. [103]) Тамъ же, 123. [104]) Тамъ же, 121. [105]) Тамъ же, 128. [106]) Тамъ же, 138.

которой получилъ возможность двинуться на Востокъ далѣе 20 сентября, и прибылъ въ Сирію—къ цѣли своего стремленія—лишь 23 октября въ субботу же. «На христіанскомъ Востокѣ первая страна, которую надлежало мнѣ обозрѣть, привѣтствуетъ арх. Порфирій свое вступленіе сюда, была Сирія, омываемая Средиземнымъ моремъ. На берегъ ея, въ пристани тамошняго города Бейрута, я въ первый разъ ступилъ въ 1843 году, 23 октября, въ день субботній. Тогда мнѣ еще не подоспѣлъ сороковой годъ отъ рожденія, и силы мои, тѣлесныя и духовныя, состояли въ совершенной гармоніи. Душа моя жаждала новыхъ познаній, точныхъ и многосторонніхъ, и вмѣстѣ была полна вдохновенною увѣренностію въ успѣхѣ моего любознательнаго странствія по невѣдомому Востоку» [107]). Цѣлью пріѣзда въ Бейрутъ, по указанію, данному еще въ Петербургѣ, было «совѣщаніе съ нашимъ консуломъ Базили, которому хорошо извѣстны дѣла Сиріи и Палестины» [108]) и «подъ руководство» котораго ставился «кроткій, благоразумный и надежный» архимандритъ—поклонникъ у Св. Гроба, мѣтко прозванный самимъ арх. Порфиріемъ «*соглядатаемъ* Востока» [109]). О своемъ новомъ «руководителѣ»—генеральномъ консулѣ въ Бейрутѣ онъ, не «обинуясь», заявляетъ, что «онъ не обладаетъ искусствомъ привлекать сердца къ Россіи и къ себѣ любовію, тонкостію и нѣжностію обращенія, благоразуміемъ и приличіемъ. Онъ слишкомъ повелителенъ и даже дерзокъ. Страхъ—вотъ его орудіе» [110]). «Самъ консулъ, даетъ его характеристику арх. Порфирій, смугленькій, худенькій вдовецъ, съ просѣдью, остроуменъ, образованъ, честолюбивъ, раздражителенъ, нѣженъ къ своимъ дѣтямъ и холоденъ ко всѣмъ прочимъ; говоритъ много, быстро, складно, умно, занимательно,—это пестренькая птичка съ хохолкомъ и съ пріятнымъ голоскомъ» [111]). Позже нѣсколько арх. Порфирій измѣнилъ свое мнѣніе о г. Базили и даже называетъ его своимъ другомъ [112]).

«Оставивъ Бейрутъ, я, пишетъ арх. Порфирій, перешелъ горы Ливанъ и Антиливанъ среди облаковъ, зіявшихъ молніеноснымъ огнемъ и подъ проливнымъ дождемъ, и невредимый прибылъ въ Дамаскъ въ 29 день того же мѣсяца. Тамошній

[107]) Труды Кіевск. дух. Акад. 1874, ч. II, стр. 346. [108]) Книга бытія моего, I, 124. [109]) Труды Кіевск. дух. Акад. 1874, II, 348. [110]) Книга бытія моего, I, 675. [111]) Тамъ же, III, 615. [112]) Тамъ же. VIII. 552.

патріархъ Меѳодій, донынѣ незабвенный и любимый мною, принялъ меня съ тѣмъ радушіемъ, съ тою довѣрчивостію и откровенностію и съ тѣмъ ожиданіемъ пользы отъ моего соглядатайства многострадальной Сиріи, кои съ первой минуты нашего взаимнаго лобзанія святого породили во мнѣ полную симпатію къ нему. У него я гостилъ, какъ сынъ у отца. Дѣловымъ рѣчамъ нашимъ, вопросамъ и отвѣтамъ не было конца» [113]). Дѣловые разговоры касались тяжелой зависимости антіохійскаго патріарха отъ вселенскаго, русскаго консула Базили, мало вникающаго въ дѣйствительныя нужды сирійской церкви и безтактности его поведенія, училищъ въ патріархатѣ и помощи на это дѣло отъ нашего Государя, Св. Синода [114]) и др. Здѣсь арх. Порфирій получилъ на арабскомъ языкѣ любопытный списокъ антіохійскихъ патріарховъ отъ апостола Петра до Даніила, рукоположеннаго въ 1767 г., составленный священникомъ Михаиломъ Брекомъ, переведенный и напечатанный потомъ арх. Порфиріемъ въ «Трудахъ кіевск. дух. Академіи» за 1874 г. ч. II.

Съ цѣлью ознакомиться съ состояніемъ монастырей антіохійскаго патріархата, съ бытомъ и религіозною жизнію туземцевъ, въ видахъ научной любознательности вообще, арх. Порфирій изъ Дамаска отправился въ Сайданайскій женскій монастырь и въ древній монастырь св. Ѳеклы, и, посѣтивъ уніатскій монастырь Сергія и Вакха и латинскіе монастырки вокругъ Сайданайской обители, вернулся обратно въ Дамаскъ, съ тягостными впечатлѣніями въ душѣ отъ убожества и запущенности здѣсь святыхъ храмовъ и отъ грубости и невѣжества не только низшаго клира, но даже и мѣстныхъ архіереевъ (напр., митрополита селевкійскаго Іакова).

Изъ Дамаска арх. Порфирій 14 ноября, въ сопровожденіи патріаршаго архимандрита, направился на сѣверъ къ Бальбеку для осмотра его развалинъ, оттуда переѣхалъ Ливанъ и по дорогѣ близъ моря доѣхалъ, наконецъ, 17 декабря, до Яффы. И въ этомъ своемъ путешествіи арх. Порфирій преслѣдовалъ тѣ же задачи, какія онъ намѣтилъ при поѣздкѣ въ монастыри близъ Дамаска,—ознакомленіе съ бытомъ мно-

[113]) Труды Кіевск. дух. Акад. 1874, II, 346—347. [114]) Книга бытія моего, I, 219—221.

голодныхъ монастырей, какъ напр. св. Георгія на Ливанѣ и Бальменда, и такихъ малолюдныхъ, какъ св. Георгія въ Триполи, гдѣ онъ нашелъ лишь одного игумена, съ положеніемъ духовенства высшаго и низшаго, уясненіе для себя взаимныхъ отношеній между клиромъ и мірянами, осмотръ бѣдныхъ до нищеты храмовъ и т. п.

20 декабря 1843 года арх. Порфирій прибылъ въ Іерусалимъ. Извѣщенное о его пріѣздѣ греческое духовенство вышло къ нему на встрѣчу, отъ которой онъ, однако же, «съ растерзаннымъ сердцемъ» отказался, направившись въ Ѳеодоровскій монастырь, гдѣ обыкновенно останавливались на жительство русскіе паломники. Греки, приготовившіе помѣщеніе для гостя въ патріархіи, остались недовольны его отказомъ. Еще до появленія въ Іерусалимѣ арх. Порфирія греческое мѣстное духовенство смотрѣло на его пріѣздъ сюда крайне подозрительно, «наложивъ другъ на друга проклятіе, если кто изъ нихъ вздумаетъ измѣнить тайнамъ ихъ управленія и жизни и объявитъ ихъ» ему [115]), а теперь это недовѣріе возросло до послѣдней степени. По Іерусалиму стали циркулировать слухи, что арх. Порфирій присланъ сюда въ качествѣ русскаго консула [116]). Не удивительно, что состояніе духа арх. Порфирія было крайне тяжелое. «Тяжело мнѣ здѣсь въ Іерусалимѣ, пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ подъ 6 февраля 1844 г., сердце болитъ, разсудокъ непрерывно сердится на безпорядки человѣческаго общества, утѣшенья нѣтъ ни отъ людей, ни отъ природы» [117]). Не измѣнилось состояніе духа нашего «невольнаго паломника» и послѣ, когда онъ, въ цѣляхъ паломническихъ и научныхъ, началъ совершать выѣзды изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ, на Іорданъ, въ Галилею, въ Іудею и въ монастырь св. Саввы Освященнаго, когда ему представился широкій просторъ, путемъ непосредственныхъ личныхъ наблюденій и слуховъ, ознакомиться съ распущенностію нравовъ святогробскаго духовенства и монаховъ, живущихъ по монастырямъ, съ жалкимъ приниженнымъ положеніемъ сельскаго духовенства особенно изъ туземцевъ — арабовъ, съ

[115]) Тамъ же, 355; Сн. 379, 420. [116]) Тамъ же, 364. [117]) Книга бытія моего, I, 447.

убожествомъ и нищетою греческихъ и арабскихъ храмовъ, съ отсутствіемъ болѣе или менѣе благоустроенныхъ школъ для грамоты, со множествомъ всякаго рода интригъ и каверзъ въ средѣ испорченнаго святогробскаго монашества и т. д. и т. д. Естественно поэтому, что душа арх. Порфирія возмущалась всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, и изъ—подъ его пера выливались крайне желчныя филиппики [118]) по адресу греческаго господствующаго духовенства на страницы его «бытійной книги»—дневника [119]). «Я сѣкира, говоритъ о себѣ арх. Порфирій, и лежу при корени гнилаго дерева». «Истина и правда заставляютъ меня обнаружить всѣ мерзости здѣшнія» [120]). Обозрѣвая церковь въ Меджеделѣ и найдя въ ней крайній безпорядокъ, арх. Порфирій восклицаетъ: «Господь возгремитъ гнѣвомъ своимъ на безпечныхъ епитроповъ патріарха и на самого его, Христосъ убѣжалъ отъ нихъ» [121]). «Разсудокъ мой остервенился на намѣстниковъ патріарха, говоритъ онъ по поводу грязи въ церкви деревни Магулы, и я въ глубинѣ души произнесъ имъ: анаѳема. Подлинно, эти намѣстники стоятъ отлученія отъ церкви и лишенія архіерейскаго сана за крайнее нерадѣніе о паствѣ, эгоизмъ, корыстолюбіе и безвѣріе [122])». «Ежели въ другихъ селахъ церкви еще хуже этой (т. е. Яфской близъ Назарета), то я, замѣтилъ арх. Порфирій своимъ спутникамъ, выплачу свои очи» [123]).

Съ любовью и нѣжною заботливостію въ противовѣсъ этому относится арх. Порфирій къ забитому арабскому духовенству и вообще къ христіанамъ арабамъ, презираемымъ греческимъ духовенствомъ [124]). «За обѣдомъ я, пишетъ арх. Порфирій, защищалъ предъ намѣстниками арабскій народъ, хваля его учтивость, трудолюбіе, честность и твердость въ вѣрѣ... Арабы въ теченіе второго тысячелѣтія хранятъ твердо вѣру православную, не смотря на гоненія магометанъ и при всей темнотѣ ихъ пастырей. Поразительна ихъ дѣтская простота, съ какою они молятся въ своихъ храмахъ, кои не имѣютъ почти ничего похожаго на домъ Божій. Всѣ эти храмы находятся въ столь жалкомъ положеніи, содержатся

[118]) Тамъ же, 436, 595 и др. [119]) Тамъ же, IV, 136. [120]) Тамъ же, I, 436. [121]) Тамъ же, 523. [122]) Тамъ же, 524. [123]) Тамъ же, 522. [124]) Книга бытія моего, I, 437.

въ такой неопрятности, а священники такъ темны и такъ нерадивы къ исполненію своихъ обязанностей, что я плакалъ, при обозрѣніи ихъ храмовъ. Но я не виню въ этомъ арабовъ темныхъ отъ того, что никто въ мірѣ не думаетъ о просвѣщеніи и спасеніи ихъ, отъ того, что греческое духовенство презираетъ ихъ и считаетъ хуже псовъ смердящихъ, забывая, что церковь палестинская заключается не въ рукотворномъ храмѣ, а въ душахъ крестившихся въ смерть Христову» [125]). «Я любовался учтивостію арабовъ, замѣчаетъ арх. Порфирій въ другомъ мѣстѣ, и думалъ выгодно объ этомъ народѣ. Въ немъ таятся сильные зародыши свободы, равенства, единодушія, правоты, степенности и строгости правилъ и нравовъ. При такихъ качествахъ и при лучшемъ правительствѣ, этотъ народъ сталъ бы на высокую степень человѣческаго общественнаго совершенства. Но жаль, что этому орлу не позволяетъ парить тяжелый свинецъ, привязанный къ его головѣ и крыльямъ» [126]). Арх. Порфирій щедро раздаетъ арабамъ деньги [127]), рекомендуетъ давать ходъ къ высшимъ степенямъ церковнымъ природнымъ арабамъ [128]), араба Авраама Джегшену проситъ устроить русскимъ агентомъ въ Газѣ для поддержанія тамъ православія и для защиты русскихъ паломниковъ, идущихъ на Синай и возвращающихся оттуда [129]) и т. д. Впрочемъ, арх. Порфирію не было чуждо сознаніе и недостатковъ этого народа. «Деньги для араба—не полбога, а богъ. Скажи, арабу: здравствуй, а онъ тотчасъ скажетъ: бакшишъ» [130]), замѣчаетъ онъ по поводу ихъ корыстолюбія, которое, по его убѣжденію, даетъ основаніе считать ихъ ненадежными сынами православной церкви. «Въ арабскомъ племени, пишетъ арх. Порфирій, безо всякаго сомнѣнія, таятся зародыши духовнаго образованія, и протестантство, по обнаженности обрядовъ, *за кои не нужно платить попамъ денегъ*, по дешевизнѣ устройства безъ иконостасовъ храмовъ и особенно по *щедрой благотворительности—протестантское общество можетъ понравиться арабамъ. Паписты и протестанты—вотъ будущіе дѣятели на Востокѣ!* Можетъ ли противостоять ихъ натиску греческое духовенство, почти беззащитное, нелюбимое туземцами и иждивающее

[125]) Тамъ же, 652—654. [126]) Тамъ же, II, 253—254. [127]) Тамъ же, I, 547. [128]) Тамъ же, 366; Сн. II, 85. [129]) Тамъ же, II, 353. [130]) Тамъ же, I, 547.

огромнѣйшіе доходы свои на безполезную покупку пустыхъ земель и домовъ, на безконечные судебные процессы и на подарки туркамъ» [131]).

Борьба грековъ съ католиками [132]) и армянами [133]) на святыхъ мѣстахъ занимала вниманіе арх. Порфирія серьезно и внушила ему нѣсколько плановъ къ урегулированію этихъ отношеній, плановъ по идеѣ хотя и несбыточныхъ, но тѣмъ не менѣе не лишенныхъ искренности и готовности—разрѣшить этотъ тяжелый для благочестиваго человѣка вопросъ о modus vivendi на св. мѣстахъ. Съ армянами въ частности арх. Порфирію удалось установить дружественныя отношенія [134]).

Но среди сложности своихъ задачъ, возложенныхъ на него министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и Св. Синодомъ, арх. Порфирій ни на минуту не забывалъ главной своей задачи—подготовить твердую почву для будущей постоянной миссіи въ Іерусалимѣ. Уже въ самомъ началѣ 1844 года, подъ 7 января, менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ по прибытіи въ Іерусалимъ, архимандритъ Порфирій въ ряду замѣтокъ подъ № 14 пишетъ въ дневникѣ: «учредить въ Іерусалимѣ русскую миссію:

a) для видимаго единенія церквей іерусалимской и антіохійской и россійской, и для взаимныхъ извѣстій;

b) для наблюденія за расходами денегъ, высылаемыхъ изъ Россіи;

c) для наблюденія за русскими поклонниками [135]).

[131]) Книга бытія моего, I, 650—651. [132]) Тамъ же, 531, 666. [133]) Тамъ же, 597, 607, 645. [134]) Тамъ же, 455, 586, 591, 606; II, 87—89, 311, 331. [135]) Частнѣе по вопросу о русскихъ паломникахъ арх. Порфирій писалъ слѣдующее: 1) «не отпускать изъ Россіи вмѣстѣ поклонниковъ и поклонницъ, дабы они не знакомились дорогою; 2) отмѣчать поведеніе ихъ въ монастыряхъ здѣшнихъ и особымъ донесеніемъ извѣщать Св. Синодъ; 3) отвѣтственность за духовныхъ возложить на архіереевъ, а за мірскихъ—на мѣстныхъ начальниковъ гражданскихъ и военныхъ; 4) для примѣра высылать буйныхъ въ Россію въ кандалахъ и содержать ихъ въ монастыряхъ, какъ арестантовъ, смотря по преступленіямъ ихъ; 5) отбирать деньги на границѣ и пересылать ихъ въ Царь-Градъ для уплаты за корабли; 6) постановить правиломъ не хоронить скоро русскихъ по смерти, а выжидать трое сутокъ; 7) учредить благочиннаго монаха изъ русскихъ и духовника; 8) архіереямъ и мѣстнымъ гражданскимъ властямъ имѣть наблюденіе за поклонниками, когда они собираютъ деньги на Гробъ Господень, ибо случается, что они не отдаютъ ихъ, и 9) лучше бы прекратить подобные сборы, а объявить желающимъ

d) для снабженія всѣхъ сельскихъ церквей Сиріи и Палестины иконами. При миссіи должны быть иконописцы и школа иконописанія;

e) для принятія и отсылки подаяній изъ Россіи въ назначенныя мѣста, ибо теперь этого не дѣлаютъ;

f) для наблюденія, гдѣ—въ какихъ деревняхъ—арабы обращены въ магометанство изъ христіанъ и гдѣ они помнятъ прежнее христіанство, гдѣ имѣютъ почитаніе къ святымъ нашимъ и пр., дабы при будущемъ торжествѣ православія начать съ этихъ деревень миссіонерство и обращеніе въ христіанскую вѣру;

h) для подаянія полезныхъ совѣтовъ при устройствѣ школъ народныхъ и семинаріи и академіи въ самой патріархіи.

g) Русскую миссію устроить на горѣ Елеонской или, по крайней мѣрѣ, въ монастырѣ св. Креста или Иліи пророка.

i) *Для покупки горы Елеонской и для постройки монастыря на мѣстѣ Вознесенія Господня собрать добровольныя подаянія въ Россіи.* Ихъ будетъ много» [136]).

Но намѣренія русскаго правительства и планы о. архимандрита Порфирія не пришлись по вкусу святогробскому духовенству, не вѣдавшему дотолѣ надъ собою никакого контроля. Всесильный въ ту пору въ патріаршемъ синодѣ и служившій, по выраженію о. арх. Порфирія, «вмѣсто кормила для здѣшняго синода», монахъ Анѳимъ первый высказался по этому вопросу. «Назначеніе сюда духовной русской миссіи едвали было бы полезно, говорилъ о. Анѳимъ арх. Порфирію. Ибо если случится какая-либо размолвка между греческимъ и русскимъ духовенствомъ, то отъ этого произойдетъ соблазнъ въ народѣ; пожалуй, враги или чернь будутъ говорить, что или русскіе, или греки—еретики, не согласны между собою во мнѣніяхъ и правилахъ. При томъ

жертвовать, чтобы они тайно посылали богатыя и бѣдныя даянія *архіереямъ*, а сіи въ Іерусалимъ». (Книга бытія моего, ч. I, стр. 361—362). «Обратить бдительное вниманіе на поклонниковъ русскихъ, которые приходятъ въ Іерусалимъ по два, по три раза. Они ведутъ торгъ, живутъ крайне безумно, особенно изъ духовнаго званія». (Тамъ же, стр. 360). О. арх. Порфирій издалъ для паломниковъ и «написанныя правила», соблюденіе которыхъ требовалъ отъ епитроповъ. (Тамъ же, стр. 361). [136]) Книга бытія моего, I, 359—360.

въ случаѣ какого-либо переворота политическаго, напр., въ случаѣ войны Россіи съ Турціею, падетъ подозрѣніе и даже гоненіе на духовенство Гроба Господня. Насъ убьютъ, а храмъ сожгутъ, говорилъ Анѳимъ, за то только, что русскіе будутъ жить вмѣстѣ съ нами». Позже тотъ же о. Анѳимъ признавался іеродіакону Григорію, спутнику арх. Порфирія, что «здѣшніе синодалы давно уже хлопочутъ о томъ, чтобы не было здѣсь русской миссіи, ибо они боятся: a) что всѣ славяне православные будутъ ходить въ русскую церковь и смотрѣть на русскихъ, какъ на образецъ (тутъ есть опасеніе лишенія доходовъ и вліянія на славянъ), b) боятся открытія злоупотребленій, c) боятся, что патріархъ будетъ возвращенъ къ своему мѣсту, и d) боятся, что *Россія мало-по-малу положитъ свои лапы на Палестину*» [137]). Съ большею и даже излишнею откровенностью по тому же вопросу высказался митрополитъ виѳлеемскій Діонисій, находившійся въ неладахъ съ святогробцами. «Патріархъ и синодъ не только не желаютъ, но даже боятся руссой миссіи, какъ чортъ ладону, признавался арх. Порфирію этотъ митрополитъ, по слѣдующимъ причинамъ:

1) «Надобно разстаться съ 14-лѣтними коконами и обратить патріархію изъ гарема въ монастырь.

2) Опасаются соединенія болгаръ съ русскими и лишенія доходовъ. Болгары будутъ предпочтительно ходить въ русскую церковь. Мы лишимся доходовъ и вліянія на болгаръ и прочихъ единовѣрцевъ, исключая грековъ.

3) Въ случаѣ войны Россіи съ Турціею, русская духовная миссія подвергаетъ здѣшнюю патріархію опасности жизни, а храмъ—разоренію или передачѣ его въ руки латиновъ или армянъ» [138]).

Но желаніе видѣть въ Іерусалимѣ русскую духовную миссію постоянно было такъ велико у арх. Порфирія, что онъ, безпощадно порицавшій распущенность нравовъ святогробскаго духовенства и въ своемъ откровенномъ дневникѣ удѣлившій весьма много, полныхъ огня и пророческой ревности, страницъ этой темной сторонѣ восточнаго духовенства, теперь, послѣ такого откровеннаго признанія митрополита Діонисія, готовъ даже, къ удивленію нашему, на самыя

[137]) Тамъ же, I, 379. [138]) Тамъ же, 420.

широкія уступки. «Я, пишетъ арх. Порфирій, опровергнулъ эти возраженія, представивъ на видъ митрополиту, что *русская духовная миссія на первый разъ будетъ смотрѣть сквозь пальцы на коконъ и на разныя злоупотребленія*, доколѣ они не прекратятся сами собою постепенно, вслѣдствіе разлитія истиннаго просвѣщенія въ здѣшнемъ духовенствѣ; что она не отняла бы никакихъ доходовъ у здѣшняго духовенства, не вступаясь ни въ исповѣдь, ни въ исправленіе требъ; что въ случаѣ войны Россіи съ Турціею опасность отъ миссіи, *учрежденной съ согласія султана*, такова же, какова опасность и отъ бейрутскаго консульства нашего. Были и прежде войны, но ни храмъ, ни здѣшнее духовенство не подвергались опасностямъ. *А наша миссія въ Іерусалимѣ была бы полезна* словомъ и дѣломъ, т. е. ходатайствуя предъ мѣстнымъ начальствомъ за народъ православный, служа образцемъ и примѣромъ духовной жизни, давая истинное направленіе школамъ народнымъ» [139]). «Истинно-православное образованіе здѣшняго духовнаго юношества, развиваетъ подробнѣе свою послѣднюю мысль арх. Порфирій, могла бы породить только россійская духовная миссія. Вмѣстѣ съ нашими малолѣтними пѣвчими учились бы и архіерейскіе и арабскіе ребятишки. Семинарія при нашей миссіи съ дополнительными академическими курсами была бы превосходнымъ разсадникомъ будущихъ проповѣдниковъ и учителей въ Палестинѣ» [140]).

Мысль объ учрежденіи въ Іерусалимѣ постоянной духовной миссіи не раздѣлялъ, очевидно, и нашъ генеральный консулъ Базили, рекомендовавшій для нея мѣсто на Ливанѣ. «Русскую духовную миссію всего бы лучше устроить на Ливанѣ, говорилъ консулъ Базили, при личномъ свиданіи съ арх. Порфиріемъ на обратномъ пути въ Константинополь, откуда она могла бы дѣйствовать и на Полестину. Ибо, по правамъ ливанскаго княжества, русскіе монахи могли бы купить себѣ землю и построить монастырь, гдѣ угодно, безъ позволенія Порты, какъ это сдѣлали іезуиты и лазаристы. Ливанъ есть горнило проповѣди и дѣйствій религіозныхъ для католиковъ и протестантовъ. *Здѣсь же долженъ быть утвержденъ центръ дѣятельности и православной миссіи*» [141]).

[139]) Тамъ же. [140]) Тамъ же, II, 85. [141]) Тамъ же, 353.

Занимали арх. Порфирія и другіе вопросы, относящіеся къ святымъ мѣстамъ Палестины, напр., починка купола надъ Гробомъ Господнимъ [142]), доходы святогробскіе и пожертвованія, притекающія сюда изъ Россіи [143]), и др., но настолько, насколько это было возможно для заѣзжаго богомольца, т. е. случайно и путемъ разспросовъ.

Уяснивъ, такимъ образомъ, для себя всѣ цѣли и задачи, которыя ему намѣчало правительство и которыя возникли у него самого лично, по побужденіямъ чисто научнаго характера, арх. Порфирій дальнѣйшее пребываніе въ Палестинѣ призналъ на этотъ разъ законченнымъ. Тѣмъ болѣе, что задуманная имъ поѣздка до Трапезунда черезъ Деарбекиръ и Эрзерумъ не была ему разрѣшена посланникомъ Титовымъ [144]). Арх. Порфирій началъ собираться въ обратный путь въ Константинополь, и только междуусобная война между арабскими племенами изъ-за дочери Дауда, не пожелавшей выйти замужъ за родственника геронтиссы лидскаго архіепископа Кирилла, родственника, не отличавшагося доброю репутаціею, задержала его. Въ это дѣло былъ замѣшенъ арх. Порфирій, который своимъ авторитетомъ *московскаго* архимандрита и разрѣшилъ его благополучно [145]).

Арх. Порфирій, тщетно добивавшійся чести отслужить литургію на Св. Гробѣ и на Голгоѳѣ [146]) и получившій это право лишь предъ отъѣздомъ, но въ качествѣ сослужащаго съ архіепископомъ газскимъ [147]), разстался съ греческимъ святогробскимъ духовенствомъ мирно. 3 августа іерусалимскій синодъ въ полномъ своемъ собраніи возложилъ на него золотой наперстный крестъ, на фіолетовой лентѣ, съ частію животворящаго древа [148]), а 7 августа арх. Порфирій покинулъ Іерусалимъ, направляясь черезъ Яффу, Кармилъ, Акру, Тиръ и Сидонъ въ Бейрутъ, для прощальнаго свиданія съ генеральнымъ консуломъ и чтобы здѣсь сѣсть на пароходъ, идущій въ Константинополь.

Въ Константинополь арх. Порфирій прибылъ 1 сентября и сейчасъ же принялся за составленіе отчетовъ о церквахъ

[142]) Тамъ же, I, 355, 454, 675. [143]) Тамъ же, 383, 457, 609—610, 612, 678—679 и др. [144]) Тамъ же, 672. [145]) Тамъ же, II, 359—375. [146]) Тамъ же I, 588, 594. [147]) Тамъ же, 673, 675. [148]) Тамъ же, II, 339.

палестинскихъ для посланника Титова [149]). На эти отчеты онъ употребилъ мѣсяцы сентябрь и октябрь, а слѣдующіе мѣсяцы— ноябрь и декабрь—на приготовленіе къ путешествію по Египту и на Синай, на чтеніе «разныхъ писателей о землѣ солнца и о судьбѣ христіанства въ ней» и на ожиданіе разрѣшенія изъ Петербурга на это путешествіе [150]). Въ описываемое нами время въ Константинополѣ арх. Порфирій былъ очевидцемъ кончины патріарха іерусалимскаго Аѳанасія и начавшихся со стороны вселенской патріархіи интригъ, направленныхъ къ тому, чтобы устранить отъ кандидатуры на этотъ престолъ Іерооѳея, архіепископа ѳаворскаго, назначеннаго преемникомъ почившимъ патріархомъ, и на мѣсто его возвести кого-либо изъ членовъ патріаршаго синода. Вмѣшательство въ это дѣло посланника нашего Титова и содѣйствіе ему со стороны свѣдущаго въ дѣлахъ іерусалимскихъ арх. Порфирія оказало безспорно важное вліяніе на устраненіе фанаріотскихъ происковъ, хотя русскій сторонникъ архіепископъ Іерооѳей и не былъ избранъ на іерусалимскую каѳедру, которая досталась Кириллу, архіепископу лидскому [151]).

Въ январѣ 1845 года арх. Порфирій отправился въ разрѣшенное ему путешествіе по Египту, на Синай и въ Нитрійскіе монастыри въ Ливіи. Февраля 2 числа онъ выѣхалъ изъ Александріи въ Каиръ, а оттуда на наемной баркѣ, за 1,900 піастровъ въ мѣсяцъ, по Нилу, съ цѣлью посѣщенія Мемфиса, Карнака, Луксора, стовратныхъ ѳивъ, озера Меридова и другихъ мѣстъ, для осмотра древнихъ развалинъ и знакомства съ бытомъ современныхъ насельниковъ—коптскихъ христіанъ, а главнымъ образомъ для обозрѣнія многочисленныхъ здѣсь коптскихъ монастырей. Поѣздка эта продолжалась два мѣсяца и описана имъ въ его «Книгѣ бы-

[149]) Были представлены два отчета: «одинъ о состояніи палестинской церкви и о мѣрахъ къ поддержанію ея, а другой — о спорахъ грековъ, латинъ и армянъ на св. мѣстахъ и о способахъ водворенія тутъ мира; между прочимъ, *указана мною, прибавляетъ арх. Порфирій, необходимость учредить въ Іерусалимѣ русскую духовную миссію*». (Книга бытія моего, III, 57—58). Очевидно, мнѣніе консула Базили арх. Порфирій не раздѣлялъ и мѣсто для нашей миссіи указывалъ только въ Іерусалимѣ или въ Константинополѣ. [150]) Тамъ же, 355—356. [151]) Книга бытія моего, II, 435.

тія моего» «конспективно». 2 апрѣля арх. Порфирій возвратился въ Каиръ, а 19 числа поѣхалъ сухимъ путемъ на верблюдахъ въ первое свое путешествіе въ Синайскій монастырь. Путешествіе продолжалось до конца мая мѣсяца (29 числа) и, съ точки зрѣнія неутомимаго путешественника, было не безплодно. «Исполнилось желаніе сердца моего, замѣчаетъ арх. Порфирій въ своемъ дневникѣ подъ 18 мая, при выѣздѣ изъ Синайской обители. Я видѣлъ божественный Синай и молился на мѣстахъ явленія Бога пастырю Моисею и пророку Иліи, съ трепетомъ помышляя о собственномъ явленіи предъ Нимъ въ день страшнаго суда.

«Исполнилось желаніе сердца моего. Я почтилъ честныя страданія святѣйшей невѣсты Христовой великомученицы Екатерины, и предъ священною ракою ея просилъ Господа уневѣстить и мою душу, обрученную Ему.

«Исполнилось желаніе сердца моего. Я узналъ крины Христовы, процвѣтшіе въ пустыняхъ Синая. Ихъ благоуханіе врачуетъ меня» [152]).

Два дня передышки въ Каирѣ послѣ этого нелегкаго путешествія, и неустанный арх. Порфирій снова качается на верблюдѣ, направляясь въ нитрійскіе монастыри въ Ливіи. «Узналъ я избранниковъ Божіихъ, спасавшихся въ юдоляхъ Синая. Теперь иду *въ Нитрійскую пустыню*, замѣчаетъ онъ подъ 1 числомъ іюня мѣсяца, въ день своего выѣзда изъ Каира, гдѣ древле подвизались облагодатствованные мужи, дабы въ сердцѣ своемъ запечатлѣть правое ученіе ихъ и поревновать святому житію ихъ» [153]). Это трудное путешествіе въ Θиваиду и Нитрію продолжалось не болѣе двухъ недѣль [154]). 20 іюня арх. Порфирій покинулъ Каиръ, а 25 распрощался съ Египтомъ и Ниломъ. «Прощай Египетъ. Прощай Нилъ, не забыть мнѣ васъ» [155]), восклицаетъ арх. Порфирій.

Изъ Египта на пароходѣ арх. Порфирій направился въ Константинополь, но въ Сирѣ, по случаю бывшей въ Египтѣ

[152]) Первое путешествіе въ Синайскій монастырь въ 1845 г., ст. 261. Спб. 1856. [153]) Книга бытія моего, II, 435; Путешествіе въ Нитрійскіе монастыри въ Ливіи въ 1845 г., стр. 5. Кіевъ. 1869. [154]) Книга бытія моего, II, 435—482; Подробное описаніе этого путешествія см. въ книгѣ: «Путешествіе въ Нитрійскіе монастыри въ Ливіи въ 1845 г.». [155]) Тамъ же, 484.

чумы, долженъ былъ выдержать карантинъ въ теченіи 14 дней, съ 28 іюня по 11 іюля, и восемь дней, съ 12 до 20 іюня, прождать въ городѣ Ермуполѣ пароходъ, идущій въ Константинополь. Здѣсь арх. Порфирій долго, однако же, не засидѣлся и 30 іюля выѣхалъ на австрійскомъ пароходѣ «графъ Коловратъ» въ Солунь, а оттуда сухимъ путемъ на лошадяхъ верхомъ, 8 августа—на Аѳонскую гору *въ первое* свое научное путешествіе [156]).

Арх. Порфирій явился на Аѳонъ съ полною вѣрою въ «свою счастливую звѣзду» [157]) и съ намѣреніемъ собрать «несомнѣнные матеріалы для вѣрной исторіи св. Горы» [158]). Съ этою цѣлью тамъ онъ «списывалъ хрисовулы греческихъ, россійскихъ, сербскихъ, болгарскихъ и князей валахскихъ и молдавскихъ, грамоты патріарховъ цареградскихъ и другіе древніе акты..., вездѣ осматривалъ памятники церковнаго зодчества, ваянія и иконописанія и вслушивался въ церковное пѣніе [159])..., копировалъ славянскія и греческія надписи на монастырскихъ зданіяхъ и гробницахъ старыхъ временъ еллинскихъ, на крестахъ и иконахъ» и т. п. [160]). Но справедливость требуетъ сказать, что условія для занятій въ предѣлахъ указанныхъ цѣлей для арх. Порфирія сложились не вполнѣ благопріятно: аѳонскіе иноки отнеслись къ его миссіи съ недовѣріемъ и подозрительностію, и нерѣдко или скрывали отъ него желательные документы, или прямо отказывали ему въ нихъ. Негодованіе арх. Порфирія на аѳонскихъ иноковъ поэтому было естественное. «Преподобные отцы, витійствовалъ нашъ востоковѣдъ предъ членами Ка-

[156]) Это путешествіе подсказалъ ему архимандритъ изъ Аѳинъ Анатолій, бывшій въ Іерусалимѣ въ 1844 г. «Весьма полезно было бы послать изъ Россіи на Аѳонскую гору, говорилъ онъ, какого-либо архимандрита въ качествѣ апостола россійской церкви для сближенія россійскаго духовенства съ греческимъ, для направленія порядка ученія въ аѳонскомъ иноческомъ училищѣ и въ случаѣ нужды для ходатайства за монастыри предъ константинопольскою миссіею. Я, прибавилъ отъ себя арх. Порфирій, *вполнѣ соглашался* съ его мнѣніемъ и предвидѣлъ огромную пользу отъ этой мѣры для православія. Въ отчетѣ своемъ я непремѣнно изложу эту мѣру». (Книга бытія моего, I, 656). [157]) Перв. путеш. въ Аѳон. мон. и скиты, ч. II, отд. II, стр. 5. [158]) Тамъ же. [159]) Книга бытія моего, III, 57. [160]) Первое путеш. въ Аѳон. мон. и скиты, ч. II, отд. II, стр. 3.

рейскаго Протата, ваша Гора святая есть хвала православія. Россія уважаетъ ее, но, уважая, желаетъ знать исторію ея. Какъ же написать эту исторію, когда вы скупы, очень скупы на выдачу намъ вашихъ древнихъ дѣяній? Мнѣ могли бы вы давать ихъ для прочтенія и переписки, потому что *я архимандритъ православный, знаю эллинскій языкъ основательно и пламенно желаю оповѣстить всѣмъ судьбы пресловутаго и цѣломудреннаго Аѳона.* Но вы почему-то мало любите насъ, и предпочитаете намъ французовъ и англичанъ, которые на личные привѣты ваши отвѣчаютъ лицемѣрною почтительностію, а разставшись съ вами, презираютъ и даже осмѣиваютъ васъ. Недавно былъ у васъ французъ Минасъ и обокралъ ваши библіотеки, но вы носили его на рукахъ своихъ. Недавно былъ у васъ профессоръ русскаго университета Григоровичъ, но вы показали ему *кое-что*, а въ Симоно-Петрскомъ монастырѣ говорили: дайте этому жиду поѣсть и пусть идетъ далѣе. Не понимаю: чѣмъ мы породили въ васъ нерасположенность къ намъ? Русская кровь лилась за вашу свободу на поляхъ Молдавіи и Валахіи, въ Болгаріи и за Балканами, въ водахъ чесменскихъ и наваринскихъ. Русскій царь не дозволяетъ молдовлахамъ отнимать у васъ богатыя имѣнія, безъ которыхъ ваши обители могутъ только нищенствовать. А что будетъ съ вами, когда онъ узнаетъ о вашей холодности къ намъ? Подумайте объ этомъ» [161]). Но и послѣ такихъ горячихъ рѣчей по адресу аѳонскихъ старцевъ, въ этотъ «черный день» они не сдѣлались благорасположеннѣе къ нашему путешественнику. Вмѣсто желаемаго «Трагоса», въ Протатѣ ему подали какую-то бѣлую бумагу и запечатанный тремя печатями свитокъ съ уставами Іоанна Цимисхія и Константина Мономаха [162]). Упорная настойчивость, несокрушимая сила воли и любовь къ дѣлу, однако, побѣдили въ концѣ концовъ и эти всѣ трудности. 14 ноября 1845 года, въ виду окончанія года и времени разрѣшенной ему командировки, прося «о пересрочкѣ еще на годъ, какъ для занятій на Аѳонѣ и въ Константинополѣ, такъ и для возвращенія въ Россію», арх. Порфирій сообщаетъ о результатахъ своего путешествія по Аѳону посланнику

[161]) Тамъ же, 296—297. [162]) Тамъ же, 296, 297—298.

Титову весьма утѣшительныя свѣдѣнія. «Понынѣ я разсмотрѣлъ [163]), пишетъ онъ, и переписалъ около 200 документовъ для составленія исторіи Аѳона: въ это число входятъ только царскіе хрисовулы, патріаршія грамматы, дѣла главнаго управленія святогорскаго и уставы монастырскіе, и не включаются житія святыхъ аѳонскихъ, надписи на зданіяхъ и историческія приписки на книгахъ... На основаніи сихъ бытописаній Аѳонъ будетъ представленъ вниманію и сужденію высокаго начальства въ истинномъ видѣ его, въ естественной свѣто-тѣни его и съ выраженіемъ его тысячелѣтней жизни и дѣйствій на поприщѣ воинствующей Церкви Христовой, и вмѣстѣ разныхъ скорбей и бѣдствій и соблазновъ» [164]).

Болѣзнь «сильная» подъ лопаткою лѣвой руки и ломота въ правой ногѣ побудила арх. Порфирія на время прервать научныя занятія на Аѳонѣ и отправиться въ Константинополь, чтобы тамъ «полечиться сухими ваннами изъ овса, долго нагрѣваемаго и разгорячаемаго въ закрытомъ котлѣ безъ воды въ немъ и выпускающаго влагу изъ себя самого» [165]). 26 января 1846 года черезъ Ермилію и Каламарію, гдѣ онъ доселѣ не бывалъ, изъ Хиландаря арх. Порфирій направился сухимъ путемъ въ Солунь, а оттуда 31 января пароходомъ въ Константинополь [166]). Здѣсь отъ посланника Титова онъ узналъ, что «оберъ-прокурору графу Протасову *дико* показалось его прошеніе о дозволеніи—продолжить ученыя занятія на Аѳонѣ въ теченіе круглаго года», но при этомъ прибавилъ, что прошеніе будетъ доложено въ Синодѣ и что ему «дадутъ отсрочку *на лѣтніе мѣсяцы*» [167]). Арх. Порфирій такимъ заявленіемъ не удовлетворился и 12 февраля убѣждалъ посланника исходатайствовать ему отсрочку *на цѣлый годъ*, «поставляя ему на видъ особенную важность многосторонняго изученія письменныхъ *памятей* и рукотворенныхъ *памятниковъ*, находящихся въ тамошнихъ

[163]) «Обозрѣны мною подробно и отчетливо, писалъ арх. Порфирій въ этомъ прошеніи, *только восемь монастырей и два скита*». (Перв. путеш. въ Аѳон. мон. и скиты, ч. I, отд. II, стр. 152). [164]) Первое путеш. въ Аѳон. мон. и скиты, ч. I, отд. II, стр. 152—153. [165]) Тамъ же, ч. II, отд. I, стр. 149. [166]) Тамъ же, 150. [167]) Тамъ же, 157.

монастыряхъ» [168]). 8 марта посланникъ Титовъ далъ позволеніе ѣхать обратно на Аѳонъ [169]), и арх. Порфирій черезъ Солунь и сухопутно по прежней дорогѣ 4 апрѣля вернулся обратно въ Хиландарь, чтобы 7 апрѣля отпраздновать пасху съ болгарскими старцами и направиться въ Есфигменъ, гдѣ его «поджидала госпожа наука» [170]). Въ маѣ мѣсяцѣ въ Ватопедскомъ монастырѣ арх. Порфирій получилъ «внушительный приказъ съ сѣвера поспѣшить возвращеніемъ въ Петербургъ». «Признаюсь, замѣчаетъ онъ по этому поводу, что онъ съ перваго разу вскипятилъ меня. Но какъ только подумалъ я, что сѣверныя власти мои поджидаютъ меня для порученія мнѣ *немаловажнаго дѣла, т. е. водворенія нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ подъ моимъ начальствомъ*, то и пересталъ кипѣть» [171]).

По полученіи приказанія о возвращеніи, арх. Порфирій основательно осмотрѣлъ монастырь Пандократоръ, скитъ Ксилургу, Ставроникитскій монастырь, Кутлумушъ, Каракаллъ, Лавру пр. Аѳанасія Аѳонскаго вторично, по приглашенію старцевъ, обѣщавшихся показать ему «древнія дѣписанія», Иверъ и Карею съ соборомъ, расписаннымъ пресловутымъ живописцемъ XVI в. Панселиномъ, и библіотекою Протата. Что же касается остальныхъ монастырей, то они были осмотрѣны «*торопко*» съ 21 по 30 іюня. «Рѣшаюсь обозрѣть, замѣчаетъ арх. Порфирій, монастыри Ксенофскій, Дохіарскій, Кастомонитскій и Зографскій, хоть поверхностно, за недостаткомъ свободнаго времени, которое надобно посвятить на обратную поѣздку въ отечество черезъ Валахію и Молдавію. Не видавъ этихъ монастырей и не читавъ ихъ старинныхъ дѣписаній, я не могу приступить къ сочиненію исторіи Кареи и Протата. Отлагается эта работа моя до другого времени. Къ сему нудитъ меня добросовѣстность, не обогащенная всѣми надобными матеріалами для сей работы» [172]).

Причину своего замедленія на Аѳонѣ, послѣ полученія приказа возвратиться въ Россію, арх. Порфирій объяснилъ

[168]) Тамъ же, 232. Здѣсь мы находимъ подробное изложеніе научныхъ результатовъ путешествія по св. Аѳонской горѣ арх. Порфирія. [169]) Тамъ же, 235. [170]) Тамъ же, 238. [171]) Тамъ же, ч. II, отд. II, стр. 108. [172]) Тамъ же, 298—299.

въ письмѣ отъ 13 іюля 1846 г. на имя директора канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода К. С. Сербиновича. «Посланникъ В. П. Титовъ письмомъ отъ 27 апрѣля увѣдомилъ меня, пишетъ арх. Порфирій, что, такъ какъ главная цѣль даннаго мнѣ порученія на Востокѣ достигнута, то, по мнѣнію Св. Синода, не представляется необходимости отсрочивать время возвращенія моего въ Россію. Вслѣдствіе сего увѣдомленія, полученнаго мною 8 мая, я рѣшился-было прекратить свои ученыя занятія на Аѳонѣ и посѣтить необозрѣнные мною монастыри для одного богомолья. *Но когда начала распространяться тамъ молва о скоромъ отъѣздѣ моемъ, тогда эти монастыри стали приглашать меня къ себѣ не письменно, то черезъ нарочныхъ посланцовъ, а одинъ изъ нихъ, именно Дохіарскій, даже отправилъ свои древніе акты въ русскую киновію, дабы хоть тутъ я разсмотрѣлъ ихъ.* Легко было замѣтить, что святогорцы дорожили моими изслѣдованіями ихъ исторіи, невѣдомой имъ самимъ, по причинѣ неумѣнія читать полусогнившія хартіи, писанныя необычайно замысловато и сокращенно. *Я взвѣсилъ эту дорожимость ихъ и рѣшился посвятить май и іюнь на разсмотрѣніе древнихъ актовъ въ остальныхъ обителяхъ.* Въ теченіе сего времени прочтены, переписаны или вымѣчены мною акты Лавры, Каракалла, Ставроникиты, Пандократора, Ватопеда, Кутлумуша, Ксенофа, Дохіара, Зографа и Кастамонита. Къ сожалѣнію, недостало мнѣ времени для прочтенія остальныхъ актовъ и надписей Хиландарскаго монастыря, изъ котораго я выѣхалъ въ прошломъ январѣ, какъ вамъ извѣстно, по причинѣ болѣзни. Но и этотъ пропускъ въ картинѣ Аѳона я надѣюсь пополнить чрезъ переписку съ хиландарскимъ іеромонахомъ Иларіономъ»[173]).

1 іюня, обогащенный разнообразными матеріалами, арх. Порфирій покинулъ св. Аѳонскую гору и сухопутно отправился въ Солунь, а оттуда на пароходѣ въ Константинополь, изъ котораго, съ разрѣшенія посланника, 23 іюня на австрійскомъ пароходѣ отправился въ Молдавію и Валахію. «Меня увлекала туда, пишетъ арх. Порфирій, надобность *округлить* мои понятія о монастыряхъ и ихъ имѣніяхъ, принадлежа-

[173]) Тамъ же, 302.

щихъ тамъ Св. Гробу, Синаю и Аѳону» [174]). Путешественникъ, искавшій поправленія здоровья, разстроеннаго на Аѳонѣ, и желавшій хотя бы то и «мимолетнымъ взглядомъ» обозрѣть «состояніе помянутыхъ княжествъ», надѣялся, что «высокое начальство не взыщетъ съ него утраты нѣсколькихъ дней» [175]).

Если исключить время съ 26 іюля по 30, потраченное на карантинное сидѣніе въ Браиловѣ, то все научное путешествіе по Молдавіи продолжалось, дѣйствительно, не болѣе двухъ недѣль, т. е. съ 2 августа, когда арх. Порфирій прибылъ въ Букарестъ, по 15 того же мѣсяца, когда отправился въ Москву [176]) черезъ Кишиневъ и Одессу.

«Тридцать шесть дней, съ 20 августа по 25 сентября, прогостилъ я въ Одессѣ, пишетъ нашъ востоковѣдъ въ своемъ дневникѣ, у старыхъ и добрыхъ друзей своихъ и наслаждался тѣмъ покоемъ, во время котораго не богатырское тѣло мое крѣпло, а могучій духъ готовился представить Св. Синоду Востокъ въ свѣтло-тѣни его». Здѣсь въ Одессѣ Обществу исторіи и древностей онъ подарилъ 550 монетъ греческихъ, римскихъ, персидскихъ и др., въ числѣ коихъ золотыхъ 7, серебряныхъ 109 и мѣдныхъ 434, разныя египетскія древности, между коими особенно замѣчательны: мумія женщины изъ катакомбъ ѳивскихъ и большой папирусъ, исписанный внутри, съ глиняною печатью на немъ изъ тѣхъ же катакомбъ [178]).

25 сентября арх. Порфирій черезъ Николаевъ, Кременчугъ и Харьковъ направился въ Москву. Свиданія съ архіепископомъ Иннокентіемъ въ Харьковѣ и особенно съ митрополитомъ Филаретомъ въ Москвѣ и бесѣды съ ними о церквахъ восточныхъ исполнены глубокаго интереса, какъ для характеристики нашего приснопамятнаго востоковѣда, архимандрита Порфирія, такъ и потому, что въ этихъ бесѣдахъ въ сжатомъ видѣ представленъ весьма выпуклый очеркъ состоянія христіанскихъ церквей на православномъ Востокѣ въ данное время. «Сегодня сподобился я, пишетъ арх. Порфирій подъ 10 октября о своемъ свиданіи съ митрополитомъ

[174]) Тамъ же, 312, 300—301, 302. [175]) Тамъ же, 303. [176]) Книга бытія моего, III, 46. [177]) Тамъ же, 48. [178]) Тамъ же, 50.

Филаретомъ, видѣть серафимское лицо его и повѣствовать ему о божіихъ церквахъ на горящемъ Востокѣ. *Мнѣ было любо говорить уму и сердцу его*, и я говорилъ свободно, отчетливо и съ воодушевленіемъ» [179]).

19 октября, *въ субботу* (день счастливый), арх. Порфирій прибылъ въ Петербургъ и сразу же тонъ его рѣчей изъ восторженнаго переходитъ въ жалобный и даже плачевный. Его постигаетъ цѣлый рядъ разочарованій съ перваго же дня его пріѣзда въ столицу. «Не нашлась мнѣ, труженику, особая келія и въ Александроневской Лаврѣ», и не «дали мнѣ на Митрофаніевскомъ подворьѣ прежняго уголка, котораго я просилъ у г. Сербиновича». «Такъ отеческое начальство заботится о своемъ избранникѣ, котораго само послало на Востокъ!» восклицаетъ арх. Порфирій. «Птицы небесныя имѣютъ свои гнѣзда, звѣри лѣсные и полевые свои логовища; даже у червяковъ есть свои норки. Одинъ я не имѣю своего уголка». Оберъ-прокуроръ графъ Протасовъ, сверхъ ожиданія, «принялъ холодно» прибывшаго [181]) и совѣтывалъ ему писать «отчеты» «поскорѣе» и представлять ихъ «по частямъ» [182]). Директоръ его канцеляріи Войцеховичъ хотя наговорилъ ему и много любезностей, но имъ арх. Порфирій не повѣрилъ, заявивъ въ дневникѣ, что онъ «по-прежнему мягко стелетъ, но жестко спать» [183]). Директоръ азіатскаго департамента Л. Г. Сенявинъ обласкалъ прибывшаго и спрашивалъ о желательной для него наградѣ, но въ дальнѣйшемъ разговорѣ о консулахъ арх. Порфирій обидѣлъ его и вынужденъ былъ себѣ самому прочитать слѣдующую сентенцію: «Опять правое сердце мое было не въ ладу съ умомъ моимъ» [184]).

По прибытіи въ столицу, арх. Порфирій, дѣлавшій на Востокѣ «немалые вклады въ монастыри и монастырскія церкви, включительно съ тридцатью коптскими, подававшій милостыни бѣднымъ священникамъ и нищимъ, помогавшій разноплеменнымъ поклонникамъ, потерпѣвшимъ несчастія въ пути, и злополучнымъ арабскимъ семействамъ въ Іерусалимѣ, дорого покупавшій нужныя ему свѣдѣнія» [185]), естественно

[179]) Тамъ же, 57. [180]) Книга бытія моего, III, 100. [181]) Тамъ же, 103. [182]) Тамъ же, 104. [183]) Тамъ же, 105. [184]) Тамъ же, 106. [185]) Тамъ же, 108.

очутился безъ средствъ и просилъ оберъ-прокурора выдать ему «жалованья 1000 рублей за майскую треть настоящаго года и впредь выдавать оное прежнимъ порядкомъ, согласно съ опредѣленіемъ Св. Синода», но ему въ этомъ отказали, заявивъ: «заграничное жалованье не можетъ быть продолжено въ Россіи. Посему, сказалъ Сербиновичъ, мы предположили дать вамъ 1000 рублей за весь годъ». Ссылка арх. Порфирія на то, что майская треть проведена имъ за границею, не имѣла успѣха [186]).

Арх. Порфирій принялся за отчеты о своемъ путешествіи, но отсутствіе приличнаго помѣщенія, совмѣстное сожительство съ келейникомъ Иваномъ, недостатокъ средствъ на столько, что ему нечѣмъ было заплатить даже за новые сапоги [187]), мѣшали ему въ серьезной работѣ и вынуждали думать о деньгахъ. Попытка взять заимообразно 500 р. у петербургскаго митрополита Антонія, обращеніе за помощію къ его викарію Наѳанаилу не только не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, но послужили къ цѣлому ряду оскорбительныхъ для просящаго замѣчаній и нотацій. Въ частности митрополитъ говорилъ арх. Порфирію слѣдующее: «Давно и нетерпѣливо ожидаютъ вашихъ трудовъ. Я совѣтовалъ бы вамъ спѣшить. Вы сами знаете, что здѣсь любятъ плоды, которые поспѣваютъ рано и скоро», и рекомендовалъ писать отчеты «кратко» [188]). Для арх. Порфирія наступили, такимъ образомъ, «черные» дни. Среди невзгодъ житейскихъ изъ устъ арх. Порфирія вырываются не только жалобы, но и стоны, исполненные малодушія. «Видно заслуженный архимандритъ здѣсь цѣнится не болѣе, какъ выжатый лимонъ, не болѣе, какъ тряпка... Однако, и тряпку иногда берегутъ... Владыко, признается арх. Порфирій викарію Наѳанаилу, исповѣдаюсь вамъ, что здѣсь иногда приходило мнѣ на мысль бросить клобукъ и рясу и бѣжать, куда глаза глядятъ. Теперь я стыжусь своего малодушія и заглаживаю этотъ грѣхъ своимъ гласнымъ раскаяніемъ» [189]).

Но послѣ ненастья слѣдуетъ вёдро. И въ жизни арх. Порфирія «черные» дни смѣнились болѣе или менѣе благополучными: ему для жительства въ Лаврѣ даны были двѣ комнаты суше и просторнѣе, а 30 декабря полученъ указъ

[186]) Тамъ же, 107—108. [187]) Тамъ же, 113. [188]) Тамъ же, 114. [189]) Тамъ же, 118.

о назначеніи жалованья съ 1 мая изъ 3000 оклада и 500 р. въ единовременное пособіе, указъ, о которомъ получившій заявляетъ, что онъ «выплакалъ» его [190]). Такъ какъ въ упомянутомъ указѣ значилось, что арх. Порфирій «отнынѣ состоитъ въ С.-Петербургской епархіи», то духовная консисторія рѣшила опредѣлить его въ число братства въ Сергіеву пустынь. Это было причиною новаго горя для арх. Порфирія, который въ дневникѣ своемъ даетъ мѣсто слѣдующимъ любопытнымъ строкамъ по поводу невольнаго удаленія въ пустыню: «Не любо мнѣ половинчатое, отрицательное существованіе въ пустынѣ теперь, когда жизнь можетъ дать сочные и благовонные плоды. Люблю я уединенную келію и въ ней молиться о мирѣ всего міра, но изъ этой кельи желаю посѣщать моихъ ближнихъ, живущихъ въ мірѣ, соутѣшаться ихъ вѣрою и добрыми дѣлами, говорить ихъ ушамъ и сердцамъ, обогащаться всестороннимъ вѣдѣніемъ, видѣть и, если можно, укрощать волны житейскаго моря, служить человѣчеству своими силами и даже своими страданіями» [191]). Чтобы выяснить свое положеніе, подъ вліяніемъ пережитаго новаго удара судьбы, арх. Порфирій отправился въ азіатскій департаментъ къ директору Сенявину, который не только принялъ участіе въ его «злополучіи», но отъ графа Протасова добился пріятнаго для арх. Порфирія признанія, что онъ «нуженъ оберъ-прокурору Св. Синода въ каждый Божій день» [192]). При личномъ свиданіи съ послѣднимъ на слѣдующій день (9 января 1847 г.), графъ Протасовъ сдѣлалъ выговоръ архимандриту за его жалобу «чужимъ», разумѣя директора Сенявина, и убѣдительнѣйше просилъ поторопиться съ отчетами. «Если бы всѣ писали такъ медленно, прибавилъ графъ Протасовъ, какъ пишете вы, то остановились бы государственныя дѣла», и порекомендовалъ ему, вмѣсто исторіи, представить «Записку о настоящемъ состояніи и нуждахъ православія на Востокѣ» [193]). Свиданіе съ посланникомъ Титовымъ, находившимся въ ту пору въ Петербургѣ, и его фразы: «Я надѣюсь опять видѣться съ вами на Востокѣ. Вы не откажитесь отъ своего обѣщанія еще разъ потрудиться тамъ»—совершенно его успокоили [194]).

[190]) Тамъ же, 121. [191]) Книга бытія моего, III, 125. [192]) Тамъ же, 130. [193]) Тамъ же, 132. [194]) Тамъ же, 134.

15 октября былъ представленъ оберъ-прокурору Св. Синода отчетъ о сирійской церкви, 17 того-же мѣсяца ему же—историческая записка объ іерархическихъ расколахъ въ этой церкви, 15 марта—краткая историческая записка о прошлой судьбѣ Синайскаго монастыря, 20 марта—о настоящемъ состояніи этой святой обители, 14 апрѣля—синайское дѣло о недозволеніи александрійскихъ патріарховъ синаитамъ совершать богослуженіе въ каирскомъ ихъ подворьѣ, называемомъ Джуванія, и 3 мая—записка Синайскаго монастыря по разнымъ вопросамъ [195]). Всѣ эти записки и отчеты, послѣ нѣкоторыхъ исправленій, пошли по своему назначенію.

11 февраля 1847 года «государственный канцлеръ графъ Нессельроде имѣлъ счастіе поднести на благоусмотрѣніе Государя Императора Николая Павловича составленную, по предварительномъ соглашеніи съ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ Протасовымъ, записку о предполагаемыхъ распоряженіяхъ *по предмету учрежденія россійской духовной миссіи въ Іерусалимѣ*. Его Императорскому Величеству благоугодно было въ 11 день февраля удостоить высочайшаго одобренія заключающіяся въ сей запискѣ предположенія и повелѣть графу Нессельроде войти въ дальнѣйшія съ оберъ-прокуроромъ сношенія объ избраніи лицъ, долженствующихъ составлять духовную миссію въ Іерусалимѣ, а также объ изысканіи источниковъ, откуда бы можно было взять сумму, потребную на отправленіе сей миссіи, на ежегодное содержаніе ея, на устройство для нея ризницы и на прочіе расходы» [196]).

6 іюля, по просьбѣ К. С. Сербиновича, представлена была арх. Порфиріемъ записка объ отправленіи духовныхъ лицъ въ Іерусалимъ и о водвореніи ихъ тамъ и выражено желаніе назначить въ составъ формируемой миссіи баккалавра С.-Петербургской духовной Академіи іеромонаха Ѳеофана, какъ «мужа благочестиваго» [197]). Самъ арх. Порфирій, не получая оффиціальнаго назначенія быть начальникомъ миссіи, занимался въ это время статистикою Аѳона указателемъ юридическихъ актовъ, хранящихся въ обителяхъ Св. Горы [198]).

[195]) Подробности этой записки см. въ Книгѣ бытія моего, III, 142. [196]) Тамъ же, 140—141. [197]) Тамъ же, 146. [198]) Тамъ же.

31 іюля состоялось, наконецъ, и ожидаемое опредѣленіе арх. Порфирія начальникомъ вновь учрежденной миссіи. «Сегодня Святѣйшій Синодъ, во исполненіе объявленной ему оберъ-прокуроромъ воли, говорится въ секретномъ указѣ за № 8658, опредѣлилъ: 1) отправить въ Іерусалимъ того же архимандрита Порфирія, который уже употребленъ былъ для собранія свѣдѣній о состояніи православной церкви на Востокѣ, съ тѣмъ, чтобы *онъ находился въ Іерусалимѣ не въ качествѣ русскаго настоятеля, но въ качествѣ русскаго поклонника*, снабженнаго дозволеніемъ и формальною рекомендаціею отъ русскаго духовнаго начальства; 2) вмѣстѣ съ тѣмъ отправить также *въ качествѣ поклонниковъ* одного іеромонаха и двухъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ наукъ въ среднихъ или высшихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которые имѣли бы познанія въ языкахъ греческомъ и одномъ изъ новѣйшихъ и отличались благонравіемъ; 3) предписать (новгородскому и петербургскому) митрополиту Антонію снабдить архимандрита Порфирія рекомендательнымъ письмомъ къ патріарху іерусалимскому, въ которомъ было бы изъяснено, что сей архимандритъ, посѣтивъ восточныя святыни, *пожелалъ туда возвратиться и пробыть при Св. Гробѣ нѣсколько лѣтъ*, на что Св. всероссійскій Синодъ *съ удовольствіемъ благословилъ* его и воспользовался симъ случаемъ, дабы отпустить съ нимъ іеромонаха и двухъ набожныхъ и любознательныхъ духовныхъ юношей, раздѣляющихъ сіе богоугодное желаніе; вслѣдствіе чего архимандритъ и его спутники рекомендуются покровительству патріарха и святогробской братіи съ просьбою облегчить *временное ихъ жительство въ Іерусалимѣ, допускать ихъ къ совершенію въ Св. Гробѣ богослуженія* и вообще принять ихъ сообразно тѣмъ чувствамъ взаимной любви, довѣрія и братства, какія всегда существовали между россійскою и всѣми восточными церквами; 4) предоставить митрополиту снабдить архимандрита Порфирія святымъ антиминсомъ, объ изготовленіи же необходимой для него ризницы и церковной утвари поручить Хозяйственному управленію при Св. Синодѣ представить надлежащее соображеніе; 5) для опредѣленія круга дѣйствій сего архимандрита въ Палестинѣ соотвѣтственно цѣли его назначенія дать ему, на основаніи Высочайше утвержденной записки, *инструкцію*; 6) на содер-

жаніе архимандрита Порфирія и отправляемыхъ съ нимъ лицъ, равно какъ и на потребности, сопряженныя съ ихъ пребываніемъ въ Іерусалимѣ, назначить *семь тысячъ* рублей серебромъ въ годъ, а на путевыя издержки единовременно 4578 р. 35 к. серебромъ по особымъ росписаніямъ на счетъ духовнаго вѣдомства, именно же половину суммы на содержаніе, т. е. 3500 р. сер. на счетъ типографскаго капитала, а половину суммы на путевыя издержки, т. е. 2289 руб. 18 коп. сер. на счетъ суммы, опредѣленной росписью государственныхъ расходовъ для экстраординарныхъ расходовъ по духовному вѣдомству, изъ количества 20000 руб. сер., объ отпускѣ же другой половины изъ государственнаго казначейства [199]) предоставить его сіятельству г. оберъ-прокурору Св. Синода отнестись къ г. государственному канцлеру по иностраннымъ дѣламъ» [200]).

Новымъ указомъ Св. Синода отъ 21 августа постановлено, «баккалавра духовной Академіи, соборнаго іеромонаха Ѳеофана и студентовъ Петербургской семинаріи Соловьева и Крылова уволить за границу для поклоненія Святымъ мѣстамъ, дозволить имъ сопутствовать отправляющемуся въ Іерусалимъ архимандриту Порфирію и находиться при немъ тамъ въ качествѣ поклонниковъ и для исполненія возложенныхъ *на него особо данною инструкціею порученій*». Указомъ отъ того же числа штатному служителю Одесскаго второкласснаго монастыря Ивану Будземскому, согласно съ просьбою архимандрита Порфирія, дозволено «остаться при немъ на все время пребыванія его, архимандрита, за границею» [201]).

15 сентября арх. Порфирій у директора азіатскаго департамента Л. Г. Сенявина впервые ознакомился съ содержаніемъ упомянутой въ выше приведенныхъ указахъ «особо данной ему инструкціи» [202]). Инструкція эта весьма любопытна по своему содержанію; она ясно говоритъ, съ одной стороны, о полномъ непониманіи составителей ея дѣлъ цер-

[199]) Св. Синодъ чрезъ графа Протасова въ сентябрѣ мѣсяцѣ просилъ канцлера Нессельроде испросить у Государя половину суммъ на содержаніе нашей миссіи въ Іерусалимѣ изъ государственнаго казначейства. Канцлеръ согласился на это ходатайство, и Государь утвердилъ его докладъ въ этомъ смыслѣ. (Книга бытія моего, ч. III, стр. 156). [200]) Книга бытія моего, ч. III, стр. 149—150. [201]) Тамъ же, 155. [202]) Тамъ же, 158.

ковныхъ на православномъ Востокѣ, съ другой, о томъ, какъ робко и нерѣшительно могущественная Россія передъ восточною войною 1855—56 годовъ выступала здѣсь защитницею интересовъ православія. Съ подробностями этой любопытной инструкціи мы знакомимся уже изъ записки Б. П. Мансурова, поданной въ 1857 году великому князю Константину Николаевичу и напечатанной въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Цѣлью учрежденія русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, по этой запискѣ, было:

1) «Имѣть въ Іерусалимѣ, какъ центрѣ православнаго исповѣданія на Востокѣ, представителей русской церкви и образецъ нашего благолѣпнаго служенія.

2) «Преобразовать мало по малу само греческое духовенство, возвысить оное въ собственныхъ его глазахъ столько же, сколько и въ глазахъ православной паствы.

3) «Привлечь къ православію и утвердить въ ономъ тѣ мѣстные народные элементы, которые постоянно колеблются въ своей вѣрѣ, подъ вліяніемъ агентовъ разныхъ исповѣданій, и слишкомъ легко отступаютъ отъ православія, вслѣдствіе недовѣрія къ греческому духовенству и неблагоразумнаго поведенія сего послѣдняго.

«Вмѣстѣ съ симъ, говорится въ запискѣ г. Мансурова, не смотря на данное архимандриту Порфирію пышное названіе начальника духовной миссіи, ему строго было вмѣнено не придавать себѣ и своимъ товарищамъ иного характера, кромѣ поклонническаго, не вмѣшиваться ни въ чемъ въ дѣла греческаго духовенства, ограничиваться предложеніемъ совѣтовъ въ случаѣ возможности, не вмѣшиваться въ житейскія дѣла нашихъ поклонниковъ, и вообще всячески стараться не возбуждать подозрѣній иностранныхъ агентовъ, дабы не подавать повода къ толкамъ о какихъ либо скрытныхъ намѣреніяхъ Россіи» [203]).

Арх. Порфирій, конечно, хорошо, понималъ свое фальшивое положеніе въ качествѣ начальника секретной духовной миссіи въ Іерусалимѣ и впослѣдствіи называлъ эту первую нашу миссію въ Іерусалимѣ, съ свойственною его перу рѣзкостію, прямо «безтолковою и овечьею» [204]), и поэтому, при обсужденіи «инструкціи», болѣе интересовался

[203]) Книга бытія моего, VII, 126—127. [204]) Тамъ же, 49.

не ея неудобоисполнимыми совѣтами и пожеланіями, а своими личными думами и планами [205]), сложившимися у него еще въ бытность въ Іерусалимѣ въ первый разъ. Неудивительно нисколько поэтому также и то, что назначеніе свое начальникомъ этой миссіи принялъ онъ не только съ радостію, но даже, можно сказать, прямо съ восторгомъ. Цѣлый рядъ испытанныхъ имъ въ Петербургѣ передрягъ и нравственныхъ мученій, сыпавшихся на него незаслуженно и слишкомъ мучительно бередившихъ раны его самолюбія, и страстное тяготѣніе къ Востоку [206]) и въ частности къ Палестинѣ, изучить которые всесторонне ему весьма хотѣлось, и доброе начало каковому изученію имъ уже положено было въ первое путешествіе туда, могутъ служить достаточнымъ объясненіемъ этого восторга отъ новаго своего назначенія. «И такъ звѣзда моя опять возсіяла на небѣ, привѣтствуетъ такимъ словами полученіе указа о своемъ назначеніи начальникомъ первой миссіи въ Іерусалимѣ. Еще разъ Господь зоветъ меня на дѣло святое въ Іерусалимѣ, *дѣло немалое, большее и лучшее* того дѣла, какое я могъ бы производить въ нашемъ духовномъ вѣдомствѣ по сану и званію своему. *Иду туда, иду съ радостію, съ самоотверженіемъ*, съ упованіемъ на помощь Божію» [207]). «Любо мнѣ

[205]) При обсужденіи инструкціи съ директоромъ Сенявинымъ, арх. Порфирій сдѣлалъ лишь слѣдующіе, повидимому, прямо неотносящіеся къ пунктамъ этой инструкціи, вопросы: 1) «можетъ ли ввѣренная мнѣ миссія ходатайствовать объ опредѣленіи *двухъ молодыхъ арабовъ іерусасскихъ въ Петербургскую семинарію для обученія иконописанію?* 2) можетъ ли она со временемъ открыть въ Іерусалимѣ продажу нашихъ книгъ церковныхъ болгарамъ и сербамъ? 3) позаботится ли министерство иностранныхъ дѣлъ объ упроченіи судьбы членовъ ввѣренной мнѣ миссіи, по окончаніи служенія ихъ во Св. Градѣ?» (Книга бытія моего, III, 159). [206]) «И вотъ я отправляюсь на Востокъ, для котораго родила меня мать», пишетъ о себѣ арх. Порфирій. (Второе путеш. по св. горѣ Аѳонской. М. 1880, стр. 3, пред.; Книга бытія моего, ч. III, стр. 453). «Кому я подобенъ? задается вопросомъ арх. Порфирій. Орлу — парящему по поднебесью. Орелъ! Куда ты летишь? На сѣверъ. А почему ты озираешься на югъ? *Тамъ мое гнѣздо*». (Книга бытія моего, III, 51). [207]) Книга бытія моего, III, 150—151. «*Паломникъ* ѣдетъ по рыбьей дорогѣ. Куда онъ ѣдетъ? задаетъ вопросъ арх. Порфирій. Въ Святую Землю. Что таится въ его сердцѣ? *Радость* и печаль. О чемъ онъ радуется? *О стяжаніи драгоцѣнной жемчужины*. Что это за жемчужина? *Знаніе Востока*. О чемъ онъ печалится? О томъ, что не даны ему средства къ благотворенію Божіимъ церквамъ и къ соединенію ихъ». (Тамъ же, 190—191).

жить въ Іерусалимѣ, гдѣ я господинъ своего ума, своей воли, своего времени и дѣла» [208]), замѣчаетъ онъ въ другомъ случаѣ. «*Сіонъ—мое второе отечество*, и оно мило мнѣ не менѣе перваго, заявляетъ нашъ востоковѣдъ, потому что я тружусь въ потѣ лица ради Бога и ближнихъ моихъ и потому, что здѣсь *душа моя очарована непрестанными прибытками знанія* и великими надеждами, кои вѣдаетъ Богъ, да я—чадо Его»... «Здѣсь Богъ—отецъ мой, всемірные мудрецы—братья мои; науки—сестры мои; книги—друзья мои. Здѣсь міръ мой не возмущаемъ, свобода моя—совершенная» [209]). «На пути въ отечество я уже думалъ, сознается арх. Порфирій, *о возвращеніи въ Іерусалимъ*» [210]).

Получивъ отъ митрополита антиминсъ «для священнослуженія на святыхъ мѣстахъ» [211]), рекомендательное письмо къ патріарху іерусалимскому Кириллу [212]) и изъ Хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ двѣ шнуровыя книги для веденія отчетности по израсходованію суммъ на путешествіе членовъ миссіи и на содержаніе ихъ въ Іерусалимѣ [213]), арх. Порфирій «съ радостью, преданностію волѣ Божей и съ надеждою на успѣшную дѣятельность свою въ пользу церкви палестинской», 14 октября 1847 г. вмѣстѣ съ спутниками выѣхалъ изъ Петербурга [214]). Предъ отправленіемъ отсюда арх. Порфирій подалъ директору Сенявину краткія записки: 1) о благотвореніи господарей Молдавіи и Валахіи и россійскихъ царей Синайской обители; 2) объ имѣніяхъ ея въ Валахіи и Молдавіи; 3) прошеніе Синайскаго братства; 4) описаніе аѳонскихъ монастырей, и 5) опись имѣній ихъ въ Валахіи и Молдавіи и Россіи [215]), а на пути въ Іерусалимъ уже въ Константинополѣ были составлены имъ еще краткія замѣтки о церквахъ александрійско-египетской, антіохійско-сирской и палестинской и черезъ посланника Титова препровождены въ Св. Синодъ съ присоединеніемъ трехъ актовъ о синайскомъ архіепископѣ изъ рукописи іерусалимской патріархіи [216]).

Задержка съ книгами и шитье подрясниковъ, рясъ и полурясокъ *для всѣхъ членовъ миссіи* были причиною нѣкото-

[208]) Тамъ же, 354. [209]) Книга бытія моего III, 622. [210]) Тамъ же, IV. 169. [211]) Тамъ же, III, 152. [212]) Тамъ же, 157. [213]) Тамъ же, 159. [214]) Тамъ же, 160. [215]) Тамъ же, 159. [216]) Книга бытія моего, III, 183.

раго замедленія въ Одессѣ (съ 3 по 21 ноября), дѣла въ Константинополѣ (23 ноября—23 января 1848 г.), дорога на пароходѣ до Бейрута и оттуда на лошадяхъ черезъ Сидонъ и Тиръ и поѣздка въ обитель кармелитовъ заняли довольно много времени, и арх. Порфирій прибылъ со своими спутниками въ Іерусалимъ только 16 февраля, помѣстившись временно на жительство въ святогробскомъ монастырѣ свв. царей Константина и Елены въ келіяхъ правящаго патріарха Кирилла, когда онъ былъ еще архіепископомъ лидскимъ. Патріархъ Кириллъ встрѣтилъ членовъ миссіи, какъ «отецъ родныхъ дѣтей», и обѣщался сдѣлать для нихъ все, что можетъ [217]), о чемъ онъ и довелъ до свѣдѣнія митрополита петербургскаго Антонія [218]). Весьма радушно встрѣтили арх. Порфирія члены патріаршаго синода и святогробское духовенство; съ радостію поздравляли его съ пріѣздомъ арабскіе священники; сдѣлали ему визиты черезъ представителей армяне и католики и даже главный производитель дѣлъ въ здѣшнемъ турецкомъ судилищѣ — мегкемэ. По поводу этихъ визитацій замѣчаетъ арх. Порфирій, что это доказываетъ, что «въ Іерусалимѣ никто не считаетъ меня *поклонникомъ Святыхъ мѣстъ*, а всѣ признаютъ за дипломатическаго агента россійской державы. Видно, шила въ мѣшкѣ не утаишь» [219]).

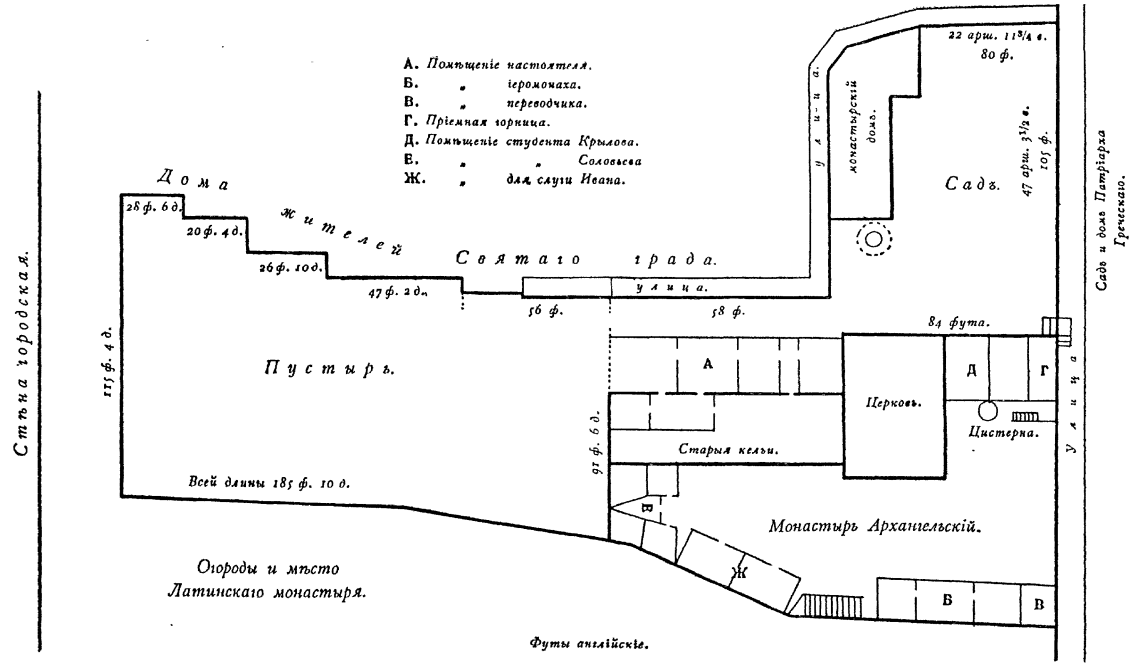
24 февраля патріархъ Кириллъ объявилъ, что онъ отдаетъ Архангельскій монастырь русской миссіи «для временнаго жительства съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ незанятыхъ нами кельяхъ помѣщались поклонники духовнаго званія изъ всѣхъ православныхъ племенъ» [220]). 16 августа было испрошено благословеніе патріарха и синода на перемѣщеніе миссіи въ этотъ монастырь, а 17 состоялось освященіе новаго помѣщенія и переходъ въ него новыхъ жильцовъ. «Я, пишетъ арх. Порфирій о размѣщеніи членовъ миссіи, поселился (въ верхнемъ этажѣ) въ пяти комнатахъ съ двумя корридорцами при нихъ на сѣверной линіи (сторонѣ) отъ церковнаго купола, іеромонахъ Ѳеофанъ и переводчикъ — на западной линіи, студентъ Крыловъ—смежно съ пріемною горницею на южной линіи отъ купола, студентъ Соловьевъ—въ сѣверо-западномъ углу обители, въ трехъ клѣтяхъ, изъ которыхъ одна видомъ своимъ походитъ на рояль, мой

[217]) Тамъ же, 213—214. [218]) Тамъ же, 263. [219]) Тамъ же, 221. [220]) Тамъ же.

слуга Иванъ—смежно съ Соловьевымъ на западной линіи. Въ нижнемъ этажѣ подъ пріемною горницею была устроена наша столовая и около нея—кухня съ помѣщеніемъ для повара, а подъ жильемъ переводчика и іеромонаха сбережены двѣ комнаты для іеродіакона и гостя дорогого. Остальныя кельи въ нижнемъ этажѣ назначены были для русскихъ поклонниковъ духовнаго званія. Таково наше помѣщеніе, восклицаетъ арх. Порфирій, тѣсное, низкое, убогое, душное! Безъ печей, но съ оконницами... Всѣ наши кельи, столовая, пріемная, горница и всѣ службы снабжены были необходимыми вещами и убраны были пристойно и скромно. А бережливость при частой провѣркѣ цѣлости всѣхъ вещей и при строгомъ наказѣ всѣмъ и даже слугамъ платить ихъ стоимость въ случаѣ утраты или поврежденія ихъ, сохраняло все имущество миссіи безъ ущерба. Всѣ наемные служители у насъ были православные арабы изъ честныхъ семействъ. Каждому изъ нихъ назначено было свое дѣло и въ свое время, въ предотвращеніе замѣшательствъ и ссоръ между ними. Достаточное жалованье имъ, обхожденіе съ ними, какъ съ домочадцами, а не какъ съ рабами, и порядокъ въ хозяйствѣ удерживали ихъ при миссіи, и они служили намъ вѣрно, честно и con amore — съ любовію.

«Общее чаепитіе въ пріемной горницѣ, общій завтракъ и общая нескудная трапеза въ столовой съ виноградным виномъ, выписываемымъ изъ Марсели, предлагаемы были въ опредѣленные часы съ молитвами. Всѣ являлись къ нарядному столу въ пристойныхъ одеждахъ. Насыщеніе тѣла соединялось съ питаніемъ души. Во время чаепитія, завтрака и обѣда всегда шли ученые разговоры на языкахъ арабскомъ [221]), греческомъ и французскомъ [222]), такъ что гостин-

[221]) Понимая хорошо, что «незнаніе мѣстнаго языка есть какъ бы врагъ любопытству» (Книга бытія моего, I, 149), самъ арх. Порфирій принялся за изученіе арабскаго языка (Тамъ же, III, 218, 220, 448) и пріохочивалъ къ его изученію своихъ спутниковъ (Тамъ же, стр. 339). Для этой цѣли, между прочимъ, онъ держалъ учителя арабскаго языка изъ Дамаска Фадлалу *Саруфа* (Тамъ же, 507), который исполнялъ въ то же время и обязанности драгомана или переводчика «при сношеніяхъ съ арабами» (Тамъ же, V, 158) всегда съ «похвальнымъ усердіемъ», за что и удостоился, по прошествіи пяти лѣтъ, денежной награды въ 500 руб.)Тамъ же). [222]) Учителемъ французскаго языка былъ сардинецъ *Албенго* (Книга бытія моего, V, 168).



План внутренняго расположенія Архангельскаго монастыря въ Іерусалимѣ, гдѣ жилъ Епископъ Порфирій.

ная горница или столовая служила школою языкознанія и разнообразнаго вѣдѣнія. Что касается до гостепріимства, то оно согласовалось съ мѣстными обычаями и обстоятельствами. Рѣдко мы давали званные обѣды. Но нерѣдко раздѣляли съ нами трапезу греки, арабы, сиріане, копты, англичане и русскіе поклонники.

«Дверь моей кельи, пишетъ въ частности о себѣ арх. Порфирій, всегда была растворена настежь въ точномъ смыслѣ этого слова. Но я принималъ всѣхъ приходящихъ ко мнѣ, обыкновеннѣе, въ три часа по полудни, дабы утреннее и предобѣденное время не пропадало для науки и монашескаго безмолвія и дабы въ минуты отдыха отъ занятій можно было спокойнѣе, вѣжливѣе и съ пользою бесѣдовать съ своими гостями или съ просителями. Исключеніе изъ сего правила было сдѣлано только для іерусалимскихъ владыкъ и европейскихъ консуловъ, но и они уважали это правило мое и сообразовались съ этимъ.

«Денежное жалованье всѣ мы получали въ свои руки и клали въ свои карманы. А такъ какъ некуда было тратить его по причинѣ *строгаго* общежитія, то у каждаго изъ насъ оставались значительныя сбереженія пѣнязей (денегъ). Я выписывалъ изъ Европы очень много книгъ, но за всѣмъ тѣмъ не былъ бѣденъ.

«Степенности нашего житія способствовали ученыя занятія» [223]).

Какого рода эти были занятія, мы узнаемъ изъ замѣтокъ самого арх. Порфирія въ его «Книгѣ бытія моего».

«Іеромонахъ Ѳеофанъ, пишетъ онъ въ ноябрѣ 1848 года, продолжалъ заниматься изученіемъ языковъ новогреческаго и французскаго и перевелъ семь патріаршихъ грамматъ о Синайскомъ монастырѣ. Студентъ Петръ Соловьевъ составилъ краткія жизнеописанія мучениковъ церкви палестинской и перевелъ съ латинскаго языка чинъ общей литургіи сиріаноіаковитовъ (съ изданія Ренедота) и съ греческаго граммату патріарха Досиѳея о грузинскихъ монастыряхъ въ Іерусалимѣ 1699 года и посланіе къ каѳоликосу Имеретіи киръ Григорію 1701 года. Студентъ Николай Крыловъ составилъ краткія жизнеописанія мучениковъ церкви александрійско-

[223]) Книга бытія моего, III, 337—340.

египетской и перевелъ съ греческаго: 1) письма александрійскаго патріарха Паисія къ государю Алексѣю Михаиловичу и къ всероссійскому патріарху 1670 года; 2) современное благодарственное письмо египетскихъ христіанъ къ сему же государю за благодѣянія, оказанныя имъ александрійской церкви; 3) половину исповѣданія вѣры названнаго патріарха и 4) литургію Василія Великаго у коптовъ» [224]). О научныхъ трудахъ самого начальника миссіи намъ едва ли и слѣдуетъ упоминать—они внѣ всякаго сомнѣнія.

Съ своими сотрудниками арх. Порфирій предпринималъ нерѣдко ученыя экскурсіи по Палестинѣ и Сиріи и ѣздилъ даже въ Египетъ и на Синай, всюду втягивая ихъ въ свои ученыя занятія, при чемъ П. Соловьевъ служилъ ему за рисовальщика съ натуры, рисунками котораго наполнены многія сочиненія нашего востоковѣда и его альбомы [225]).

Для полноты знакомства нашего съ внутреннею жизнію миссіи находимъ не лишнимъ нѣсколько остановиться на уясненіи характера личнаго состава первой нашей миссіи, т. е. сотрудниковъ арх. Порфирія и его отношеній къ нимъ. О студентахъ Соловьевѣ и Крыловѣ мы знаемъ, что, при назначеніи ихъ въ Іерусалимъ, оба они совершенно не были извѣстны своему новому начальнику [226]), но послѣдующее совмѣстное жительство ихъ въ Іерусалимѣ показало, что для скромнаго положенія безгласной нашей первой миссіи, преслѣдовавшей болѣе цѣли научныя, чѣмъ жизненно-практическія, иного и лучшаго выбора едва ли и можно было сдѣлать. Студентъ Николай Крыловъ, аттестуетъ его строгій начальникъ, «состоялъ при мнѣ, какъ начальникѣ духовной миссіи, въ качествѣ чтеца и пѣвца, обязаннаго, однако, заниматься ученостію подъ моимъ руководствомъ. *Не блестящія были у него дарованія, но за то прилежаніе и усидчивость умножали его познанія.* А цѣломудріе, скромность, молчаливость, терпѣніе, бережливость были отличительныя качества души его. Онъ составилъ каталогъ моихъ книгъ, и этимъ трудомъ оказалъ мнѣ большую услугу» [227]). Изъ вышесказаннаго нами видно, что въ научныхъ своихъ занятіяхъ пр. Порфирій съ громадными результатами для себя использовалъ его «прилежаніе и усидчивость» даже и въ

[224]) Тамъ же, 362—363. [225]) Книга бытія моего, III, 265. [226]) Тамъ же. 152. [227]) Тамъ же, IV, 270.

первый годъ его пребыванія въ Палестинѣ. П. А. Соловьевъ, протоіерей Покровской церкви въ Петербургѣ (впослѣдствіи), былъ истиннымъ «любимцемъ» арх. Порфирія, «другомъ»[228]), «рисовалъ ему все, что приказывалось» и «велъ себя, какъ праведникъ», будучи и самъ до глубокой старости искренно расположенъ къ своему бывшему начальнику[229]). Самымъ виднымъ членомъ миссіи былъ, конечно, іеромонахъ Ѳеофанъ, впослѣдствіи ректоръ Петербургской Академіи и епископъ тамбовскій—затворникъ. Въ миссію назначенъ онъ по желанію (motu proprio) арх. Порфирія, который зналъ его [230]) и былъ освѣдомленъ о мистическомъ его настроеніи [231]), но выбиралъ его для своей миссіи едва ли главнымъ образомъ не потому, что ему были извѣстны также и его художественные таланты: способность къ токарству, малярству и бисернымъ вышиваніямъ [232]), въ чемъ онъ нуждался, лелѣя мысль о школѣ иконописи при миссіи для арабовъ. Но полная противоположность характеровъ, воззрѣній и склонностей, на первыхъ же порахъ ихъ совмѣстнаго существованія въ Іерусалимѣ, породила между начальникомъ, арх. Порфиріемъ, и его подчиненнымъ, іеромонахомъ Ѳеофаномъ, недоразумѣнія и настолько шероховатыя отношенія, что послѣдній отказывался нѣкоторое время отъ исполненія научныхъ порученій своего начальника и настаивалъ даже подать прошеніе объ отставкѣ [233]). «Душа моя разстроена отъ вашихъ разговоровъ съ нами» [234]), прямо и откровенно заявилъ своему начальнику мистикъ по натурѣ іеромонахъ Ѳеофанъ въ объясненіе своего непослушанія и намѣренія покинуть службу въ Іерусалимѣ. Арх. Порфирію, однако же, удалось уговорить своего ближайшаго сотрудника отъ этого намѣренія, и онъ, одумавшись, остался въ Іерусалимѣ [235]). Позже, когда арх. Порфирій и іеромонахъ Ѳеофанъ пообжились другъ съ другомъ, поближе узнали одинъ другого, отношенія между ними установились настолько дружественныя, что они вмѣстѣ путешествовали на Синай и въ монастыри свв. Антонія и Павла Ѳивейскаго, въ Аѳины и Италію, и, по возвращеніи въ Россію, арх. Порфирій ходатайствовалъ передъ начальствомъ о

[228]) Второе путеш. въ Синайск. мон. въ 1850 г., стр. 240. Спб. 1856 [229]) Книга бытія моего, VIII, 507; VII, 13. [230]) Тамъ же, III, 146. [231]) Тамъ же, 153, 358. [232]) Книга бытія моего, VII, 148. [233]) Тамъ же, III, 357. [234]) Тамъ же. [235]) Тамъ же. 359.

награжденіи іеромонаха Θеофана орденомъ св. Анны 2 степени [236]), а послѣдній въ свою очередь дѣлалъ благопріятные отзывы въ Петербургѣ о своемъ бывшемъ начальникѣ [237]). Вообще объ арх. Порфиріѣ слѣдуетъ сказать, что онъ былъ попечительный и рачительный о своихъ подчиненныхъ начальникъ [238]).

Благолѣпное богослуженіе миссіи—было одною изъ первыхъ ея задачъ, чтобы въ этомъ случаѣ служить образцемъ для грековъ и воздѣйствовать на умы и сердца туземцевъ-арабовъ и иноземцевъ. «Богослуженіе въ воскресные и праздничные дни совершаемо было нами, пишетъ арх. Порфирій, на церковно-славянскомъ языкѣ, по церковному уставу, чинно и примѣнительно къ греческому обряду, такъ что обѣдня начиналась очень рано. Въ началѣ ея пѣты были цѣлые псалмы «Благослови» и «Хвали душе моя Господа», а на великомъ выходѣ, при соборномъ служеніи, произносимъ былъ возгласъ: «Всѣхъ васъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ», сперва на сѣверной сторонѣ церкви, потомъ на западной и южной и, наконецъ, въ срединѣ ея молитвенно воспоминаемы были благочестивѣйшій Государь со всѣмъ семействомъ его, Св. Синодъ нашъ и патріархъ іерусалимскій. Такъ какъ мѣстные христіане, чествуя икону архангела Михаила въ занятомъ нами монастырѣ, обыкли по понедѣльникамъ слушать обѣдню на родномъ языкѣ, то сей обычай не только былъ поддержанъ, но еще обращенъ въ поводъ къ утѣшенію ихъ выдачею жалованья (34 р. въ годъ) арабскому причту и допущеніемъ звона въ монастырскій колоколъ, чего съ давнихъ временъ не сподоблялись наши единовѣрцы въ Іерусалимѣ» [239]).

Изъ Петербурга присланы были богослужебныя принадлежности и ризница для храма миссіи. «Праздничныя иконы выносныя, даетъ о нихъ свой отзывъ арх. Порфирій, не очень хороши. Двѣнадцать лампадокъ серебряныхъ весьма красивы и замѣчательны по изящной простотѣ своей. Малиновый бархатъ на золотомъ полѣ съ цвѣтами и крестами для полной ризницы отмѣнно понравился мнѣ. Въ такихъ ризахъ мы будемъ очень нарядны. На плащаницѣ у Спасителя язва отъ

[236]) Тамъ же, VII, 11. [237]) Тамъ же, 92. [238]) Тамъ же, III, 159; IV, 382. [239]) Книга бытія моего, III, 338—339.

копья нарисована, дѣйствительно, на лѣвомъ боку, какъ извѣстилъ мнѣ объ этомъ сотрудникъ мой іеромонахъ Θеофанъ»[240]).

Для вящаго благолѣпія богослуженія въ храмѣ миссіи арх. Порфирій пригласилъ «добровольно прибывшаго съ Аѳона и рѣшившагося служить почти безвозмездно» іеродіакона Мельхиседека, который въ теченіи четырехъ лѣтъ «служилъ усердно» и «жилъ боголюбезно и скромно», пользуясь отъ миссіи лишь даровымъ столомъ, комнатою и скуднымъ вознагражденіемъ изъ личныхъ средствъ начальника миссіи. Попытка причислить этого необходимаго человѣка къ миссіи не удалась, а когда Св. Синодъ миссію «повергъ въ прискорбную и тяжелую нищету» и, по случаю отъѣзда изъ Іерусалима студента Крылова, пересталъ ей «высылать полный столовый окладъ», то арх. Порфирій вынужденъ былъ совершенно отослать его отъ себя съ малымъ вознагражденіемъ и даже зимою[241]).

Арх. Порфирій хорошо сознавалъ, 1) что составъ миссіи малъ, и безуспѣшно просилъ присылки русскаго іеромонаха, чтеца и двухъ старцевъ изъ общежительныхъ пустынь[242]), 2) что «безъ русскаго златоглаваго храма и безъ краснаго терема» не можетъ быть благолѣпнаго церковнаго богослуженія, но volens-nolens мирился съ печальною дѣйствительностью и подавлялъ въ себѣ горечь этого сознанія. Но человѣкъ, имѣвшій возможность на мѣстѣ ознакомиться съ печальнымъ положеніемъ нашей миссіи въ этомъ отношеніи, Б. П. Мансуровъ рисуетъ передъ нами его въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. «Въ отведенномъ для жительства миссіи Архангельскомъ монастырѣ есть церковь, пишетъ онъ въ своей запискѣ на имя великаго князя Константина Николаевича, но она въ полной мѣрѣ носитъ отпечатокъ уничиженнаго положенія православія на Востокѣ, какъ и весь монастырь, носящій весьма неправильно это названіе. Церковь св. архангела Михаила ветха, темна, бѣдна, некрасива и въ добавокъ такъ мала, что въ ней съ трудомъ помѣщается 25 человѣкъ, а соборнаго служенія въ оной вовсе совершать нельзя. Доступъ въ церковь не свободенъ, потому что впускъ въ монастырь зависитъ отъ привратника и мѣстнаго грече-

[240]) Тамъ же, IV, 276. [241]) Тамъ же, 381—382; Сн. III, 156. [242]) Тамъ же, III, 443.

скаго наблюдателя. Блеска обрядовъ и внѣшности богослуженія въ этой церкви ожидать невозможно, а на посторонних прихожанъ разсчитывать не слѣдуетъ, ибо греческое духовенство всегда старалось и старается удалять свою паству отъ благодѣтельнаго и безкорыстнаго вліянія нашей церкви... Къ тому же должно имѣть въ виду, что арабскихъ прихожанъ собственно въ Іерусалимѣ не имѣется, ибо арабы живутъ въ деревняхъ, приходятъ въ св. Градъ развѣ только въ большіе праздники, когда происходятъ торжественныя службы, въ которыхъ и нашей миссіи приходится участвовать въ греческомъ храмѣ».

«Въ отношеніи участія нашей миссіи въ служеніи у Гроба Господня и на Галгоѳѣ, что ставилось въ задачу нашей миссіи министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и инструкціею Св. Синода, то должно замѣтить, говорится въ цитируемой нами запискѣ, что фактическое устройство общаго богослуженія разныхъ исповѣданій у сихъ святынь далеко не таково, чтобы арх. Порфирій могъ удовлетворять ожиданіямъ или желаніямъ пославшаго его правительства. Христіане не располагаютъ свободно храмомъ Гроба Господня. Это, къ горю нашему, установилось уже издавна и въ настоящее время даже не оспаривается... Служеніе въ храмѣ Гроба Господня для нашей миссіи было невозможно потому, что для этого надобно было жить въ храмѣ и служить вмѣсто грековъ, что они дозволяютъ изрѣдка, но не могутъ допустить навсегда. Въ воскресные и праздничные дни, когда въ св. храмѣ собиралось много богомольцевъ, арх. Порфирій долженъ былъ или участвовать въ соборномъ греческомъ служеніи, или, отказавшись отъ этого, служить литургію у себя въ обители; слѣдовательно, именно, при стеченіи народа, когда можно было бы привлекать къ намъ массы, посредствомъ сравненія нашей службы съ греческою, именно тогда миссія наша должна была вовсе сходить со сцены или сливаться съ греками въ ихъ соборномъ служеніи» [243]).

Чтобы улучшить бытъ нашихъ паломниковъ въ Іерусалимѣ и оградить ихъ отъ нравственной распущенности, арх. Порфирій убѣдилъ патріархію перевести изъ Екатерининской обители въ Ѳеодоровскую паломницъ, а паломниковъ

[243]) Книга бытія моего, VII, 130—133.

жившихъ въ этой послѣдней обители, помѣстилъ у себя въ Архангельскомъ монастырѣ [244]). Такъ какъ устроенная патріархіею больница для русскихъ поклонниковъ въ Екатерининскомъ монастырѣ была мала и имѣла докторомъ грека Мазараки, не говорящаго по-русски [245]), то арх. Порфирій возбудилъ предъ русскимъ правительствомъ вопросъ о необходимости учрежденія при миссіи больницы собственно для русскихъ поклонниковъ и о назначеніи при ней особаго іеромонаха духовника. «Архимандритъ, по словамъ Б. П. Мансурова, изложилъ свое представленіе въ такихъ сильныхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ, столь явно высказалъ необходимость неотложно прійти на помощь явившемуся недостатку, что не только правительство, но даже богатое частное лицо, казалось, не могло бы равнодушно услышать о томъ, что говорилъ одинъ изъ представителей нашей церкви на Востокѣ, и должны бы были рѣшиться на пожертвованія ради чувствъ человѣколюбія и сбереженія достоинства имени русскаго, которыя призывалъ арх. Порфирій. Испрашивалось единовременное назначеніе 1800 рублей и прибавленіе къ штату миссіи ежегодно по 4000 рублей. Представленіе это было подкрѣплено и генеральнымъ консуломъ Базили и посланникомъ нашимъ въ Царьградѣ, не смотря на все въ С.-Петербургѣ оно оставлено было безъ послѣдствій по причинамъ чисто экономическимъ» [246]).

Мы уже видѣли, какъ отечески и дружелюбно встрѣтили въ Іерусалимѣ добрый, хотя и безхарактерный патріархъ Кириллъ, синодалы и святогробцы нашу первую духовную миссію во главѣ съ арх. Порфиріемъ. Эти мирныя дружественныя отношенія сохранились потомъ и на все послѣдующее время [247]). Совѣтъ изъ Петербурга «не вмѣшиваться въ чужія дѣла» [248]) и свой горькій опытъ, вынесенный изъ первой поѣздки въ Іерусалимъ, съ обѣщаніемъ смотрѣть на многія явленія жизни мѣстнаго духовенства «сквозь пальцы», сдѣлали то, что въ его дневникахъ мы уже не видимъ тѣхъ полныхъ огня и нравственной брезгливости рѣчей о распущенности нравовъ греческаго духовенства, какими проникнуты двѣ первыя «Книги бытія моего». Положеніе русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ и мѣстнаго греческаго ду-

[244]) Тамъ же, IV, 304. [245]) Тамъ же, 274. [246]) Тамъ же, VII, 139. [247]) Тамъ же, III, 360 и др. [248]) Книга бытія моего, III, 231.

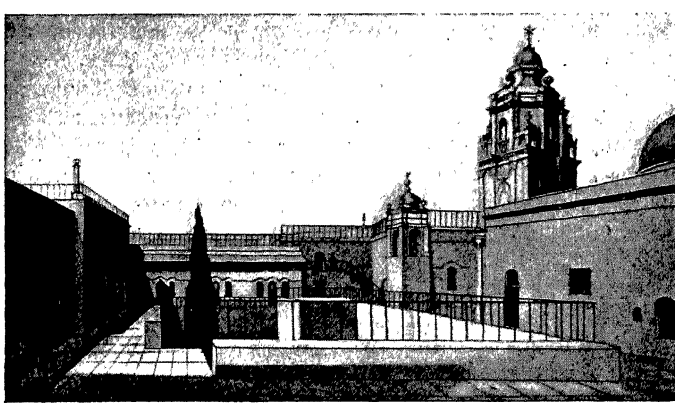
ховенства установилось, по словамъ Б. П. Мансурова, весьма скоро и приблизительно въ такомъ видѣ: «явились другъ передъ другомъ хозяева и скромные терпимые гости, и для сихъ послѣднихъ возъимѣло полную силу правило, выражающееся въ пословицѣ: «въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ» [249]).

Въ иныя совершенно отношенія сталъ арх. Порфирій къ туземному арабскому духовенству и вообще къ православнымъ арабамъ Сиріи и Палестины. Заявивъ себя горячимъ арабофиломъ, еще во время перваго своего пребыванія въ Сиріи и Палестинѣ, и встрѣченный съ радостію и духовенствомъ и народомъ арабскаго племени во второй свой пріѣздъ сюда, арх. Порфирій, съ глубокою вѣрою въ полную возможность осуществить на дѣлѣ, задумалъ возродить этотъ приниженный забитый народъ и возвысить арабскій клиръ въ глазахъ паствы и особенно господствующаго греческаго духовенства. Средствомъ для сего онъ избралъ учрежденіе богословской школы на подобіе Халкинской близъ Константинополя, съ преподаваніемъ въ ней арабскаго языка и съ допущеніемъ въ школу учениковъ изъ туземцевъ. Эту свою мысль арх. Порфирій настойчиво внушаетъ русскому генеральному консулу и правящему патріарху Кириллу, отъ котораго главнымъ образомъ зависѣло учрежденіе этой школы [250]). «Патріархъ, пишетъ арх. Порфирій подъ 26 марта 1849 г., изъявилъ *твердое намѣреніе* учредить *съ помощію моею* духовное училище для образованія сельскихъ священниковъ. Посему въ нашемъ тройномъ совѣтѣ (т. е. вмѣстѣ съ консуломъ) рѣшено было: 1) вызвать сюда изъ Бейрута о. Спиридона для преподаванія катихизиса и *арабской словесности*; 2) дать ему помѣщеніе въ одномъ изъ святогробскихъ домовъ да 10.000 піастровъ жалованья въ годъ и на дорогу 1.000 піастровъ; 3) пригласить изъ палестинскихъ епархій *на первый разъ 12 молодыхъ арабовъ* и помѣстить ихъ въ приготовленномъ домѣ. Я былъ въ восторгѣ, прибавляетъ авторъ проекта, отъ патріарха Кирилла. Въ настоящій день воскресенія Лазаря *началось воскресеніе церкви палестинской. Этотъ день есть торжественный день и въ моей жизни*» [251]). 14 іюня 1849 г. задуманное училище было открыто въ монастырѣ св. Гроба, въ

[249]) Тамъ же, VII, 129. [250]) Тамъ же, III, 447—448, 579. [251]) Тамъ же, 579.

присутствіи всего духовенства и патріарха [252]). Въ 1852 г. рѣшено было расширить школу и перенести въ Крестный монастырь близъ Іерусалима [253]). Ефоромъ этой школы (т. е. попечителемъ) былъ приглашенъ иниціаторъ ея арх. Порфирій, порекомендовавшій устроить ванну при больницѣ и залъ для экзаменовъ [254]).

3-го февраля было открыто правленіе училищнаго попечительства, въ которомъ послѣ о. Діонисія Клеовула, ректора школы, занялъ почетное мѣсто и арх. Порфирій. Цѣль учрежденія его—«дать жизнь, движеніе и порядокъ всѣмъ училищамъ, какія только находятся въ предѣлахъ церкви



Патріаршее училище въ Крестномъ монастырѣ близъ Іерусалима.

палестинской» [255]). Въ первомъ же засѣданіи вновь учрежденнаго училищнаго правленія арх. Порфирій обратилъ вниманіе на то, что въ приходскомъ училищѣ ученики успѣваютъ весьма мало, что негоденъ способъ обученія ихъ и что, по его мнѣнію, цѣлесообразнѣе раздѣлить училище на четыре отдѣльные класса, вмѣсто двухъ, и опредѣлить еще двухъ наставниковъ, такъ чтобы одинъ обучалъ дѣтей арабскому чтенію и письму, другой усовершалъ ихъ въ томъ и другомъ, а третій и четвертый преподавали бы всѣ прочіе уроки. Предложеніе было принято и избраны два новые учителя—сынъ покойнаго учителя Фараха съ жалованьемъ въ

[252]) Тамъ же, 593. [253]) Тамъ же, IV', 284. [254]) Тамъ же, 309. [255]) Тамъ же, 390.

2.400 піастровъ, братъ арабскаго священника Михаила съ жалованьемъ въ 3.000 піастровъ и возвышено жалованье двумъ остальнымъ о. Варнавѣ до 4.200 піастровъ и Ханнѣ Нукли до 3.600 піастровъ. При этомъ рѣшено было дать денежное пособіе женѣ покойнаго учителя Фараха, на которое патріархъ согласился неохотно, обѣщаясь помочь вдовѣ *тайно,* «дабы прочія арабскія вдовицы не потребовали отъ него не заслуженной помощи». Арх. Порфирій передалъ сыну вдовы Фараха 400 піастровъ изъ личныхъ средствъ. «Я, говоритъ арх. Порфирій въ своемъ дневникѣ по поводу перваго этого засѣданія въ правленіи, хранилъ въ глубокой тайнѣ свое *дипломатическое намѣреніе просвѣтить и возвысить православныхъ арабовъ во что бы то ни стало.* Мнѣ было жаль ихъ. Они несли двойное иго: *турецкое и греческое.* Надлежало освободить ихъ. Какъ же? Посредствомъ просвѣщенія, ибо Спаситель сказалъ: *«Истина свободитъ вы»* (Іоан. VIII, 32) [256]).

На второмъ засѣданіи училищнаго правленія постановлено было заготовить обувь и бѣлье для 21 воспитанника патріаршей школы, составить росписаніе часовъ преподаванія въ приходской школѣ, просить патріарха подчинить вѣдѣнію правленія патріаршую типографію и назначить учителя въ Лидду съ жалованьемъ въ 2.400 піастровъ [257]). Архимандритъ Порфирій самъ лично ѣздилъ въ Лидду, Рамлу и Яффу, чтобы вести переговоры съ жителями этихъ мѣстностей о скорѣйшемъ открытіи разрѣшенныхъ патріархомъ школъ [258]). На одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій было заслушано охотно предложеніе арх. Порфирія принять введенный въ іерусалимской приходской школѣ способъ обученія дѣтей и во всѣхъ другихъ арабо-приходскихъ школахъ, подвѣдомыхъ іерусалимскому патріарху, «ради единства обученія». «Сѣмена мои, восклицаетъ по этому поводу арх. Порфирій, падаютъ на добрую почву. Богъ возраститъ ихъ» [259]).

Въ 1853 году, по настоянію арх. Порфирія, разрѣшенъ былъ вопросъ о приходящихъ ученикахъ богословской школы, но подъ условіемъ имѣть покровителей изъ святогробскаго духовенства, жертвующаго или изъ личныхъ, или изъ святогробской казны средства на ихъ содержаніе въ количествѣ

[256]) Тамъ же, 391—392. [257]) Тамъ же, 393—394. [258]) Тамъ же, 394—395 V, 148. [259]) Тамъ же, V, 133.

30 піастровъ въ мѣсяцъ [260]). Это, конечно, потребовало расширенія училища, которое и было сдѣлано, по указаніямъ также арх. Порфирія [261]). Въ августѣ 1853 года происходили годичныя испытанія въ школѣ, по окончаніи которыхъ ученики являлись благодарить своего заботливаго ефора. «Я, говоритъ о. Порфирій, заслужилъ это почтеніе, потому что *неослабнымъ настояніемъ своимъ* одѣлъ ихъ пристойно, улучшилъ ихъ столъ, снабдилъ ихъ учебными книгами и передѣлалъ ихъ помѣщеніе такъ, что имъ теперь и просторно, и весело» [262]).

Мечталъ арх. Порфирій создать при школѣ церковно-археологическій музей для собиранія въ немъ палестинскихъ ископаемыхъ и неископаемыхъ древностей, монетъ, рукописей, иконъ и проч. Но эта мечта не осуществилась, такъ какъ «святогробцы, по словамъ автора проекта, привыкли сидѣть въ потемкахъ» [263]).

Къ великому утѣшенію для себя, арх. Порфирій въ 1854 г. 14 февраля слушалъ на арабскомъ языкѣ проповѣдь виѳлеемскаго священника Иліи, обучающагося въ іерусалимской школѣ, въ храмѣ Воскресенія Христова. «Итакъ это училище, по замѣчанію арх. Порфирія, *въ первый разъ* выслало проповѣдниковъ Слова Божія» [264]).

Была попытка у арх. Порфирія открыть школу въ Іерусалимѣ и для дѣвочекъ. «Какъ матери, убѣждалъ онъ іерусалимскаго патріарха, митрополита Мелетія и архимандрита Никифора на это святое дѣло, онѣ передаютъ дѣтямъ свою набожность, свои добродѣтели и свои духовныя знанія; и ихъ преданія и наставленія такъ глубоко укореняются въ дѣтскихъ сердцахъ, что никакое лжеученіе впослѣдствіи не можетъ исторгнуть ихъ. Посему на благочестивое образованіе дѣвицъ — этихъ будущихъ матерей, надобно обращать величайшее вниманіе. Отцы, какъ бы хорошо ни знали они свою вѣру, занимаясь ремеслами и работами, не имѣютъ времени позаботиться о духовномъ возлелѣяніи птенцовъ своихъ. А матери, постоянно находясь съ дѣтьми у очага домашняго, могутъ питать ихъ брашномъ Слова Божія благовременно и безвременно». Убѣждаемые отдѣлались на пер-

[260]) Тамъ же, 128—129, 132. [261]) Тамъ же, 132. [262]) Тамъ же, 136. [263]) Тамъ же, 124. [264]) Тамъ же, 193.

выхъ порахъ глубокимъ молчаніемъ, но говорившій остался съ полною вѣрою, что слова его «западутъ въ ихъ душу»[265]). Дѣйствительно, позже нѣсколько открыта была и школа для дѣвочекъ-арабокъ[266]).

Мечты о возрожденіи арабскаго племени путемъ просвѣщенія переходили у арх. Порфирія иногда прямо въ утопію. Въ бытность свою на Синаѣ въ 1850 году, въ разговорѣ съ дикеемъ монастыря онъ считаетъ дѣломъ «по истинѣ добрымъ, полезнымъ и славнымъ» для обители учрежденіе училища для дѣтей синайскихъ бедуиновъ, называемыхъ «защитниками монастыря», считающихъ себя «царями пустыни» и съ презрѣніемъ относящихся къ осѣдлости и къ мирнымъ тяжелымъ трудамъ. Любопытенъ, однако же, для характеристики личности составителя проекта, планъ этой бедуинской школы. «Я бы, заявляетъ арх. Порфирій, построилъ это училище по ту сторону Синая, въ лѣсистой и многоводной долинѣ Леджа, въ развалинахъ обители сорока мучениковъ, и сдѣлалъ бы даже болѣе: началъ бы учить грамотѣ и ремесламъ дѣтей рабовъ монастырскихъ, учредивъ для нихъ *небольшую школу въ видѣ кочевья, т. е. подъ палатками*, въ той же долинѣ или въ другомъ подобномъ мѣстѣ... Начните лучше снабдѣвать здѣшнихъ вдовъ и сиротъ и тѣхъ арабовъ, которые поступаютъ въ монастырь на служеніе; *приманите дѣтей ихъ подъ ремесленные шатры* мягкимъ хлѣбомъ и отеческимъ попеченіемъ о нихъ. Такимъ образомъ вы возродите и переобразуете ихъ»[267]).

Но за всѣмъ тѣмъ арх. Порфирій, нужно правду сказать, имѣлъ полное право говорить о себѣ: «Богъ сподобилъ меня быть зачаткомъ духовнаго образованія двухъ православныхъ народовъ *арабскаго* и болгарскаго. *Итакъ, никто не скажетъ о мнѣ: онъ праздно прошелъ по землѣ*»[268]).

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о возрожденіи арабскаго народа и о школахъ для его образованія стоитъ и вопросъ объ открытіи при іерусалимской патріархіи типографіи для печатанія всякаго рода книгъ на языкахъ греческомъ и арабскомъ. Мысль о заведеніи таковой типографіи принадлежитъ нашему архимандриту Порфирію[269]). Въ октябрѣ

[265]) Тамъ же, 506. [266]) Тамъ же, VII, 275; Богослов. Вѣстн. 1905, кн. IV, стр. 695. [267]) Второе путеш. въ Синайскій монаст. въ 1850 г., стр. 87, 91. [268]) Книга бытія моего, IV, 211. [269]) Тамъ же, 272.

26 дня 1852 года прибылъ типографъ Лазариди [270]), въ ноябрѣ привезены для задуманной типографіи бумага, чернила и буквы и ожидались станки [271]), а 14 февраля 1854 года уже вышли изъ печати первыя двѣ книги на арабскомъ языкѣ—Апостолъ и Катихизисъ, печаталась по-гречески толковая Псалтирь іерусалимскаго патріарха Анѳима [272]), и подготовлялась къ печати путемъ сличеній греческаго текста съ арабскимъ Цвѣтная Тріодь [273]). Патріаршая типографія открыта была въ іерусалимскомъ Никольскомъ монастырѣ [274]) въ нижнемъ жильѣ.

Раздача бѣднѣйшимъ іерусалимскимъ, виѳлеемскимъ и въ Беть-Сахурѣ (деревня пастырей) христіанамъ ежегодно по 500 піастровъ передъ праздниками Успенія Богоматери, Рождества Христова и Пасхи [275]), посылка въ Іерусалимѣ въ тюрьму пасхальнаго хлѣба, сыра, яицъ и денегъ по пяти піастровъ каждому изъ бет-джалскихъ христіанъ, обвиненныхъ въ столкновеніяхъ съ клевретами латинскаго патріарха Валерги, пытавшагося прочно обосноваться въ Бет-Джалѣ [276]); проектъ помогать арабамъ, находящимся въ крайней нуждѣ, путемъ учрежденія ссуднаго банка хотя бы то и съ ничтожнымъ капиталомъ въ 30.000 піастровъ на первый разъ, съ выдачею небольшихъ займовъ подъ проценты не болѣе 5 піастровъ и съ допущеніемъ уплаты натурою: овцами, масломъ деревяннымъ и овечьимъ, яйцами, курами, шерстью и т. п.; обезпеченіе этого банка капиталомъ патріархіи или субсидіею русскаго правительства въ 1.000 р. [277]); созданіе сировоспитательнаго дома для арабскихъ дѣтей и обученіе ихъ ремесламъ [278]), снабженіе семи бѣднѣйшихъ сельскихъ церквей ризницею [279]) и т. д. и т. д.—эти и многіе другіе благодѣянія и проекты на пользу возрожденія и просвѣщенія арабскихъ христіанъ Палестины краснорѣчиво говорятъ намъ о той горячей искренней любви, какую питалъ въ своемъ сердцѣ къ этому забитому и приниженному народу нашъ первый начальникъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ. Радуясь успѣхамъ своимъ въ дѣлѣ устроенія палестинскихъ школъ для арабовъ-христіанъ и другимъ своимъ

[270]) Тамъ же, 321. [271]) Тамъ же, 326. [272]) Тамъ же, V, 195. [273]) Тамъ же, IV, 326; V, 147. [274]) Тамъ же, 327, 325. [275]) Тамъ же, III, 301, 139. [276]) Тамъ же, V, 211. [277]) Тамъ же, 134, 141. [278]) Книга бытія моего, V, 141. [279]) Тамъ же, VII, 140.

начинаніямъ въ ихъ пользу, арх. Порфирій, однако, не самообольщалъ себя относительно прочности и долговѣчности ихъ. «Слава Богу! восклицаетъ онъ, при обозрѣніи школы въ Лиддѣ, среди здѣшняго арабскаго племени показался разсвѣтъ. *Но на долго-ли?* Тяжелъ для меня этотъ вопросъ: не хочу и отвѣчать на него. Мое дѣло готовить почву и сѣять, а выращеніе сѣмянъ зависитъ отъ Бога» [280]).

Изъ вышесказаннаго мы уже знаемъ, что посылка невольнаго «русскаго поклонника» на Востокъ архимандрита Порфирія въ первый разъ и потомъ во второй обусловливалась прежде всего и главнымъ образомъ успѣхами инославной пропаганды въ Сиріи и Палестинѣ и учрежденіемъ въ Іерусалимѣ англиканско-евангелическаго епископата, посему столкновеніе нашего «русскаго поклонника», по секрету начальника духовной миссіи въ Іерусалимѣ, какъ съ представителями этой инославной пропаганды, такъ и съ результатами ея въ мѣстномъ арабскомъ населеніи, было весьма естественно и даже непзбѣжно. На первомъ мѣстѣ, однако же, прежде всего мы должны поставить столкновенія арх. Порфирія съ католическою пропагандою и ея представителями, такъ какъ наша первая духовная миссія попала въ Іерусалимъ въ самый разгаръ организаціи и первыхъ успѣховъ этой пропаганды и присутствовала, какъ очевидецъ, при тѣхъ кровавыхъ столкновеніяхъ православія и католичества на святыхъ мѣстахъ и въ частности въ Виѳлеемѣ [281]), которыя послужили потомъ ближайшимъ поводомъ къ нашей тяжелой севастопольской войнѣ и на всегда съ тѣхъ поръ и нашей духовной миссіи и даже нашему Императорскому Православному Палестинскому Обществу навязали тотъ боевой характеръ, съ какимъ они ведутъ свое просвѣтительное дѣло въ Сиріи и Палестинѣ, стоя лицомъ къ лицу съ сильнымъ и способнымъ на всякаго рода ухищренія врагомъ православія...

Наша миссія въ Іерусалимѣ застала уже оживленную борьбу православія и иновѣрія здѣсь и понимала и сознавала хорошо, что греческая православная церковь своими средствами безсильна бороться съ хорошо организованною пропагандою иновѣрія [282]). Ко времени появленія въ Іеруса-

[280]) Тамъ же, V, 149. [281]) Тамъ же, 172. [282]) Книга бытія моего, III, 940.

лимѣ нашей первой духовной миссіи подъ видомъ «скромныхъ русскихъ паломниковъ», латинская пропаганда, руководимая дотолѣ лишь францисканцами, утвердившимися на св. мѣстахъ еще съ XIV столѣтія, и кармелитами, поселившимися на горѣ Кармилъ въ 1821 году, неожиданно получила могучую поддержку въ лицѣ вновь созданнаго католическаго патріархата, который явился здѣсь, по желанію папы Пія IX, въ отвѣтъ на учрежденіе протестантскаго епископства. Во главѣ католическаго іерусалимскаго патріархата былъ поставленъ миссіонеръ Месопотаміи Валерга [283]), который, своею изумительно энергичною и настойчивою дѣятельностью въ пользу католической церкви, оставилъ по себѣ столь великую память, что имя его не забывается въ Сиріи и Палестинѣ и до настоящаго времени. Пріѣздъ этого несокрушимой силы воли и настойчивости католическаго дѣятеля въ Палестину, по странной случайности, совпалъ съ прибытіемъ сюда во второй разъ арх. Порфирія. Представители православія и русской церкви и католичества обмѣнялись взаимными визитами, причемъ арх. Порфирій не преминулъ и нарисовать предъ читателями портретъ католическаго патріарха: «высокъ, тонокъ, бѣлокуръ, красивъ; рыжеватая борода его длинна до пояса и, какъ замѣтно, холится весьма тщательно» [284]).

Патріархъ Валерга затѣялъ дѣло объ утвержденіи своей резиденціи въ православной деревнѣ Бет-Джалѣ [285]), близъ Іерусалима, велъ борьбу съ обитателями этой деревни [286]) и греческимъ православнымъ духовенствомъ [287]) и когда, при поддержкѣ французскаго консула Ботты [288]), наконецъ, утвердился, то началъ здѣсь постройку католической академіи [289]), нѣкогда наносившей громадный вредъ православію на Востокѣ. Въ лицѣ арх. Порфирія патріархъ католическій встрѣтилъ противника своей пропагаторской дѣятельности, а поэтому, при первой же возможности, постарался выпроводить его изъ Іерусалима, какъ виновника всѣхъ печальныхъ происшествій изъ-за его водворенія въ Бет-Джалѣ [290]).

[283]) Тамъ же, 219. [284]) Тамъ же, 219—220, 232; IV, 100, 305. [285]) Тамъ же, V, 154—155, 161, 163, 165, 168, 208; VI, 309. [286]) Тамъ же, V, 166, 167—168. [287]) Тамъ же, III, 183, 226; V, 154. [288]) Тамъ же, V, 165, 207—208. [289]) Тамъ же, III, 218, 511; IV, 304. [290]) Книга бытія моего, V, 172.

«Латинамъ я, замѣчаетъ о себѣ арх. Порфирій, былъ не понутру»[291]).

Объ отношеніяхъ своихъ къ другимъ народностямъ и инославнымъ вѣроисповѣданіямъ въ Іерусалимѣ, архимандритъ Порфирій выражается такъ: «Абиссины, сиріано-іаковиты и копты видѣли во мнѣ своего заступника. Армяне уважали меня[292])... Англійскій епископъ Гобатъ чуждался меня, но и я не хотѣлъ знакомиться съ нимъ, потому что мнѣ весьма не нравилось воровство его, а воровалъ онъ православныя души и загонялъ ихъ въ свою кирку, въ которой нѣтъ даже Распятія, а стоятъ двѣ черно-мраморныя скрижали съ десятью заповѣдями, какъ будто онъ раввинъ, а не епископъ»[293]). Въ частности, относительно коптовъ или абиссинцевъ и сиро-іаковитовъ намѣренія епископа Порфирія шли гораздо дальше платонической къ нимъ любви и простого дружескаго общенія: въ тайникѣ души его загорѣлось горячее желаніе соединить ихъ съ православною церковью. Для задуманной цѣли арх. Порфирій выкупилъ изъ плѣна абиссинца, во святомъ крещеніи въ рѣкѣ Іорданѣ получившаго наименованіе Фрументія Іорданскаго[294]). «Англійскій епископъ Самуилъ Гобатъ, латинскій патріархъ Валерга, монастыри францисканскій и греческій, американецъ Баркель, даже раввины жидовскіе, всѣ здѣсь занимаются духовною ловитвою человѣковъ, и я, пишетъ о себѣ еп. Порфирій, *рѣшился сдѣлаться ловцомъ* ихъ и случайно купилъ себѣ удицу—маленькаго абиссинца у бет-джальскихъ христіанъ православныхъ за 125 рублей серебромъ, съ намѣреніемъ крестить его, обучить и, если Богу будетъ угодно, *отправить въ Абиссинію священникомъ* для тамошнихъ православныхъ купцовъ изъ грековъ, уже давно лишившихся пастыря»[295]). Позже, какъ увидимъ ниже, еп. Порфирій нарочито ѣздилъ въ Египетъ, чтобы соединить коптскаго патріарха съ православною русскою церковью. Что же касается сиро-іаковитовъ, то добрыя сношенія, завязавшіяся въ Іерусалимѣ съ послѣдователями этого вѣроученія при первомъ начальникѣ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, до-

[291]) Тамъ же, 215. [292]) Примѣры дружественныхъ отношеній къ армянамъ въ «Книгѣ бытія моего» многочисленны, II, 87—89, 311, 331; III, 180, 260, 361, 581; IV, 333 [293]) Книга бытія моего, V, 215. [294]) Тамъ же. I, 44, [295]) Тамъ же, IV, 123.

вольно оживленный характеръ приняли при его преемникѣ еп. Кириллѣ Наумовѣ [296]) и завершились благополучно лишь на нашихъ глазахъ въ 1898 году 25 марта.

Участіемъ архим. Порфирія въ дѣлахъ о починкѣ купола надъ Гробомъ Господнимъ [297]) и объ уничтоженіи на немъ турецкаго харема [298]) Абдаллы исчерпывается, можно сказать, вся сумма осязательныхъ практическихъ результатовъ пребыванія его въ Іерусалимѣ. Мечты арх. Порфирія о собственномъ домѣ для русской миссіи [299]), попытки пріобрѣсти за дешевую цѣну необходимый для сего участокъ земли внутри города [300]), передача дѣла о построеніи дома для русской миссіи въ руки іерусалимской патріархіи и другія неудачи нельзя приписывать, однако же, первому начальнику русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ. «Арх. Порфирій, пишетъ въ его оправданіе по этому пункту Б. П. Мансуровъ, убѣждаемый необходимостью для нашей миссіи имѣть принадлежащее ей приличное зданіе, успѣлъ устроить все на мѣстѣ такъ, что намъ приходилось бы только выстроить сообразный съ нашими нуждами домъ, земля отдавалась патріархіею безъ затрудненій и, слѣдовательно, являлась возможность пріобрѣсти оную для Россіи и *положить начало русскому богоугодному заведенію въ Іерусалимѣ*. Какъ умный и конечно добросовѣстный человѣкъ, арх. Порфирій изучилъ это дѣло подробно, убѣдился въ необходимости и выгодности предпріятія и настоятельно ходатайствовалъ въ С.-Петербургѣ объ учрежденіи онаго. Между тѣмъ греческому церковному управленію дѣло это не понравилось. Ему не хотѣлось видѣть Россію въ Іерусалимѣ хозяиномъ чего-либо, а не его гостемъ; но изъ приличія оно не могло противодѣйствовать арх. Порфирію, довольствуясь

[296]) *Проф.-прот. Ѳ. И. Титовъ*. Преосв. Кириллъ Наумовъ, епископъ мелитопольскій, бывшій настоятель русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, стр. 309—317. Кіевъ. 1902. [297]) Книга моего бытія, IV, 300; V, 124, 173. [298]) Тамъ же, IV, 274, 280; V, 205. [299]) Тамъ же, III, 448. [300]) Въ первую поѣздку въ Іерусалимъ арх. Порфирія, секретарь синода монахъ Анеимъ предлагалъ ему, «чтобы Россія купила *огромное*, почти пустопорожнее, мѣсто за домомъ геесиманскаго архимандрита, извѣстное подъ названіемъ *носокоміонъ* Евдокіи царицы. Но я, замѣчаетъ арх. Порфирій, молчалъ и ничего не сказалъ ему. По его мнѣнію, надобно заплатить за это мѣсто 500 тысячъ піастровъ» (Книга бытія моего, ч. I, тр. 612). Сумма въ дѣйствительности ничтожная.

и тѣмъ, что онъ не пріѣхалъ въ св. Градъ съ деньгами и полномочіемъ и что дѣло, имъ задуманное, еще не вѣрно, если требуетъ переписки за 4.000 верстъ. Два года тянулось это дѣло; наше правительство, оставляя въ сторонѣ и довѣріе къ арх. Порфирію и то, что онъ одинъ былъ судьею мѣстной необходимости, спрашивало его безпрестанно: нельзя-ли получить то же, да подешевле? Между тѣмъ пока мы торговались, греческое духовенство умѣло возбудить разныя затрудненія къ утвержденію въ Палестинѣ русской собственности, и дѣло кончилось тѣмъ, что наша же дипломатія отстранила возможность имѣть въ Іерусалимѣ свое заведеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что Порта этимъ обезпокоится, и что удобнѣе предоставить патріарху самому выстроить для насъ негласно предположенный арх. Порфиріемъ домъ. Такимъ образомъ, еще до войны Россія убоялась обезпокоить Порту построеніемъ монашеской скромной обители, когда ни Франція, ни Англія, ни Австрія не боялись въ то же время строить въ Іерусалимѣ обширныя заведенія» [301]). Домъ, задуманный, по мысли арх. Порфирія, и построенный на средства патріархіи, оконченъ былъ уже передъ самою севастопольскою войною, и иниціатору его созданія жить въ немъ не удалось [302]). Въ домѣ этомъ, послѣ окончанія войны, помѣщались русское генеральное консульство и *вторая* наша духовная миссія въ Іерусалимѣ [303]).

Все остальное время шестилѣтняго пребыванія въ Іерусалимѣ употреблено было арх. Порфиріемъ на ученыя экскурсіи по Палестинѣ и Сиріи и ученыя занятія въ его рабочемъ кабинетѣ въ Архангельскомъ монастырѣ. «Здѣсь люди, пишетъ о своей жизни въ Іерусалимѣ арх. Порфирій, весьма скучны. Греки необразованны, армяне и францискане не друзья музамъ, консулы заняты собою и жидами. *И такъ, поневолѣ сидишь въ кельѣ и что нибудь читаешь или пишешь.* На рабочемъ столѣ моемъ вмѣстѣ съ печатными книгами и собственными рукописаніями лежитъ дневникъ мой. Это сосецъ, который впиваетъ въ себя свѣтъ и мракъ, теплоту и холодъ, сладость и горечь. Это дегорротипъ памяти, который рисуетъ съ природы: и потому въ рисункахъ его видно подлѣ великаго малое, близъ изящнаго безобразное, около

[301]) Книга бытія моего, VII, 136—137. [302]) Тамъ же, IV, 262—264, 294, 297, 299; V, 133, 135, 212. [303]) Тамъ же, VII, 137.

священнаго мірское, вмѣстѣ съ важнымъ смѣшное» [304]). «Архангельскій монастырь, гдѣ мы жили и трудились, замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ арх. Порфирій о домашней работѣ всѣхъ членовъ миссіи, былъ подобенъ улью, въ которомъ каждая пчела вырабатывала, коя свой медъ, коя свой сотъ». [305]) «У кого нѣтъ житейскихъ связей и попеченій, пишетъ арх. Порфирій уже въ бытность свою въ Россіи, хорошо тому жить въ Святой Землѣ. Тамъ священныя мѣста, взамѣнъ грѣшнаго общества, питаютъ размышленіе, покаяніе и молитву. А путешествія въ каждый разъ обогащаютъ воображеніе свѣжими картинами. Горы, холмы, юдоли, рѣки, поля, пустыни и развалины тамъ возвѣщаютъ былое, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, видны шествіе Бога, Его чудеса, прещенія, щедроты и дары благодати» [306]).

Ученые труды арх. Порфирія относятся или къ исторіи восточныхъ православныхъ патріархатовъ и церквей: синайской, грузинской и др. [307]), или къ исторіи тѣхъ церквей, о соединеніи которыхъ съ православною церковью мечталъ арх. Порфирій, напр. коптской. Сочиненіе о вѣроученіи, богослуженіи, чиноположеніяхъ и о правилахъ церковнаго благочинія египетскихъ христіанъ коптовъ окончено было въ Іерусалимѣ 7 апрѣля 1854 года [308]), причемъ въ предисловіи къ этой книгѣ авторъ между прочимъ писалъ: «сравниваю церковь коптовъ съ масличною вѣтвію, отломившеюся отъ главнаго ствола своего и наклоненною долу, такъ, впрочемъ, что кора ея еще соединена съ корою древней маслины и всасываетъ ея соки. Одному Богу извѣстно, когда эта вѣтвь срастется съ роднымъ стволомъ ея» [309]).

По причинамъ научной любознательности, арх. Порфирій во второе свое пребываніе въ Іерусалимѣ не ограничивался учеными экскурсіями по Палестинѣ и Сиріи, которыя были подчинены его наблюденію и ученому обозрѣнію, но предпринималъ и отдаленныя путешествія въ 1850 году—въ Египетъ и оттуда на Синай, имѣя спутниками всѣхъ своихъ іерусалимскихъ сотрудниковъ. «Желаніе помолиться тамъ,

[304]) Книга бытія моего, IV, 90. [305]) Тамъ же, V, 216. [306]) Тамъ же. 222. [307]) Тамъ же, III, 183, 357, 363. [308]) Тамъ же, IV, 213; Вѣроученіе, богослуженіе, чиноположеніе и правила церковнаго благочинія египетскихъ христіанъ (коптовъ), стр. 311. Спб. 1856. [309]) Вѣроученіе, богослуж., чиноположеніе египетскихъ христіанъ, стр. 1.

гдѣ Богъ изъ Египта возвалъ Сына своего, пишетъ по поводу этого путешествія арх. Порфирій, пріобрѣсть новыя познанія и провѣрить прежнія, *избавить сотрудниковъ моихъ отъ скуки и томленія однообразной жизни и расширить кругъ ихъ понятій*, это желаніе неодолимо» [310]).

Путешествіе началось 18 марта и направилось въ Александрію на англійскомъ пароходѣ. Здѣсь, запасшись «свѣдѣніями о православной церкви въ Египтѣ», 4 апрѣля на парусной лодкѣ по «водоводу» Махмудіе и по Нилу арх. Порфирій со своими спутниками поднялся къ Каиру, въ которомъ семнадцать дней провелъ «въ богомольѣ (по случаю пасхальнаго времени), въ вечернихъ собесѣдованіяхъ съ патріархомъ (Іероѳеемъ) и въ занятіяхъ ученыхъ и художественныхъ» [311]), какъ въ патріаршей библіотекѣ, такъ и въ синайскомъ подворьѣ Джуванія. Получивъ 24 апрѣля «поручительныя письма» коптскаго патріарха, арх. Порфирій со своими спутниками на лодкѣ по Нилу поплылъ до Буша, гдѣ у него произошла встрѣча съ игуменомъ Даудомъ, впослѣдствіи коптскимъ патріархомъ Кирилломъ, даннымъ ему въ проводники, по распоряженію коптскаго патріарха, на все время его путешествія въ монастыри св. Антонія Великаго и пр. Павла Ѳивейскаго. Отъ Буша въ названные монастыри и обратно «трудное» путешествіе по знойной пустынѣ, при удушливомъ вѣтрѣ хамсинѣ, совершено было на верблюдахъ, и продолжалось оно съ 3 по 18 мая, при чемъ три дня были употреблены (6—8 мая) на пребываніе въ монастырѣ св. Антонія и два дня (10—11) на обозрѣніе обители св. Павла Ѳивейскаго. Въ Каиръ возвратился арх. Порфирій 23 мая и прожилъ здѣсь до 1 іюня, занимаясь чтеніемъ рукописи о патріархѣ Никонѣ газскаго митрополита Паисія и другихъ документовъ, относящихся къ русской церковной исторіи.

4 іюня арх. Порфирій отправился на верблюдахъ во вторичное путешествіе въ Синайскій монастырь, продолжавшееся до 1 числа августа. «Долгъ службы, съ которымъ, по мнѣнію арх. Порфирія, несовмѣстима растрата драгоцѣннаго времени» [312]), побудили его покинуть монастырь почти на-

[310]) Путешествіе по Египту и въ монаст. св. Антонія великаго и пр. Павла Ѳивейскаго въ 1850 г., стр. 1. [311]) Тамъ же, 69. [312]) Второе путешествіе въ Синайскій мон. въ 1850 г., стр. 185.

канунѣ его храмового праздника, послѣ усиленныхъ книжныхъ занятій въ библіотекѣ. Обратный путь въ Іерусалимъ былъ избранъ трудный и небезопасный по пустынямъ Синая и Идумеи, въ «изорванной обуви и въ изношенной одеждѣ»[313]), чрезъ страну «мало кѣмъ посѣщаемую»[314]). 13 августа арх. Порфирій со своими спутниками прибылъ въ Хевронъ, а 17 числа того же мѣсяца, «послѣ четырехдневнаго карантина въ Хевронѣ и послѣ пяти мѣсяцевъ скитанія «по широкому раздолью Востока и собиранія сота, болѣе или менѣе благовоннаго, смотря по качествамъ находимыхъ цвѣтовъ»[315]), онъ «съ величайшею радостію» вернулся въ Іерусалимъ. Въ виду всего сказаннаго безусловно справедливо замѣчаніе Б. П. Мансурова, что арх. Порфирій, «по неимѣнію средствъ дѣйствовать иначе (въ Іерусалимѣ), посвятилъ себя поклонническому подвижничеству и ученымъ трудамъ, въ которыхъ онъ находилъ и утѣшеніе, и соотвѣтствующее характеру и склонности занятіе. *Арх. Порфирій для себя и для ученаго міра недаромъ пробылъ нѣсколько лѣтъ въ Палестинѣ и въ другихъ странахъ Востока*»[316]).

Вторичное шестилѣтнее пребываніе въ Іерусалимѣ арх. Порфирія не прошло для него и безъ нѣкоторыхъ огорченій. Тяжкая мучительная болѣзнь глаза и другія недомоганія его слабаго въ общемъ организма побудили арх. Порфирія искать облегченія своихъ недуговъ сначала въ 1850 г. въ Константинополѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ[317]), а потомъ въ Россіи въ Кіевѣ (съ 25 ноября 1851 г. по 22 марта 1852 г.)[318]), вмѣсто Вѣны и Италіи, куда онъ просился у Св. Синода и куда выѣздъ ему не былъ разрѣшенъ. Невниманіе высшаго начальства къ труженику и временному пришельцу съ Востока въ Кіевъ арх. Порфирію, доводившее послѣдняго до печальнаго сознанія «нечѣмъ жить»[319]), причиняло ему не мало огорченій и нравственныхъ мукъ. «Нечѣмъ жить» чувствительно отзывалось на настроеніи духа арх. Порфирія нерѣдко и въ Іерусалимѣ, такъ какъ назначенное ему жалованье довольно часто подолгу задерживалось въ Петербургѣ[320]). Ассигнованныя суммы, по словамъ Б. П. Мансурова, «высылались такъ поздно и не своевременно, что мис-

[313]) Тамъ же, 184. [314]) Тамъ же, 203. [315]) Тамъ же, 237. [316]) Книга бытія моего, VII, 140. [317]) Тамъ же, III, 625. [318]) Тамъ же, IV, 137, 144, 145 [319]) Тамъ же, 253. [320]) Тамъ же, III, 121; IV, 370; V, 139, 212.

сія была почти всегда безъ денегъ и въ самомъ затруднительномъ положеніи» [321]). Арх. Порфирію приходилось поэтому нерѣдко ограничивать себя и окружающихъ его лицъ въ необходимыхъ потребностяхъ и съ болью сердца сокращать и безъ того весьма ограниченный составъ членовъ своей миссіи [322]). Не менѣе тяжелымъ огорченіемъ для начальника нашей первой миссіи въ Іерусалимѣ были постоянные споры между греками и католиками изъ-за обладанія святыми мѣстами и въ частности изъ-за похищенія католиками звѣзды въ Вертепѣ Рождества Христова [323]) съ мѣста рожденія Спасителя и изъ-за права владѣть ключами отъ сѣверныхъ дверей Вертепа [324]),—споры, приводившіе нерѣдко къ кровопролитнымъ столкновеніямъ представителей православія и католичества на глазахъ членовъ нашей духовной миссіи [325]) и послужившіе потомъ причиною къ прекращенію дипломатическихъ сношеній Россіи съ Турціею и къ печальной необходимости для нашей первой духовной миссіи покинуть Іерусалимъ.

13 октября 1853 года австрійскій консулъ Пиццамано извѣстилъ арх. Порфирія объ объявленіи войны Россіею Турціи и о томъ, что, по порученію русскаго генеральнаго консула, онъ принимаетъ на шесть мѣсяцевъ подъ свое покровительство миссію [326]), а 18 октября прочитанъ былъ фирманъ о войнѣ и въ святогробскомъ храмѣ [327]). Оставленный безъ надлежащаго руководства со стороны своего начальства, арх. Порфирій колебался относительно того — ѣхать ли ему въ Грецію и ждать тамъ распоряженій, или оставаться при полномъ «безденежьѣ» во Св. градѣ [328]). Посланъ былъ арх. Порфиріемъ запросъ на этотъ счетъ къ директору азіатскаго департамента Н. И. Любимову [329]), но событія слѣдовали своимъ порядкомъ. 31 октября Архангельскій монастырь переданъ въ завѣдываніе патріаршаго намѣстника [330]); 13 января 1854 года арх. Порфирій объявилъ членамъ своей миссіи, что онъ «не можетъ болѣе содержать ихъ своими средствами», и что они должны покинуть Іерусалимъ, прибавивъ имъ въ отвѣтъ на ихъ мольбы ѣхать вмѣстѣ съ ними въ Аѳины,

[321]) Тамъ же, VII, 134. [322]) Тамъ же, IV, 382—383. [323]) Тамъ же, III, 515. [324]) Тамъ же, V, 206. [325]) Книга бытія моего, III, 224—228. [326]) Тамъ же, V, 152. [327]) Тамъ же, 155. [328]) Тамъ же, 153. [329]) Тамъ же, 157. [330]) Тамъ же, 161.

что «капитанъ погибающаго корабля сходитъ съ него послѣдній» [331]). 8 мая выѣхалъ изъ Іерусалима съ о. Ѳеофаномъ, Соловьевымъ и 13 поклонницами, наконецъ, и самъ начальникъ нашей духовной миссіи арх. Порфирій [332]), оставивъ въ Іерусалимѣ на время своего отсутствія библіотеку и всѣ вещи, принадлежавшія миссіи, въ чаяніи, конечно, скораго возвращенія сюда [333]).

Арх. Порфирій съ названными выше спутниками на австрійскомъ пароходѣ направился изъ Яффы черезъ Александрію, Смирну и Сиру въ Пирей и Аѳины для «бѣглаго осмотра тамошнихъ пресловутыхъ древностей», подъ руководствомъ «благообразнаго, умнаго, ученаго эллиниста» арх. Антонина, настоятеля русской посольской церкви и будущаго преемника своего по настоятельству въ духовной миссіи въ Іерусалимѣ [334]). Послѣ кратковременной остановки въ Аѳинахъ, на томъ же австрійскомъ пароходѣ черезъ Закинѳъ, Корфу и Тріестъ арх. Порфирій выѣхалъ въ путешествіе по Италіи. Посѣщая города Венецію, Падую, Миланъ, Анкону, Лоретто, Римъ, Ливорно, Пизу, Флоренцію и Геную, арх. Порфирій изучалъ «изящныя искусства-зодчество, ваяніе, живопись» въ старинныхъ итальянскихъ храмахъ и въ многочисленныхъ картинныхъ галлереяхъ названныхъ городовъ [335]). Въ Римѣ, въ частности, арх. Порфирій, по собственному желанію, испросилъ аудіенцію у папы Пія IX, который принялъ нашего путешественника въ обычномъ одѣяніи съ орденомъ св. Анны, на шеѣ, но безъ архимандритскаго креста. Послѣ цѣлованія руки папы, протянутой по столу, арх. Порфирій обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими фразами о соединеніи церквей и объ іерархическомъ положеніи въ клирѣ своемъ и своего спутника іеромонаха Ѳеофана, присутствовавшаго при этой аудіенціи [336]).

Потерявъ надежду посѣтить Туринъ съ пресловутою плащаницею, которою повито было пречистое Тѣло Христово, такъ какъ на паспортѣ арх. Порфирія не оказалось помѣтки сардинскаго посланника, онъ изъ Генуи черезъ Наварру, Миланъ, Венецію, Тріестъ и Ляйбахъ направился въ Вѣну. Здѣсь арх. Порфирій бесѣдовалъ довольно откровенно и сво-

[331]) Тамъ же, 212. [332]) Тамъ же, 213, 217. [333]) Тамъ же, 214. [334]) Тамъ же, 223—224. [335]) Тамъ же, V, 218, 248; VI, 135; VII, 1; Богослов. Вѣстн. 1904, IX, 107. [336]) Книга бытія моего, VI, 245—246.

бодно съ нашимъ посланникомъ при австрійскомъ императорѣ княземъ А. М. Горчаковымъ. Въ разговорѣ этомъ, который потомъ имѣлъ не маловажное вліяніе на дальнѣйшую карьеру арх. Порфирія, послѣдній коснулся каноническихъ и церковно-практическихъ «разностей» нашихъ сравнительно съ восточною церковью. «Греки, витійствовалъ арх. Порфирій, вѣрные евангельскому ученію, воспрещаютъ всякую присяжную клятву, кромѣ ей-ей, ни-ни; а у насъ, въ противность Евангелію, узаконена клятвенная присяга, и еще какая? Клянусь всемогущимъ Богомъ, вмѣсто предъ всемогущимъ Богомъ. Въ греческой церкви браки совершаются въ дальнихъ степеняхъ родства, а у насъ и въ близкихъ. Мы принимаемъ католиковъ и протестантовъ въ ограду своей церкви безъ перекрещиванія ихъ, а греки вновь крестятъ ихъ, какъ еретиковъ. У насъ уже давно нѣтъ ежегодныхъ архіерейскихъ соборовъ, заповѣданныхъ правилами церкви вселенской, а у грековъ нерѣдко бываютъ такіе соборы, хотя они и подъ игомъ иновѣрнымъ находятся. Греки весьма строго соблюдаютъ тѣ церковныя правила, которыми назначенъ 30-тилѣтній возрастъ для рукоположенія въ священника и 25-тилѣтній — въ діакона и воспрещено въ іерейскій санъ возводить поповичей, а повелѣвается избирать въ іереи изъ всѣхъ сословій; у насъ же въ іерейскій и діаконскій санъ рукополагаются только поповичи, да и тѣ въ лѣтахъ весьма молодыхъ, что отталкиваетъ отъ насъ раскольниковъ. По одному изъ началъ церковнаго управленія, во всей вселенской церкви существуетъ единое епископствованіе, и потому каждый епископъ отвѣчаетъ за цѣлость православія не только въ своей паствѣ, но и въ паствахъ другихъ епископовъ. Такая круговая отвѣтственность возможна и благотворна только тогда, когда всѣ епископы наблюдали бы другъ за другомъ, греческіе за нашими, а наши за греческими, наблюдали бы посредствомъ своихъ духовныхъ посланниковъ при патріархахъ и владыкахъ автокефальныхъ церквей, каковые посланники древле назывались апокрисіаріями, т. е. отвѣчающими. А гдѣ такіе посланники? Ихъ нѣтъ. Наше свѣтское посольство въ Константинополѣ вѣдаетъ и церковными дѣлами на Востокѣ, но его вмѣшательство въ эти дѣла противно дипломатіи церковной, по уложенію которой апокрисіарій долженъ быть не превосходительство, а высо-

копреподобіе или преосвященство. Соблюсти такое уложеніе падлежало бы намъ свободнымъ и не бѣднымъ, а у насъ никто не думаетъ о немъ. Другое начало церковнаго управленія гласитъ такъ: законодательная власть церкви, сосредоточенная во вселенскихъ соборахъ, есть сила и благо. А гдѣ у насъ сосредоточенность законодательная, centralisation legislative? Нашъ Святѣйшій Синодъ есть власть исполнительная, но отнюдь не законодательная. Въ древнія времена законодательствовали вселенскіе соборы. Вселенско-соборное законодательство необходимо нужно и въ наши дни. Напримѣръ, вселенскій соборъ снялъ бы проклятіе съ нашихъ единовѣрцевъ и раскольниковъ, которое ихъ отталкиваетъ отъ насъ; онъ ввелъ бы вездѣ однообразное богослуженіе, нѣсколько разрозненное неумѣлыми исправленіями церковныхъ книгъ; онъ благословилъ бы христіанъ поститься, по слову евангельскому, *аще хощеши поститися*. Но къ сожалѣнію, государственныя власти тамъ-сямъ руководствуются особымъ принципомъ: divide et impera. Таковы церковныя причины нерасположенности къ намъ греческихъ іерарховъ». Можно полагать, что этимъ рѣчамъ не было бы и конца, еслибы князь Горчаковъ, на котораго этотъ разговоръ произвелъ «сильное впечатлѣніе», не прервалъ ихъ рѣзкимъ восклицаніемъ: «довольно, довольно»... [337]).

Въ Вѣнѣ арх. Порфирій въ этотъ свой пріѣздъ сюда обозрѣвалъ картинную галлерею Бельведера и главнымъ образомъ въ немъ картины кисти нидерландскихъ живописцевъ [338]).

28 ноября 1854 года арх. Порфирій покинулъ Вѣну и черезъ Варшаву направился въ Петербургъ, куда и прибылъ 2 октября. Первая встрѣча съ митрополитомъ петербургскимъ Никаноромъ отличалась непривѣтливостью. Митрополитъ «сухо» спросилъ арх. Порфирія: «зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Римъ?» и тутъ же «деспотически» прибавилъ: «но вамъ не было позволено ѣздить туда» [339]). Оберъ-прокуроръ графъ Протасовъ интересовался аудіенціею арх. Порфирія у папы и принялъ послѣдняго холодно. Не лучше встрѣтилъ его и директоръ его канцеляріи Сербиновичъ. Ласку и привѣтъ чисто дружескіе арх. Порфирій нашелъ лишь у управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Л. Г. Сенявина, убѣ-

[337]) Тамъ же, 315—317. [338]) Тамъ же, 318. [339]) Тамъ же, VII, 1.

дившись при этомъ, и уже не въ первый разъ, на горькомъ опытѣ, что нельзя работать двумъ господамъ [340]).

Помѣстившись въ двухъ «грязныхъ келіяхъ» Лавры, арх. Порфирій, по порученію митрополита, долженъ былъ взять на себя трудъ провѣрить переводъ каноновъ на праздники господскіе, сдѣланный подъ редакціею проф. Петербургской духовной Академіи Е. П. Ловягина, и перевести французскую книжку аббата Мишона «Новое рѣшеніе вопроса о святыхъ мѣстахъ (въ Палестинѣ)». Второе порученіе было выполнено арх. Порфиріемъ, при помощи іеромонаха Ѳеофана и студента П. Соловьева [341]), а первое, возбудившее неудовольствіе редактора и членовъ комитета, учрежденнаго митрополитомъ, не было доведено до конца. Мѣсто арх. Порфирія, которому за эту «барщину» не было сказано и спасибо [342]), занялъ въ комитетѣ арх. Софонія, впослѣдствіи еп. туркестанскій.

8 декабря 1854 года арх. Порфирій представилъ директору азіатскаго департамента Н. И. Любимову свой отчетъ объ ученыхъ занятіяхъ духовной миссіи за 1853 годъ, а 21 января 1855 г. такой же отчетъ за 1854 годъ. 29 января іеромонахъ Ѳеофанъ, по прошенію его, причисленъ къ Петербургской духовной Академіи, студентъ Соловьевъ назначенъ на мѣсто священника на Малой Охтѣ, а самъ бывшій начальникъ миссіи арх. Порфирій награжденъ за особые труды и заслуги пожизненною пенсіею въ 1000 рублей, при чемъ всѣ эти лица въ послѣдній разъ 4 апрѣля получили въ азіатскомъ департаментѣ слѣдуемое имъ жалованье [343]). Первая наша духовная миссія въ Іерусалимѣ покончила, такимъ образомъ, свое оффиціальное существованіе.

Начальникъ первой нашей миссіи арх. Порфирій, выполнившій возложенное на него порученіе въ предѣлахъ данной ему инструкціи, и по собственному своему сознанію [344]) и по отзыву другихъ лицъ, интересовавшихся судьбою этой нашей миссіи [345]), вполнѣ удовлетворительно, естественно могъ ожидать награды для себя со стороны высшаго начальства, но въ дѣйствительности въ Петербургѣ его ожидалъ цѣлый рядъ весьма чувствительныхъ для его само-

[340]) Тамъ же, 2. [341]) Тамъ же, 3—7. [342]) Труды Кіевск. дух. Акад. 1867, IV, 140. [343]) Книга бытія моего, VII, 7—17. [344]) Книга бытія моего, V, 215; VII, 44, 87. [345]) Тамъ же, VII, 140.

любія огорченій. Мы уже видѣли, что митрополитъ Никаноръ и оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Протасовъ встрѣтили его весьма холодно. Еще хуже къ нему отнеслись ихъ преемники митрополитъ петербургскій Григорій и новый оберъ-прокуроръ св. Синода графъ А. П. Толстой. Послѣдній воскресилъ свои антипатіи къ архимандриту Порфирію, сложившіяся у него еще въ Одессѣ подъ вліяніемъ наговоровъ на него Магницкаго, и теперь, путемъ опроса спутниковъ и бывшихъ сотрудниковъ начальника первой миссіи [346]), постарался собрать новые факты не въ пользу его высокой нравственной чистоты. Поѣздка въ Римъ [347]) къ папѣ и вкушеніе скоромной пищи въ Іерусалимѣ [348])—вотъ новые пункты обвиненіе противъ него. «Меня сиротинку судитъ и осуждаетъ Толстой умъ и за что же? вопрошаетъ арх. Порфирій въ своемъ дневникѣ. За то, что вкушалъ скоромную пищу тамъ, гдѣ нѣтъ ни рыбы, ни грибовъ, ни ягодъ, и гдѣ святые апостолы учили, что пища не поставитъ насъ предъ Господомъ. Ни слабость моего здоровья, ни созерцательная жизнь моя, отъ которой я сознаю въ себѣ скорѣе бытіе души нежели тѣла, ни дарованія и познанія мои, ни труды и заслуги мои, ни ходатайство о мнѣ нѣсколькихъ сановниковъ, изумленныхъ фарисействомъ Толстого, ничто не уважается. Вкушеніе нѣсколькихъ капель скоромной похлебки тамъ, гдѣ болѣе нечѣмъ питаться, признано величайшимъ преступленіемъ» [349]). «Если о мнѣ сказано, какъ о сладчайшемъ Іисусѣ, пишетъ свѣтлѣйшей княгинѣ Е. П. Витгенштейнъ арх. Порфирій въ 1857 г. сентября 7, что

[346]) Тамъ же, 45. [347]) «Во время путешествія моего, пишетъ арх. Порфирій, тамъ, въ дальнемъ Петербургѣ, *вообразили, что я въ Римѣ сдѣлался католикомъ*» (Книга бытія моего, V, 198). [348]) Книга бытія моего, I, 390, 603; III, 204; VI, 249; Богослов. Вѣстн. 1904, кн. IX, стр. 118; кн. X, стр. 244. [349]) Книга бытія моего, VII, 46—Достойно полнаго изумленія, что тотъ же оберъ-прокуроръ графъ А. П. Толстой, осуждавшій арх. Порфирія за употребленіе скоромной пищи, совершенно иначе посмотрѣлъ на подобный же фактъ, когда *лично* побывалъ въ Іерусалимѣ. «Мы вмѣстѣ (съ графомъ А. П. Толстымъ) обѣдали у патріарха, писалъ 18 ноября 1862 г. епископъ Кириллъ Наумовъ изъ Іерусалима въ Петербургъ къ своимъ роднымъ. Пріятно было имѣть графа свидѣтелемъ того вниманія и предупредительности, съ какими относится ко мнѣ здѣшняя іерархія. А еще лучше, что графъ *самъ графъ Ал. Петровичъ, на замѣчаніе мое о мясной пищѣ, замѣтилъ, что, если бы и вездѣ утверждено было правиломъ для монаховъ—не ѣсть мяса, для Іерусалима слѣдовало бы сдѣлать исключеніе, потому что здѣсь ѣсть нечего. Такъ-то проходятъ времена и измѣняются понятія и фразы. (Прот. Ѳ. И. Титовъ.* Пр. Кириллъ Наумовъ, еписк. Мелитопольскій, стр. 421—422, прим. 2).

я—ядца и винопійца и другъ грѣшникамъ и мытарямъ, то я принимаю на себя это безславіе, какъ мутную волну принимаетъ скала, на которой растутъ благовонные кипарисы (плодоносныя дерева). Но ежели, въ самомъ дѣлѣ, *считаютъ меня не твердымъ въ православіи* и неспособнымъ представлять нашу церковь на Востокѣ, потому что я не убѣжденъ-де въ правотѣ ея, то ошибаются жестоко. *Я родился, выросъ, возмужалъ, состарѣлся и умру подъ сѣнью алтаря русскаго.* Любовь моя къ отечеству и царю пламенна. *Союзъ мой съ родимою Церковью нерушимъ. Убѣжденія мои въ правотѣ ея уясненъ болѣе, нежели въ комъ либо*» [350]).

Въ силу указанныхъ недоразумѣній и нареканій арх. Порфирій, естественно, не могъ получить заслуженнаго возмездія со стороны митрополита и оберъ-прокурора Св. Синода. Арх. Порфирій давно, напр., лелѣялъ въ душѣ мечту «быть ректоромъ и профессоромъ Академіи» [351]), но ему предпочли бывшаго подъ его начальствомъ іеромонаха Ѳеофана, о которомъ арх. Порфирій въ письмѣ къ княгинѣ Витгенштейнъ выражается такъ: «qui n'a d'autre mérite, qu' un extérieur compose» [352]), и который получилъ это мѣсто лишь по настоянію оберъ-прокурора Толстого, читавшаго его «благочестивыя письма» къ княгинѣ Лукомской [353]). Попытка его просить себѣ, и даже при содѣйствіи высокопоставленныхъ лицъ, мѣста настоятеля церкви при Императорской русской миссіи въ Римѣ не увѣнчалась успѣхомъ [354]). Когда въ 1856 году возбужденъ былъ снова вопросъ о сформированіи *второй* духовной миссіи въ Іерусалимѣ, то арх. Порфирія прямо обошли назначеніемъ. Оберъ-прокуроръ Синода графъ Толстой отдавалъ предпочтеніе іеродіакону Оптиной пустыни Ювенелію (Половцеву), впослѣдствіи архіепископу виленскому, какъ «великому постнику и молитвеннику о душахъ нашихъ» [355]). Новый канцлеръ князь Горчаковъ, припомнивъ свою бесѣду съ архимандритомъ Порфиріемъ въ Вѣнѣ предъ севастопольскою войною, теперь прямо объявилъ ему: «я не рѣшился избрать представителемъ нашей церкви (въ Іерусалимѣ) такое лицо, ко-

[350]) Богослов. Вѣстн. 1904, X, 244—245; Книга бытія моего, VII, 91. [351]) Книга бытія моего, VII, 120. [352]) Богослов. Вѣстн. 1904, IX, 121. [353]) Книга бытія моего, VII, 90, 148; Богослов. Вѣстн. 1904, IX, 121—122. [354]) Книга бытія моего, VII, 21, прим. 1. [355]) Тамъ же, 45.

торое не убѣждено въ правотѣ ея» [356]). Въ начальники этой миссіи канцлеръ князь Горчаковъ предположилъ назначить одесскаго викарія Поликарпа, нѣкогда занимавшаго мѣсто настоятеля при нашемъ посольствѣ въ Аѳинахъ, ничѣмъ, однако же, въ прошлой своей заграничной жизни себя не заявившаго [357]), но снискавшаго репутацію человѣка благочестиво настроеннаго и даже святого [358]) въ глазахъ графа Толстого, графа Путятина и др. Въ Петербургѣ, впрочемъ, хорошо понимали, что намѣченный въ начальники второй нашей духовной миссіи епископъ Поликарпъ «не имѣетъ той силы ума и воли, той смѣтливости, той вкрадчивости и того дара слова, кои нужны на дипломатическомъ поприщѣ» [359]), а по этому рѣшено было дать ему въ помощники уже извѣданной опытности арх. Порфирія, которому обѣщано въ награду «быть въ Іерусалимѣ послѣ еп. Поликарпа» [360]). Огласившееся въ Петербургѣ это скромное назначеніе арх. Порфирія, какъ выражается онъ самъ, въ качествѣ «высокопреподобнаго дядьки» при «преосвященномъ мальчикѣ» [361]), произвело на лицъ, расположенныхъ къ арх. Порфирію, и даже лично на него самого «успокоительное и даже радостное впечатлѣніе» [362]). 13 іюля 1857 г. «у меня, писалъ арх. Порфирій княгинѣ Витгенштейнъ, были *двѣ радости*: одна—объ огласившемся здѣсь *назначеніи меня въ Іерусалимъ помощникомъ Поликарпа*, а другая—о продолженіи вашей дружеской переписки со мною. Первая *радость* моя еще можетъ обратиться *въ печаль*, если Верховная власть не утвердитъ почему либо назначеніе меня въ св. Градъ, вторая же пребудетъ во мнѣ, какъ благоуханіе въ кринѣ, освѣженномъ медовою росою» [363]). Назначеніемъ арх. Порфирія въ этой скромной роли остался недоволенъ только епископъ Поликарпъ, заявивъ рѣзко, что «ему визирь не нуженъ». «Но если онъ не султанъ, то я не визирь, замѣчаетъ по поводу этого обиднаго для себя эпитета арх. Порфирій. Я священникъ Бога Вышняго, и ни ему и никому не позволю называть меня иначе» [364]).

[356]) Тамъ же, 243; Богослов. Вѣстн. 1904, 243—244. [357]) Тамъ же, 74, 77; Богослов. Вѣстн. 1904, IX, 114. [358]) Книга бытія моего, VII, 84, 90. [359]) Тамъ же, 84. [360]) Тамъ же, 79, 83. [361]) Тамъ же, 84. [362]) Тамъ же, 79. [363]) Богослов. Вѣстн. 1904, IX, 126—127. [364]) Книга бытія моего, VII, 89; Богослов. Вѣстн. 1904, X, 241.

Еп. Поликарпъ, однако же, не получилъ назначенія въ Іерусалимъ, а вмѣстѣ съ этимъ разстроилось дѣло и о посылкѣ туда арх. Порфирія въ качествѣ его помощника. Самъ арх. Порфирій объясняетъ эту перемѣну безтактностію епископа Поликарпа, будто-бы запросившаго у князя Горчакова 300,000 руб. на нужды палестинской церкви, «малоумiемъ» и «неспособностью его къ дѣламъ на Востокѣ» [365]), но въ дѣйствительности оказались для того иныя совершенно причины. Дѣло въ томъ, что, послѣ неожиданнаго для всѣхъ назначенія ректоромъ Петербургской духовной Академіи іеромонаха Ѳеофана Говорова, очутился въ положеніи несправедливо обойденнаго молодой и красивый инспекторъ той-же Академіи, архимандритъ Кириллъ Наумовъ, не получившій ректуры, «не смотря на его даровитость и ученость (онъ докторъ богословія), твердость въ православіи и неукоризненную жизнь» [366]). У обиженнаго нашлись сильные покровители и защитники въ лицѣ ближайшаго родственника, придворнаго протоіерея Наумова и царскаго духовника протопресвитера Бажанова [367]), которые, не желая ставить его въ положеніе подчиненное и унизительное по отношенію къ новому ректору, послѣ того какъ не удалось намѣреніе нѣкоторыхъ удалить его изъ Петербурга въ Константинополь въ качествѣ настоятеля при тамошнемъ посольствѣ [368]), выставили въ Синодѣ кандидатуру арх. Кирилла въ начальники нашей второй духовной миссіи въ Іерусалимѣ въ санѣ епископа мелитопольскаго, каковое назначеніе и состоялось 16 августа 1857 года [369]).

Арх. Порфирій остался, такимъ образомъ, безъ назначенія и вдали отъ «*любимаго своего дѣла*—воскрешенія арабскаго православнаго народа и возвращенія сирійскихъ и палестинскихъ уніатовъ въ ограду нашей церкви» [370]). Вполнѣ естественно, состояніе его духа въ это время было угнетенное и душевное равновѣсіе утрачено. «Моя память, описываетъ свое душевное состояніе въ это время арх. Порфирій другу своему княгинѣ Витгенштейнъ, подверглась нападкамъ и приведена въ разстройство. Мои мысли сталкиваются между собой. Вся область мыслей подобна полю битвы, на которой

[365]) Тамъ же. [366]) Богослов. Вѣстн. 1904, IX, 122. [367]) Книга бытія моего, VII, 90. [368]) Богослов. Вѣстн. 1904, IX, 122. [369]) Книга бытія моего, VII, 92, 94. [370]) Богослов. Вѣстн., 1904, IX, 109; Книга бытія моего, VII, 69.

люди взаимно убиваютъ другъ друга. Всѣ мои страсти возбуждены. *Во всемъ во мнѣ безпорядокъ. Миръ отнятъ.* Моя бѣдная душа какъ будто раздѣлена, разорвана, умерщвлена и убита той кровавой войной, которая въ ней происходитъ. О, жестокая война и болѣе жестокая и мучительная для перенесенія, чѣмъ можно это выразить. У меня нѣтъ ни силъ, ни смѣлости противиться чему-либо. *Всѣ мои планы, всѣ мои надежды, вся опора*, поддерживавшая меня до настоящаго времени, все отнято, остается только сухая и безъ всякой склонности преданность волѣ Божіей. Что мнѣ сказать? Остается только ждать, что быть можетъ Господь будетъ милостивъ и снизойдетъ въ мой адъ» [371]).

«Не жалѣю о томъ, что меня не послали въ Іерусалимъ, утѣшаетъ себя арх. Порфирій, ибо многократными сновидѣніями я предъувѣдомленъ былъ о разлученіи моемъ со святыми мѣстами и тамошними братьями о Господѣ: да и нѣкій таинственный голосъ говоритъ во мнѣ, что щадитъ меня Богъ, дабы не при мнѣ, *ретивомъ и сострадательномъ*, началось паденіе патріаршихъ престоловъ на Востокѣ,—паденіе неизбѣжное послѣ отнятія у нихъ богатыхъ имѣній въ Молдавіи и Валахіи, жадно назираемыхъ туземцами. Но скорблю о томъ, что мнѣ не даютъ никакой высшей должности и тѣмъ *безчестятъ меня въ глазахъ нашего и восточнаго духовенства* [372]), которому очень хорошо извѣстно мое имя. «Лучше мнѣ умереть, говорю съ апостоломъ Павломъ, нежели потерпѣть, чтобы кто упразднилъ похвалу мою». Скорблю о томъ, что меня отталкиваютъ отъ Церкви, отечества и престола, которымъ я могу служить словомъ и дѣломъ разумно, вѣрно, con amore. Скорблю о томъ, что *я осужденъ безъ суда* какими-то непогрѣшимыми папами и усѣченъ до корня живой, тѣнистый, плодовитый. Никакъ не могу пріучиться смотрѣть на себя, какъ на придорожный

[371]) Богослов. Вѣстн. 1904, IX, 115, 116, прим. [372]) Такъ ли это было въ описываемое нами время, мы не можемъ утверждать, но впослѣдствіи, послѣ напечатанія двухъ первыхъ «Книгъ бытія моего» арх. Порфирія, «Неологосъ», вліятельнѣйшая изъ греческихъ константинопольскихъ газетъ (1894 г., № 7465 отъ 8 іюля), на основаніи старыхъ и весьма сомнительныхъ свѣдѣній о личности епископа Порфирія, не только признала его пасквилянтомъ «іерусалимскаго греческаго міра», но даже *шаткимъ въ православіи*, при чемъ дѣйствительно дѣлалась ссылка и на русскій Св. Синодъ. (Сообщ. Импер. Прав. Палест. Общ. 1895, февраль, стр. 71—72).

пень, о который будетъ задѣвать всякое колесо, смазанное дегтемъ. Малодушіе не сродно мнѣ, но не пріятно и услажденіе своимъ собственнымъ *мученичествомъ*» [373]). «Я, замѣчаетъ арх. Порфирій по другому поводу о своемъ душевномъ состояніи въ письмѣ къ той же княгини Витгенштейнъ, дерево, *изъ котораго, однако, льются слезы*» [374]).

Но и среди страданій и огорченій арх. Порфирій ко благу своему умѣлъ сохранить преданность волѣ Божіей. «Впрочемъ, самая-то глубь души моей, писалъ онъ княгинѣ Витгенштейнъ, не возмущаема, потому что въ ней есть *разумная преданность волѣ Божіей*. Куда какъ хорошо жить въ Богѣ! восклицаетъ онъ. Отъ Него душа заимствуетъ неизмѣняемость и довольство среди непрестаннаго волненія мнѣній и дѣлъ житейскихъ и среди огорченій, производимыхъ неудачами и обманчивостью нашихъ разсчетовъ и надеждъ» [375]). Эта преданность волѣ Божіей и поддерживала въ арх. Порфиріѣ энергію, необходимую для продолженія его ученыхъ работъ, даже и въ то время, когда онъ, по собственному его признанію, былъ «удрученъ подъ тяжестью креста» [376]). Въ это время имъ были приготовлены къ печатанію описаніе трехъ путешествій: по Синаю и Египту, разсужденіе о загадочныхъ письменахъ на утесахъ синайскихъ и изложеніе вѣроученія, богослуженія и церковныхъ правилъ египетскихъ христіанъ коптовъ [377]), написано нѣсколько отчетовъ объ ученыхъ и художественныхъ занятіяхъ нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ за истекшіе годы [378]), составленъ сборникъ молитвъ для сестеръ Крестовоздвиженской общины [379]) и выполнены и многія другія ученыя порученія, снискавшія арх. Порфирію благоволеніе и покровительство высочайшихъ особъ, напр., великаго князя Константина Николаевича, великихъ княгинь Елены Павловны, Маріи Николаевны [380]) и государыни императрицы Маріи Алексан-

[373]) Богосл. Вѣстн. 1904, IX, 114; Книга бытія моего, VII, 74—75. [374]) Богосл. Вѣстн. 1904, IX, 122. [375]) Богосл. Вѣстн. 1904, X, 241. [376]) Тамъ же, IX, 121. [377]) Книга бытія моего, VII, 17, 70. [378]) Тамъ же, 13. [379]) Тамъ же, 21. [380]) По ея порученію, написаны «указаніе художникамъ русскимъ при посѣщеніи св. горы Аѳонской» (Книга бытія моего, VII, 153) и его работы объ иконописныхъ подлинникахъ Діонисія Фурно-Аграфіота. (Тамъ же, 159—163, 170).

дровны [381]) и почетное избраніе въ члены Императорскаго археологическаго общества [382]).

Близостью и вниманіемъ названныхъ сейчасъ лицъ нашего царствующаго дома и особенно изъ нихъ благосклонностію къ нему великой княгини Елены Павловны и великаго князя Константина Николаевича, арх. Порфирій обязанъ прежде всего и главнымъ образомъ своему другу свѣтлѣйшей княгинѣ Е. П. Витгенштейнъ, урожденной Эйлеръ, фрейлинѣ великой княгини Елены Павловны. Эти высокія знакомства имѣли потомъ громадное вліяніе на дальнѣйшую его карьеру. Великая княгиня Елена Павловна приблизила къ себѣ арх. Порфирія, избрала его даже своимъ духовникомъ, который написалъ для нея спеціально исповѣдь на французскомъ языкѣ [383]), давала ему неоднократно ученыя и литературныя порученія [384]), приглашала къ себѣ въ Ораніенбаумъ для поправленія здоровья, предоставляя ему, вмѣсто «лаврской темницы», свой чудный дачный «эдемъ» [385]), «бесѣдовала съ нимъ откровенно по многимъ вопросамъ религіи и жизни церковной на православномъ Востокѣ и принимала участіе въ судьбѣ его [386]), когда въ Петербургѣ къ нему относились съ предубѣжденіемъ митрополитъ, князь Горчаковъ и графъ Толстой. Что же касается знакомства съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, то оно послужило причиною его новаго путешествія на любимый Востокъ съ научными цѣлями и на довольно продолжительное время.

Послѣ назначенія начальникомъ миссіи въ Іерусалимѣ епископа мелитопольскаго Кирилла, въ Петербургѣ желали находящемуся не у дѣлъ ученому архим. Порфирію дать мѣсто настоятеля при нашей миссіи въ Аѳинахъ. Посланникъ нашъ въ Константинополѣ Титовъ убѣждалъ арх. Порфирія принять это назначеніе, говоря: «вы нужны грекамъ, какъ человѣкъ образованный многосторонне; вы можете путешествовать по Греціи и дополнять ваши свѣдѣнія о христіанскомъ Востокѣ». Но онъ рѣшительно отказался

[381]) «Неумолимая судьба уже приблизила меня къ Великимъ, пишетъ арх. Порфирій княгинѣ Витгенштейнъ 20 февраля 1858 г., Александръ, Марія, Елена, Константинъ и Марія—вотъ пять яркихъ звѣздъ» (Богосл. Вѣстн. 1904, X, 246). [382]) Книга бытія моего, VII, 52. [383]) Тамъ же, 59. [384]) Тамъ же, 21. [385]) Тамъ же, 16, 18—20, 28, 37, 73; Богослов. Вѣстн. 1904, IX, 120, 127; X, 242. [386]) Книга бытіям оего, VII, 99; Богослов. Вѣстн. 1904, X, 245; IX. 127.

туда ѣхать добровольно и уступалъ лишь приказанію, заявляя прямо, что онъ поѣдетъ туда «печальный, грустный, истерзанный» [387]). Московскій митрополитъ Филаретъ возбудилъ было ходатайство въ азіатскомъ департаментѣ о назначеніи арх. Порфирія въ Константинополь въ качествѣ настоятеля нашей посольской церкви [388]), и послѣдній охотно принималъ это мѣсто, но ему сюда предпочли другого [389]). Неожиданно трудный вопросъ о судьбѣ архимандрита Порфирія Успенскаго уладился самъ собою и къ общему удовольствію.

Въ 1857 году, по порученію великаго князя Константина Николаевича, былъ отправленъ въ Іерусалимъ Б. П. Мансуровъ для собиранія разныхъ свѣдѣній, которыя могли бы быть полезны русскому обществу пароходства и торговли, при устройствѣ правильнаго и сколь возможно частаго перевоза поклонниковъ изъ Россіи къ святымъ мѣстамъ Палестины [390]). Ознакомившись на мѣстѣ съ нуждами нашихъ паломниковъ св. мѣстъ и дѣятельностію арх. Порфирія въ Іерусалимѣ въ этомъ направленіи, во время двукратнаго тамъ пребыванія, Б. П. Мансуровъ въ особой запискѣ его Императорскому высочеству далъ, какъ мы уже знаемъ изъ выше приведенныхъ изъ нея цитатъ, весьма одобрительный отзывъ о дѣятельности и личности арх. Порфирія. Этотъ лестный отзывъ и доходившіе до великаго князя одобрительные о немъ слухи отъ великихъ княгинь побудили его дать порученіе арх. Порфирію написать записку о нашихъ дѣйствіяхъ на Востокѣ и особенно въ Іерусалимѣ съ указаніемъ желательныхъ мѣръ [391]). Въ 1858 году 6 января порученіе великаго князя было исполнено [392]), и оно рѣшило судьбу арх. Порфирія.

Въ томъ же году въ февралѣ мѣсяцѣ великій князь Константинъ Николаевичъ въ особомъ засѣданіи 24 числа, на которомъ присутствовали князь Горчаковъ, Брокъ, Норовъ, синодальный оберъ-прокуроръ, директоръ азіатскаго департамента Ковалевскій и Мансуровъ, рѣшилъ между разными другими вопросами, клонившимися къ улучшенію быта нашихъ паломниковъ, отправить на Востокъ *временную экспедицію* во главѣ съ Б. П. Мансуровымъ и въ число ея

[387]) Тамъ же, 69—70; Тамъ же, IX, 109. [388]) Книга бытія моего, VII, 96. [389]) Тамъ же, 94, 95, 107, 157. [390]) Тамъ же, 125. [391]) Книга бытія моего, VII, 125. [392]) Тамъ же, 145.

членовъ включить и арх. Порфирія [393]). Это рѣшеніе послѣдній принялъ съ радостію: «И такъ я поѣду на Востокъ. Слава Богу! Благодареніе великому князю! Спасибо Мансурову» [394]). Но по обстоятельствамъ Б. П. Мансуровъ долженъ былъ отправиться на время въ Парижъ, а арх. Порфирій, въ ожиданіи его, вынужденъ былъ нѣкоторое время прожить безъ дѣла въ Одессѣ [395]). Это побудило послѣдняго предпринять *второе* путешествіе по св. Аѳонской горѣ до того времени, когда экспедиція Б. П. Мансурова прибудетъ въ Константинополь и когда ему представится возможность присоединиться къ ней.

Въ указѣ Св. Синода относительно путешествія арх. Порфирія говорилось: 1) что онъ «съ набожными и учеными цѣлями и для взятія изъ Іерусалима оставшагося тамъ его имущества и библіотеки» отправляется на Востокъ срокомъ *на одинъ годъ*, 2) что онъ «соберетъ ученыя свѣдѣнія о церковной архитектурѣ и живописи съ присовокупленіемъ описанія церковныхъ утварей, библіотекъ и архивовъ» и что «въ Египтѣ возобновитъ свои сношенія съ коптскимъ духовенствомъ, котораго вниманіе къ церквѣ нашей привлекъ въ прошедшую свою поѣздку», 3) что ему дается въ качествѣ послушника воспитанникъ Петербургской духовной семинаріи Благовѣщенскій и 4) что ему къ получаемымъ окладамъ изъ духовно-учебныхъ капиталовъ на путевыя издержки назначить 1500 р., а воспитаннику Благовѣщенскому [396]) 750 р.» [397]).

[393]) Тамъ же, 155. [394]) Тамъ же, 157. «День этотъ былъ у меня день Божій, радостный». (Арх. Порфирій. Второе путешествіе по св. горѣ Аѳонской. стр. 3 М. 1880,) [395]) Книга бытія моего, VII, 164. [396]) Н. А. Благовѣщенскій состоялъ въ это время при арх. Порфиріѣ въ качествѣ рисовальщика съ натуры и старинныхъ художественныхъ предметовъ, чтеца при сличеніи рукописей съ печатными книгами, изрѣдка даже переписчик асъ рукописей и заслужилъ своимъ «поведеніемъ и послушаніемъ» полное одобреніе своего «старца» Книга бытія моего, VII, 175, 188). Самъ г. Благовѣщенскій оставилъ по себѣ память въ литературѣ книгою: «Среди богомольцевъ. Наблюденія и замѣтки во время путешествія по Востоку» (2 изд. Спб. 1872 г.), написанною не безъ литературныхъ достоинствъ, но тенденціозно—съ цѣлью осмѣять внутренній монашескій бытъ святогорцевъ. Книга эта пришлась по вкусу свѣтской читающей публикѣ и выдержала съ успѣхомъ два изданія, но принесла обитателямъ Аѳона, радушно принимавшимъ въ своихъ монастыряхъ автора книги и арх. Порфирія, безспорно дѣлившагося и своими наблюденіями и знаніемъ жизни монастырской на Св. Горѣ съ своимъ спутникомъ, не мало обидныхъ огорченій, вызвавшихъ въ свое время протестъ даже въ печати. Книга Н. Благовѣщенскаго, дополняющая во многомъ свѣдѣнія арх. Порфирія о путешествіяхъ его по Востоку въ это

8 мая 1858 года простился арх. Порфирій съ сѣверною столицею такими словами: «Прощай, Питеръ, ты бока мнѣ вытеръ» [398]) и черезъ Москву, Харьковъ, Елисаветградъ, Николаевъ и Одессу направился въ Константинополь. Послѣ краткой остановки здѣсь для свиданія съ посланникомъ нашимъ А. П. Бутеневымъ, патріархомъ вселенскимъ Кирилломъ, патріархомъ іерусалимскимъ Кирилломъ, начальникомъ Халкинской богословской школы митрополитомъ Константиномъ Тибалдо и съ синайскимъ архіепископомъ Константіемъ на островѣ Антигонѣ, 21 мая на австрійскомъ пароходѣ Стамбулъ выѣхалъ въ Солунь, а оттуда на лошадяхъ, посѣтивъ на пути монастырь св. Анастасіи Узорѣшительницы и епархіальный городъ Ериссо, съ своимъ спутникомъ прибылъ 1 іюля на св. Аѳонскую гору въ Есфигменскій монастырь [399]), стоящій почти на границѣ Македоніи. Изъ Есфигмена арх. Порфирій направился въ Руссикъ, въ которомъ на этотъ разъ прожилъ съ 25 іюля по 9 октября, съ выѣздомъ изъ него на три дня (съ 7 — 10 августа) для осмотра юго-западной стороны Аѳона, т. е. хребта Моливдуба, Ставролакка, развалинъ Франкокастра, Андроникової башни и острова Мульяни, оттуда въ половинѣ октября ѣздилъ въ Карею, чтобы посмотрѣть на художественныя работы Севастьянова, проживавшаго въ русскомъ Андреевскомъ скитѣ и занимавшагося снятіемъ прорисей съ фресокъ Панселина въ Протатскомъ соборѣ. Отъ 18 октября изъ Кареи мы имѣемъ письмо арх. Порфирія къ княгинѣ Витгенштейнъ, въ которомъ онъ такъ описываетъ свое душевное состояніе на Аѳонѣ въ это время: «Пока мнѣ хорошо здѣсь. Здоровье мое надежно. Меня грѣютъ два солнца—видимое и невидимое. Всѣ силы души моей настроены ладно. Скуки я не знаю, враговъ простилъ, друзей люблю, на людей не надѣюсь, на

время, безспорно набросила нѣкоторую тѣнь и на личность арх. Порфирія, отплатившаго неблагодарностію за радушный пріемъ и многочисленныя весьма обязательныя услуги старцевъ и простыхъ иноковъ... Къ глубокому сожалѣнію, въ памяти насельниковъ Св. Горы арх. Порфирій и его спутникъ Благовѣщенскій Н. А. отожествляются и все, что находится въ книгѣ послѣдняго, приписывается и арх. Порфирію, о которомъ и доселѣ можно слышать на Аѳонѣ отзывы не вполнѣ благосклонные и даже обидные для памяти этого почтеннаго труженика науки...

[397]) Книга бытія моего, VII, 168—169. [398]) Второе путешествіе по св. горѣ Аѳонской, стр. 3. [399]) Тамъ же, 12—28; Книга бытія моего, VII, 173.

Бога уповаю и молюсь Ему пламенно, а дѣломъ своимъ занимаюсь усердно: изучаю рѣзьбу, ваяніе, зодчество, иконописаніе и церковное пѣніе, а болѣе читаю старинныя книги, писанныя на кожахъ»[400]). Подъ вліяніемъ внимательнаго осмотра живописи въ Карейскомъ соборѣ, чтенія рукописей въ библіотекахъ Руссика и въ предѣлѣ св. Предтечи при Протатскомъ соборѣ, арх. Порфирій знакомитъ далѣе свою корреспондентку съ результатами своихъ открытій въ области греческаго церковнаго пѣнія и изученія текстовъ Священнаго Писанія въ цѣльномъ его видѣ.

Изъ Кареи арх. Порфирій перебрался въ Кутлумушъ 24-го октября и пробылъ въ немъ до 21-го ноября, оттуда поѣхалъ въ Иверъ, но по дорогѣ останавливался въ скитѣ св. Пантелеймона, чтобы узнать, «когда и кѣмъ основанъ былъ этотъ укромникъ, въ какомъ состояніи онъ находится нынѣ и есть ли въ немъ что либо замѣчательное» [401]). Художественныя и научныя занятія въ Иверѣ, продолжавшіяся до 25 февраля, на этотъ разъ сопровождались счастливымъ открытіемъ 16 бесѣдъ патріарха Фотія и въ числѣ ихъ особенно интересныхъ двухъ его бесѣдъ по случаю нашествія Россовъ на Константинополь. При этой находкѣ, арх. Порфирій, по собственному признанію, «пришелъ въ такой восторгъ, что все существо его взыграло отъ радости. И было чему радоваться! прибавляетъ онъ. Вѣдь мнѣ, искавшему многоцѣнныхъ перловъ на Востокѣ, попались два брилліанта, о которыхъ рѣдко кто зналъ, а многіе, весьма многіе, и не слыхали, и которые я желалъ найти и желалъ такъ, что, послѣ открытія ихъ, не захотѣлъ бы и слыть

[400]) Богослов. Вѣстн. 1904, X, 247; Книга бытія моего, VII, 184. Подъ 5 числомъ августа мѣсяца арх. Порфирій въ дневникѣ о своемъ душевномъ состояніи пишетъ слѣдующее: «Я разцвѣлъ на Аѳонѣ. Разныя познанія, какъ радужные лучи свѣта, просвѣщаютъ мою воспріимчивую душу. Красоты здѣшней природы чаруютъ и обогащаютъ мое воображеніе. Строгое и правильное житіе святогорскихъ подвижниковъ назидаетъ и исправляетъ меня окаяннаго. Соборныя молитвы ихъ, какъ волны, поднимаютъ мою душу къ небесамъ. Пища моя и питіе мое здѣсь приправляется чистѣйшимъ горнымъ воздухомъ и живительною теплотою свѣта. Мнѣ кажется, что я питаюсь болѣе лучами солнца и луны, чѣмъ произрастеніями земли. Аѳонъ — мой рай. Здѣсь я блаженъ мужъ: на совѣтъ нечестивыхъ не хожу и на пути грѣшныхъ не стою» (Книга бытія моего, VII, 176—177.

болѣе счастливою случайностію въ семъ мірѣ Божіемъ» [401]). Этими драгоцѣнными находками тотчасъ же изъ Ивера подѣлился арх. Порфирій съ княгинею Витгенштейнъ и оберъ-прокуроромъ Синода графомъ А. П. Толстымъ. Оба письма отправлены 1 января 1859 года [402]).

Съ 4 февраля по 26 марта арх. Порфирій провелъ время въ Кареѣ въ конакѣ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря, продолжая снова изучать живопись Панселина и современную аѳонскую живопись, знакомился у мѣстныхъ зографовъ съ техническими терминами иконографіи, которые затрудняли его, при переводѣ на русскій языкъ Ерминіи Діонисія Фурноаграфіота. Переводъ этой Ерминіи здѣсь же былъ и оконченъ [404]).

Изъ Кареи арх. Порфирій отправилъ письмо оберъ-прокурору Св. Синода съ напоминаніемъ о вознагражденіи его спутника Благовѣщенскаго [405]) и объ «острочкѣ, пребыванія на Востокѣ на пять мѣсяцевъ, съ 26 мая по 26 октября», о чемъ просилъ онъ, еще въ бытность свою въ Иверскомъ монастырѣ, 31 января 1859 года. Въ этомъ прошеніи мотивы отсрочки изложены имъ въ такомъ видѣ: «Въ области вѣдѣнія и изящныхъ искусствъ, воспринятыхъ святою церковью, многое изслѣдовано мною, вновь узнано, сообразено и возведено на степень началъ православія, которыхъ уясненіемъ условливается благотворность многосторонней дѣятельности духовенства въ каѳолической церкви. Но нѣкоторыя изслѣдованія, свѣдѣнія и соображенія мои о дѣйствующихъ въ этой церкви силахъ вѣры, слова или школы, права и искусства, должны быть перевѣрены и дополнены, какъ на св. Горѣ Аѳонской, такъ и въ другихъ указанныхъ мнѣ Св. Синодомъ мѣстахъ. А для совершеннаго окончанія сего занятія, къ которому присоединено особенное дѣло мое въ Египтѣ, не достаетъ у меня времени, назначеннаго мнѣ въ этотъ разъ для пребыванія на Востокѣ» [406]).

Изъ Кареи арх. Порфирій перебрался въ Руссикъ послѣ

[401]) Книга бытія моего, VII, 186. [402]) Книга бытія моего, VII, 190—191. [403]) Тамъ же, 195; Богослов. Вѣстн. 1904, X, 250—252. [404]) Книга бытія моего, VII, 201. [405]) Арх. Порфирій ходатайствовалъ для г. Благовѣщенскаго о вознагражденіи въ количествѣ 120 полуимперіаловъ (Книга бытія моего, VII, 188, 201) и его ходатайство было уважено (Богослов. Вѣстн. 1904, X, 259). [406]) Книга бытія моего, VII, 198, 201.

4 марта и 16 числа того же мѣсяца на брацерѣ «Святый Митрофанъ» съ своимъ спутникомъ и монахомъ Никономъ отправился, при попутномъ вѣтрѣ, въ Сикійскую пристань. Отсюда на мулахъ онъ поѣхалъ въ городъ Солунь, въ которомъ на этотъ разъ прожилъ восемь дней, изучая древніе солунскіе храмы и памятники ваянія и живописи. Изъ Солуня была предпринята научная поѣздка въ село Перестери[407]). «Я отправляюсь изъ Солуня, писалъ арх. Порфирій княгини Витгенштейнъ отъ 22 марта 1859 г., въ метеорскіе монастыри. Говорятъ, что они построены на столпообразныхъ утесахъ, отдѣльно высящихся среди поля, и что туда всѣхъ поднимаютъ въ сѣтяхъ. Полечу туда орлинымъ полетомъ. Любопытно и пріятно увидѣть новое небо, новыя горы и долы и эти диковинныя обители. Смертельно хочется, хоть нѣсколько разъ въ жизни, подобно птичкѣ, трепетать въ сѣткѣ, которую будутъ втаскивать на высоты, измѣряемыя 30 и 40 саженями и въ то же время молиться Святому Крѣпкому... Послѣ богомолья въ Метеорахъ я заѣду въ Олимпійскій монастырь. Если обстоятельства позволятъ мнѣ видѣть древнюю обитель, полюбоваться красотами Темпейской долины и взойти на вершину ѳессалійскаго Олимпа, гдѣ уже не дуютъ вѣтры и не сглаживаютъ завѣтныхъ словъ, кои благочестивый и отважный путникъ чертитъ тамъ на жертвенномъ пеплѣ» [408]).

Планъ своего путешествія, начертанный въ письмѣ къ княгинѣ Витгенштейнъ, арх. Порфирій осуществилъ вполнѣ. Путешествіе въ метеорскіе монастыри продолжалось съ 31 марта по 8 мая, при чемъ въ Стефановскомъ монастырѣ ему пришлось отпраздновать св. Пасху, но безъ права принять участіе въ священнослуженіи, такъ какъ при немъ не оказалось «поручительнаго письма» вселенскаго патріарха [409]). Но за исключеніемъ этого «огорченія», которое являлось результатомъ его собственной «опрометчивости», въ общемъ пріемомъ въ метеорскихъ и оссоолимпійскихъ монастыряхъ въ Ѳессаліи арх. Порфирій остался вполнѣ доволенъ, какъ равно и научными результатами этого путешествія. «*Во*

[407]) Путешествіе въ метеорскіе и оссолимпійскіе монастыри въ Ѳессаліи въ 1859 г., стр. 3—45, Спб. 1896. [408]) Богослов. Вѣстн. 1904, X, 257—258; Путешеств. въ метеор. и оссоолимпійск. мон., 2. [409]) Путешествіе въ метеорск. и оссоолимпійскіе мон., 109, 114.

всѣхъ греческихъ обителяхъ, пишетъ арх. Порфирій въ Еласонскомъ монастырѣ олимпійской Богоматери, по окончаніи путешествія, *монахи принимаютъ меня по-братски*. Такой же пріемъ оказанъ мнѣ былъ и въ обители, о которой начинается мое слово. Это значитъ, что мой ангелъ хранитель ранѣе меня является тамъ, гдѣ неудобно мнѣ быть, и вовсѣхъ вселяетъ доброе расположеніе ко мнѣ. Пользуясь этимъ расположеніемъ, я внимательно обозрѣлъ пріютившую меня обитель, списалъ всѣ надписи въ ней, разсмотрѣлъ стѣнную живопись, видѣлъ рукописныя книги и нѣкоторыя изъ нихъ купилъ; причемъ и перебѣлилъ патріаршія и царскія грамоты; однимъ словомъ, сдѣлалъ свое дѣло, какъ должно» [410]).

Путешествіе въ оссоолимпійскіе монастыри продолжалось съ 9 по 24 мая, завершившись поѣздкою въ монастырь св. Діонисія на классическомъ Олимпѣ [411]). Желая окончить изученіе Аѳона, арх. Порфирій поспѣшилъ вернуться на св. Гору, куда, черезъ Солунь и Каламарію, и прибылъ 6 іюня [12]). Во время краткаго, но пріятнаго, послѣ тяжелаго путешествія по Ѳессаліи, отдыха въ Руссикѣ, арх. Порфирій отправилъ къ оберъ-прокурору Св. Синода графу Толстому письмо съ изложеніемъ результатовъ этого путешествія и съ просьбою о «денежномъ пособіи» [413]).

15 іюня на лодкѣ арх. Порфирій выѣхалъ изъ Руссика въ сосѣдній Ксенофъ, въ которомъ пробылъ до 20 числа, и перебрался оттуда въ слѣдующій за нимъ монастырь Дохіаръ на четыре дня. Съ 24 по 17 іюля арх. Порфирій занимался въ Зографѣ, съ 17 іюля до конца августа — въ Хиландарѣ, а сентябрь мѣсяцъ былъ посвященъ имъ ученымъ занятіямъ въ монастыряхъ Кастамонитѣ и Ватопедѣ.

[410]) Тамъ же, 310. [411]) «Мы ѣхали къ Олимпу, пишетъ Благовѣщенскій, съ рѣшительнымъ желаніемъ подняться на самую вершину его, но этому желанію не суждено было осуществиться. Насъ увѣрили, что до августа восходъ на вершину бываетъ почти что невозможенъ, — подъемъ крутъ и утомителенъ до-нельзя; многіе овраги и пропасти засыпаны снѣгомъ, такъ что часто падаетъ новый снѣгъ и заноситъ старые слѣды». Путешествіе на Олимпъ ограничилось лишь поѣздкою въ монастырь св. Діонисія, стоящій въ одномъ изъ ущелій горы на высотѣ 6.000 футовъ. (Среди богомольцевъ. 2 изд., стр. 361—362). [412]) Путешеств. въ метеорскіе и оссоолимпійскіе мон., 348. [413]) Тамъ же, 338.

2 октября предпринята была поѣздка въ Серайскій или русскій Андреевскій скитъ для вторичнаго свиданія съ Севастьяновымъ, 7 октября выѣхалъ отсюда въ Пондократорскій монастырь для научныхъ занятій, которыя продолжались до 17 октября; 17 и 18 октября арх. Порфирій провелъ время въ малороссійскомъ скитѣ св. пророка Иліи, 19 октября обозрѣвалъ развалины Ксилургу, три дня слѣдующіе затѣмъ провелъ въ книжныхъ занятіяхъ въ Ставро-Никитской обители, 22 октября прибылъ въ конакъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Кареѣ, чтобы еще разъ осмотрѣть фрески Панселина, и 23 октября вернулся въ Руссикъ, въ которомъ, по его собственному признанію, провелъ время, «сидя у моря, поджидая хорошей погоды изъ Питера», до 12 января 1860 года [414]).

«Неладно было настроеніе души моей пылкой, пишетъ о своемъ состояніи духа арх. Порфирій въ это время. Но сердитый пылъ ея умѣрялся самообладаніемъ, которое у меня весьма дѣйственно. А при самообладаніи продолжались и занятія мои. Я изложилъ половину описанія путешествія моего въ Ѳессаліи по путевымъ замѣткамъ своимъ и принималъ живое участіе въ пріисканіи у Аѳона удобнѣйшей пристани для нашихъ торговыхъ пароходовъ» [415]). Причина этого кроется въ неполученіи отвѣта на письма, отправленныя 14 — 16 іюня изъ Зографа товарищу синодальнаго оберъ-прокурора князю С. Урусову съ просьбами: 1) о вторичной отсрочкѣ пребыванія его на Востокѣ до 26 апрѣля 1860 года, 2) о высылкѣ на Аѳонъ полуимперіалами 1,000 р. жалованья и 1,000 р. пенсіи съ 1 мая 1858 по 1 мая текущаго 1859 года и 3) объ опредѣленіи его къ должности [416]). Въ письмѣ отъ 28 октября 1859 года изъ Руссика на имя свѣтлѣйшей княгини Витгенштейнъ, арх. Порфирій подробно объясняетъ причины этого «неладнаго настроенія своей души».

«На Востокѣ мнѣ задано, пишетъ арх. Порфирій, дѣло многосложное и важное. Я исполняю его съ жаромъ, съ полнымъ самоотверженіемъ, неутомимо, напряженно, разумно, одолѣвая страхи отъ землетрясеній, кои уже 17 разъ

[414]) Книга бытія моего, VII, 214—222; Второе путешеств. по св. горѣ Аѳонской, 29—270. [415]) Книга бытія моего, VII, 220. [416]) Тамъ же, 2.

колебали Аѳонъ въ бытность мою здѣсь. Всѣ здѣшніе старцы удивлены моимъ терпѣніемъ и силою Божіею, которая совершается въ моей немощи. А у васъ, въ Петербургѣ, чѣмъ отплачиваютъ мнѣ за вѣрную и усердную службу мою? Слушайте, чѣмъ.

«Предъ отъѣздомъ на Востокъ мнѣ, *безъ просьбы моей*, пожаловали 1,500 р. на издержки туда и обратно въ теченіе одного года, а посланному со мной семинаристу дали 750 р. Оба мы были довольны этою милостью. Но за границею скоро оказалось, что намъ недостанетъ этихъ денегъ на годъ по причинѣ дороговизны во всемъ. Тогда я для своего товарища попросилъ золота на обратный путь его въ Россію. Ему вновь дали *малую толику*, а мнѣ не прислали ни копѣйки, между тѣмъ какъ онъ издержалъ сотни, а я тысячи (свои). Не обидно-ли это? Правда, я не просилъ себѣ пособія, но *и безъ просьбы моей* надлежало дать его по дѣловому такту, по простому силлогизму: «вѣдь, что дорого для семинариста, то не дешево для архимандрита. Гдѣ же логика? И не тяжело ли зависѣть отъ людей, которые священствуютъ безъ философіи съ однимъ оберъ-прокуроромъ.

«Властямъ угодно было отсрочить пребываніе мое съ семинаристомъ за границею на пять мѣсяцевъ. И вотъ, на это время ему зачислили и прислали ту малую толику, о которой сказалъ я выше, а мнѣ не пожаловали ни полушки, какъ будто я питаюсь воздухомъ и путешествую на лучахъ солнца. Не обидно-ли это?...

«Изъ Петербурга за Севастьянова замолвили доброе слово священной Общинѣ, управляющей аѳонскими монастырями, а о мнѣ и не упомянули. Не обидно-ли это? Я просилъ, кого надобно, исходатайствовать мнѣ *поручительное* письмо царьградскаго патріарха къ помянутой Общинѣ. Но, какъ на смѣхъ, онъ прислалъ сюда письмо *угостительное*, прося святогорцевъ подчивать меня, какъ почетнаго поклонника. А это ли мнѣ нужно? Однако и безъ помощи князей, на которыхъ Богъ не велѣлъ надѣяться, я достигаю своихъ цѣлей, потому что ангелъ хранитель прежде меня является въ каждый монастырь и говоритъ о мнѣ доброе слово душамъ преподобныхъ.

«Я просилъ, кого надобно, исходатайствовать мнѣ Всемилостивѣйшее дозволеніе ввезти въ Одессу мою библіотеку,

которою наша первая миссія въ Іерусалимѣ пользовалась въ теченіе шести лѣтъ, ввезти мимо тамошняго цензурнаго комитета. А мнѣ отвѣтили, что министръ народнаго просвѣщенія не находитъ возможности допустить выдачу книгъ и *даже рукописей моихъ* безъ цензурнаго досмотра. Да кто же я? Герценъ? Штраусъ? Вольтеръ? Индѣйскій парія? Помилуйте — я человѣкъ Божій и народный, я вѣрный сынъ православной Церкви и вѣрный подданный Государя, помогавшій помянутой миссіи собственною библіотекою.

«Я прошу, кого надобно, выслать мнѣ мое законное жалованье и пенсію, но и того не могу дождаться, какъ будто кому-то хочется, чтобы я застоналъ вслухъ всего православнаго міра на Востокѣ. Но что будетъ, когда стонъ мой измѣнится тамъ въ рыканіе льва?

«Я напоминаю, кому надобно, что свыше повелѣно дать мнѣ должность, и что я не знаю, гдѣ преклонить главу свою, тогда какъ всѣ черви въ Россіи имѣютъ свои норки. А мнѣ отвѣчаютъ похвалами моимъ дарованіямъ и познаніямъ, какъ будто изъ нихъ я могу сшить палатку для кочеванія у воротъ Лавры или Синода, и вдобавокъ говорятъ, что судьба моя требуетъ особыхъ соображеній. Вотъ до чего я дожилъ послѣ 30-лѣтней усердной и вѣрной службы Церкви!—до того, что о мнѣ начинаютъ думать! Посмотримъ, что придумаютъ» [417]).

Лица, любившіе арх. Порфирія и искренно къ нему расположенные, какъ напр. Б. П. Мансуровъ, княгиня Витгенштейнъ совѣтовали ему «быть осторожнымъ и снисходительнымъ къ требованіямъ», но арх. Порфирій въ отвѣтъ отъ 30 октября 1859 г. восклицалъ: «Ахъ! и вы противъ меня, не зная, что я даромъ отдаю всего себя и все свое тому, о которомъ сказано мнѣ, будто онъ желаетъ поставить свѣтильникъ мой въ Севастополѣ [418]). Не умѣю быть болѣе снисходительнымъ къ требованіямъ... и отталкивающимъ меня отъ священнослуженія въ Россіи говорю: «поставьте меня въ

[417]) Богослов. Вѣстн. 1904, X, 259—261. [418]) Имѣется въ виду тайное намѣреніе великаго князя Константина Николаевича основать въ Севастополѣ восточную академію и назначить въ Крымъ арх. Порфирія начальникомъ ея въ санѣ епископа. Намѣреніе, не осуществившееся на дѣлѣ. (Книга бытія моего, VII, 102).

келіи моей и не ходите ко мнѣ, пока у меня гоститъ самъ Богъ» [419]).

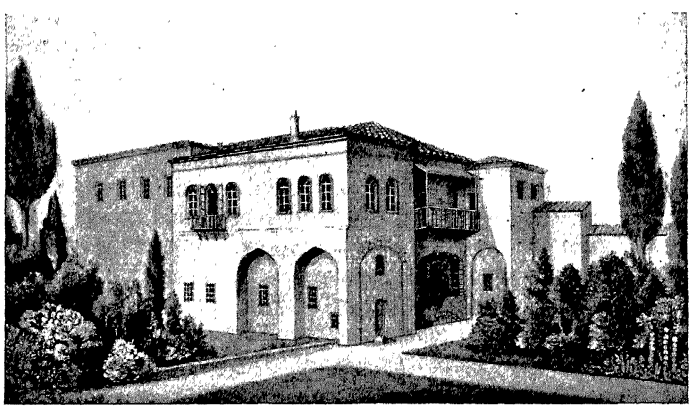
«Лопнуло терпѣніе мое», замѣтилъ въ своемъ дневникѣ арх. Порфирій подъ 12 числомъ января 1860 года, и рѣшился «на авось» ѣхать въ Константинополь, а оттуда въ Іерусалимъ «за своими пожитками и книгами». Но на пароходѣ, уже въ виду Руссика, отъ капитана онъ получилъ 196 полуимперіаловъ, которые онъ такъ давно ожидалъ. «И такъ, воскликнулъ арх. Порфирій, я богатъ. Есть съ чѣмъ ѣхать во Святый Градъ» [420]).

3 февраля арх. Порфирій покинулъ Константинополь, а 19 числа того же мѣсяца «радостный» уже въѣзжалъ онъ въ третій и послѣдній разъ въ Іерусалимъ, гдѣ съ распростертыми объятіями былъ встрѣченъ своими старыми друзьями—патріаршимъ намѣстникомъ Мелетіемъ, митрополитомъ Петры Аравійской, и другими членами патріаршаго синода и святогробскаго духовенства. Холодна и сдержана была встрѣча арх. Порфирія съ своимъ преемникомъ, начальникомъ русской духовной миссіи, епископомъ мелитопольскимъ Кирилломъ. Осмотрѣвъ въ Архангельскомъ монастырѣ «свои пожитки» и найдя ихъ въ цѣлости, арх. Порфирій выразилъ теплую благодарность хранителямъ и, въ знакъ признательности, подарилъ патріархіи всю посуду, пріобрѣтенную имъ на свои средства, во время пребыванія въ Іерусалимѣ [421]).

Въ Палестинѣ на этотъ разъ арх. Порфирій пробылъ пять мѣсяцевъ, посвятивъ ихъ занятіямъ главнымъ образомъ рукописями въ патріаршей библіотекѣ, въ Виѳлеемѣ, въ обители Саввы Освященнаго и въ Крестномъ монастырѣ. Не были имъ оставлены безъ вниманія и памятники живописи и христіанскаго искусства во всѣхъ названныхъ мѣстахъ. О своемъ послѣднемъ пребываніи въ Палестинѣ и въ дневникахъ и въ письмѣ къ княгинѣ Витгенштейнъ онъ даетъ самый восторженный отзывъ. «Въ Іерусалимѣ я пробылъ пять мѣсяцевъ, пишетъ онъ 24 августа 1860 г. изъ Одессы княгинѣ Витгенштейнъ, такъ долго потому, что прилежно читалъ тамошнія древнія рукописи, и одну изъ нихъ переписалъ сполна. Перлы не скоро добываются со дна моря.

[419]) Богослов. Вѣстн. 1904, X, 263. [420]) Книга бытія моего, VII, 222. [421]) Тамъ же, 226.

Тамошній патріархъ далъ мнѣ великолѣпное помѣщеніе въ своемъ домѣ. Намѣстники его, можно сказать, лелѣяли меня. *Самъ я тѣшился плодами прежнихъ трудовъ своихъ*, нашедши тамъ въ хорошемъ состояніи и араво-еллинскую типографію, и патріаршее училище, и школы для мальчиковъ и для дѣвочекъ, кои всѣ были учреждены не безъ моего содѣйствія. А говорить ли вамъ о сладостяхъ духовныхъ, благодатныхъ, небесныхъ, кои вкусилъ я у подножія Креста на Голгоѳѣ и у Гроба Господня? Говорю и объ этомъ, потому что вы—*мой другъ*, которому открыто мое сердце. Сладко мнѣ было тамъ, когда я тамъ капелькой упадалъ въ Источникъ



Домъ епископа Порфирія въ Іерусалимѣ.

жизни и, не сознавая ни пространства, ни времени, чувствовалъ въ себѣ неизсякаемый токъ вѣчнаго бытія. Сладко мнѣ было, когда я тамъ Спасителю молился безъ словъ и Судіи исповѣдывался одними воздыханіями. Сладко мнѣ было, когда я тамъ печальный, прискорбный, унылый, внезапно получилъ такую преданность волѣ Божіей, такую твердость духа и такую неохоту къ мечтамъ и къ самодѣльному благополучію, что едвали когда раздвоюсь съ Богомъ, Который одинъ, какъ сокровище благихъ, можетъ дать мнѣ всѣ блага, и безъ Котораго ничего не нажить мнѣ, кромѣ ошибокъ, скорби, страха, ропота и бѣдствій. О, кто что ни

говори, а быть на святыхъ мѣстахъ и поклониться тамъ Богу духомъ и истиною, отрадно, полезно, спасительно» [422]).

Въ бытность свою въ Іерусалимѣ, арх. Порфирій получилъ черезъ нашего консула Дорогобужинова пособіе въ 130 полуимперіаловъ изъ Св. Синода, разрѣшеніе ввести въ Россію принадлежащія ему рукописи, книги и иконы безъ цензурнаго разсмотрѣнія отъ князя Урусова и дозволеніе отсрочить пребываніе для себя и своего спутника Благовѣщенска на Востокѣ отъ него же [423]). Неизбалованный вниманіемъ къ себѣ высшаго начальства, арх. Порфирій эти удачи приписалъ, однако, не себѣ и своимъ личнымъ заслугамъ, а ходатайствамъ за него своего «друга» княгини Витгенштейнъ. «Вы—не помѣха мнѣ ни въ чемъ, писалъ ей изъ Одессы 23 августа арх. Порфирій, и добра отъ васъ я видѣлъ не мало. Не знаю, *какъ удалось вамъ перемѣнить отношенія ко мнѣ нѣкоторыхъ столичныхъ сановниковъ, неблагопріятныя на благопріятныя, а удалось* [424]). *Съ той поры какъ въ вашемъ теремѣ раздались мои жалобы, дѣла мои стали лучше.* Пересылка моихъ денегъ пошла исправнѣе. Пособіе на путевыя издержки мои дано. Государь разрѣшилъ мнѣ ввести мою библіотеку въ Одессу безъ цензурнаго разсмотрѣнія, и она уже здѣсь. *Теперь я утѣшенъ, ободренъ, силенъ.* Остается установить мое мѣстопребываніе, устроить союзъ мой съ нашею церковью, дать просторъ моей дѣятельности, поощрить меня говорить умамъ и сердцамъ, предоставить мнѣ случаи, поводы, побужденія къ усовершенію себя въ искусствѣ изъ искусствъ, т. е. въ управленіи душъ, по уставу царства Бо-

[422]) Богослов. Вѣстн. 1905, IV, 694—695; Книга бытія моего, VII, 274—275; Сн. 226—228. [423]) Книга бытія моего, VII, 270—271, 272, 274. [424]) «Охота вамъ связываться съ сіятельными чиновниками, писалъ арх. Порфирій княгинѣ Витгенштейнъ изъ Іерусалима 7 апр. 1860 года, очевидно, мало вѣря въ успѣхъ ея заступничества. Они учтивы съ вами, но меня едва ли простятъ за то, что мои вопли раздались въ великокняжескихъ чертогахъ. Ваша большая доброта причинила мнѣ маленькое зло. Но я прощаю васъ. Будьте спокойны, только впередъ не показывайте моихъ писемъ ни фарисеямъ, ни книжникамъ. *Вамъ ли помочь мнѣ своимъ ходатайствомъ предъ ними, когда мнѣ суждено служить ближнимъ моимъ страданіями?* Пусть ни васъ, ни меня не огорчаютъ вотъ такія слова ихъ: «bureaucratie est une grande puissance en Russie, et il n'est pas facile de satisfaire tous les desirs de pauvre Archimandrite» (Богослов. Вѣстн. 1905, IV, 691).

жія, и помочь мнѣ передать свѣту собранныя мною на Востокѣ перлы, крины, грозды, колосья. Я люблю науку, чту искусства, прошу дѣла, *хочу славы*. Пусть же поймутъ и оцѣнятъ меня, нѣтъ не меня, а Божіи дары и Божіи силы во мнѣ. Впрочемъ, да будетъ воля Божія во всѣхъ, во мнѣ и во всемъ» [425]).

Изъ Іерусалима арх. Порфирій вернулся 12 августа прямо въ Россію въ Одессу. Возвращеніе это въ отечество для насъ не вполнѣ понятно: поставленныя задачи научныя и дипломатическія не были еще выполнены во всемъ предначертанномъ объемѣ; въ денежныхъ средствахъ арх. Порфирій особенной настоятельной нужды въ это время не ощущалъ; здоровье его повидимому находилось въ удовлетворительномъ состояніи. Остается предположить, что его привлекла въ Одессу забота о своихъ «пожиткахъ», или, вѣрнѣе, о своемъ драгоцѣнномъ дѣтищѣ — о библіотекѣ рукописей и книгъ съ старинными иконами, высланной въ Россію и требовавшей болѣе или менѣе надежнаго пріюта до той поры, когда ясно опредѣлится постоянное мѣсто жительства ея владѣльца. Поэтому лишь только была водворена эта библіотека въ помѣщеніи одесскаго владыки, какъ 16 сентября 1860 года арх. Порфирій на имя оберъ-прокурора графа Толстого отправляетъ прошеніе съ выраженіемъ «желанія окончить свои занятія на Аѳонѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ» [426]). Изъ прошенія отъ 17 марта 1861 года къ тому же графу Толстому мы узнаемъ, что планы арх. Порфирія въ это время были гораздо шире, чѣмъ трехмѣсячное путешествіе по Аѳону: онъ намѣревался побывать еще и въ Египтѣ. «Святѣйшій правительствующій Синодъ нашъ въ 1858 году поручилъ мнѣ, говорится въ этомъ послѣднемъ прошеніи, между прочимъ, возобновить сношенія съ коптскимъ духовенствомъ въ Египтѣ. Исполненіе сего порученія долго отстраняемо было другими *обязательными трудами* моими на Востокѣ. Но я не терялъ его изъ вида и, воспользовавшись новымъ отпускомъ за границу, даннымъ мнѣ въ концѣ прошлаго года (т. е. 1860 г.), *рѣшился съѣздить въ Египетъ* для свиданія съ коптскимъ владыкою и для дружескихъ переговоровъ съ нимъ о возоб-

[425]) Богослов. Вѣстн. 1905, IV, 694; Сн. Книга бытія моего. VII, 278.
[426]) Книга бытія моего. VII. 277.

новленіи союза управляемой имъ египетско-эѳіопской церкви съ православно-каѳолическою церковью, и о мѣстѣ и титулѣ, кои онъ могъ бы имѣть, становясь въ рядъ православныхъ іерарховъ. Эта рѣшимость моя усилена была *надобностію пересмотрѣть рукописи патріаршей и Синае-джуванійской библіотеки въ Каирѣ и дѣловые кодексы александрійскихъ патріарховъ*, и поправить мое здоровье, разстроенное на суровомъ Аѳонѣ, гдѣ истощила меня лихорадка, троекратно возобновлявшаяся въ прошломъ году» [427]). 26 октября было получено разрѣшеніе на трехмѣсячный отпускъ за границу, а 18 ноября арх. Порфирій писалъ о своемъ путешествіи въ дневникѣ такъ: «завтра я на пароходѣ отправляюсь въ Константинополь, а оттуда поѣду *сперва* въ Египетъ, *потомъ на Аѳонъ*» [428]).

Послѣ остановокъ въ Константинополѣ (21—30 ноября), въ Смирнѣ (2—6 декабря), Бейрутѣ (съ 10—12 декабря) и однодневной стоянки въ Яффѣ, откуда было написано имъ письмо въ Іерусалимъ къ епископу мелитопольскому Кириллу съ просьбою о посылкѣ въ Каиръ переводчика нашей миссіи Фадлаллы Саруфа на десять дней, для веденія черезъ него переговоровъ съ коптскимъ патріархомъ [429]), арх. Порфирій 14 декабря прибылъ въ Александрію, а 24 того же мѣсяца былъ уже въ Каирѣ и остановился въ мѣстной православной патріархіи на временное свое пребываніе. Коптскій владыка Кириллъ, хорошо знакомый съ арх. Порфиріемъ по его путешествію въ 1850 г. въ монастыри св. Антонія великаго и Павла Ѳивейскаго, прослышавъ о пріѣздѣ его въ Каиръ, на другой день праздника Рождества Христова сдѣлалъ ему визитъ и тѣмъ вынудилъ его отдать ему визитъ на третій день праздника, при весьма торжественной обстановкѣ. Въ оба эти свиданія арх. Порфирія съ коптскимъ патріархомъ разговора по существу не было, такъ какъ арх. Порфирій ожидалъ пріѣзда желательнаго для него переводчика изъ Іерусалима, въ которомъ ему, однако же, было отказано, не смотря даже на повтореніе этой просьбы изъ Каира. Но

[427]) Александрійская патріархія. Сборникъ матеріаловъ, изслѣдованій и записокъ, относящихся до исторіи александрійской патріархіи, ч. I стр. 385, Спб. 1898. [428]) Книга бытія моего, VII, 278. [429]) Тамъ же, 296. Александрійская патріархія, 385—386, 411—412.

планамъ арх. Порфирія относительно соединенія коптской церкви съ православною не суждено было осуществиться на дѣлѣ.

Во время обозрѣнія коптской школы, по приглашенію патріарха коптскаго Кирилла, 29 декабря, простудились оба—хозяинъ и гость арх. Порфирій. Послѣдній, однако же, отдѣлался легкимъ недомоганіемъ и 8 числа генваря 1861 года переѣхалъ даже въ Джуванію для разсмотрѣнія хранившихся здѣсь синайскихъ рукописей, а коптскій патріархъ Кириллъ занемогъ тяжко и 18 января скончался. «Суждено мнѣ было возобновить наши сношенія съ коптами, замѣчаетъ свидѣтель описанныхъ событій арх. Порфирій, *но не суждено возобновить союзъ ихъ съ нашею церковью* [430]). Впрочемъ, я думаю и надѣюсь, что это важное дѣло будетъ продолжено потомъ св. Синодомъ чрезъ другихъ просвѣщенныхъ и ревностныхъ дѣятелей духовныхъ» [431]).

[430]) Иначе посмотрѣлъ на задуманное дѣло соединенія коптовъ и въ то же время армянъ съ православною церковью митрополитъ московскій Филаретъ, найдя въ разсужденіяхъ и поступкахъ арх. Порфирія много ошибочнаго. По поводу кончины коптскаго патріарха Филаретъ, митр. московскій, замѣтилъ: «не отъ затрудненій ли избавленъ Св. Синодъ тѣмъ, что *мнимое миротворство* архимандрита Порфирія пресѣчено, и это не преосвященнымъ Кирилломъ (мелитопольскимъ, не давшимъ переводчика Фадлаллу Саруфа), но провидѣніемъ Божіимъ, пресѣкшимъ жизнь коптскаго патріарха и разрушившимъ надежду архимандрита Порфирія» (Арх. Савва. Собран. мнѣній и отзывовъ Филарета, митр. москов. и колом., по учебнымъ и церковно-государств. вопросамъ, т. дополн., стр. 559 — 569). Послѣдующія событія однакоже показываютъ, что «миротворство» архимандрита Порфирія не было совершенно безрезультатно. Коптская церковь, какъ намъ извѣстно, не прочь была снова поднять вопросъ о соединеніи съ православною церковью въ семидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія, но наша дипломатія въ это время уклонилась отъ рѣшенія его. Не лучшаго мнѣнія, впрочемъ, былъ митрополитъ Филаретъ и относительно бесѣдъ арх. Порфирія съ армянскимъ епископомъ Григоріемъ по вопросу о соединеніи армянской церкви съ православною (Тамъ же, 556—557). Любопытный взглядъ высказалъ по этому поводу московскій святитель и на личность арх. Порфирія. «Очень вѣроятно, писалъ м. Филаретъ 11 мая 1861 г. въ Св. Синодъ, что проекты арх. Порфирія и теперь уже не тайна для Востока. И усиленно дружась съ неправославными, молясь у престола армянской церкви, слушая у коптскаго патріарха, вмѣстѣ съ пѣніемъ стиховъ изъ литургіи, пѣніе французскаго сонета, *предъ православными Востока не представляетъ ли онъ въ своей особѣ россійской церкви въ смутномъ видѣ?*» (Тамъ же, 561—562). [431]) Александрійская патріархія. Сборн. матер., изслѣдов.и записокъ, относя-

Окончивъ занятія рукописями въ Джуваніи и въ патріархіи (съ 17 по 21 февраля), арх. Порфирій выѣхалъ въ Александрію для осмотра мѣстныхъ христіанскихъ катакомбъ, гдѣ прожилъ до 8 марта, а затѣмъ на австрійскомъ пароходѣ «Италія» отправился на короткое время въ Константинополь, чтобы оттуда къ Пасхѣ попасть на Аѳонъ, куда и прибылъ 22 апрѣля, въ великую субботу [432]). Цѣль его пріѣзда сюда въ настоящій разъ главнымъ образомъ клонилась къ тому, чтобы осмотрѣть не видѣнные имъ дотолѣ скиты и кельи. «Во многихъ изъ нихъ, говоритъ арх. Порфирій, есть маленькія церкви, даже старинныя. Не останешься въ накладѣ, если побываешь въ этихъ кельяхъ. Въ иной продадутъ тебѣ рукопись старинную, даже очень хорошую и надобную для расширенія точныхъ знаній; въ другой увидишь старинныя иконы и снимки съ стѣнныхъ изображеній; въ третьей посмотришь, какъ пишутъ образа аѳонскіе иконописцы» [433]).

Путешествіе по св. Горѣ изъ Руссика арх. Порфирій началъ 29 апрѣля съ Кареи: здѣсь онъ обозрѣлъ келью иконописца іеромонаха Макарія, келью монаха Діонисія Фурнографіота близъ Протатскаго собора, принадлежавшую въ данное время монаху Мелетію, келью иконописцевъ Іоасафеевъ, уяснившихъ ему значеніе многихъ техническихъ названій греческой ерминіи, и внимательно еще разъ пересмотрѣлъ стѣнописи въ Протатскомъ соборѣ, приписываемыя художнику Панселину. Изъ Кареи арх. Порфирій совершилъ поѣздки въ Каракаллъ, въ Лавру пр. Аѳанасія Аѳонскаго и въ Иверъ и вернулся обратно на Карею. Побывавъ затѣмъ въ русскомъ скитѣ св. Андрея Первозваннаго и закончивъ свои «напряженныя» научныя розысканія книжныя и художественныя, 26 іюня вернулся обратно въ Руссикъ на отдыхъ и для того, чтобы навсегда уже проститься съ дорогимъ ему Аѳономъ [434]).

Скитальческая жизнь на чужбинѣ въ концѣ концовъ прискучила арх. Порфирію и его потянуло на родину, на отдыхъ и покой. Неизвѣстность будущаго и неопредѣленность положенія относительно мѣста службы тревожили его, но те-

щихся до исторіи александр. патр., I, 385—401; Книга бытія моего, VII 300—347; Сн. *Арх. Саввы.* Собран. мнѣній и отзыв. м. Филарета, томъ дополнит., 556—562. [432]) Книга бытія моего, VII, 362—372. [433]) Тамъ же, 373; Второе путешеств. по св. горѣ Аѳонской, 376. [434]) Книга бытія моего VII, 273—388.

перь, послѣ цѣлаго ряда испытаній, онъ смотрѣлъ вдаль грядущаго спокойно и былъ готовъ на все. Подъ вліяніемъ такого душевнаго состоянія вылилось изъ подъ его пера замѣчательное письмо къ княгинѣ Витгенштейнъ.

«Полагаю, что я долго не увижусь съ вами, писалъ арх. Порфирій изъ Руссика 28 іюня. Меня хотятъ остановить въ Одессѣ до окончанія моихъ ученыхъ занятій. Пусть будетъ такъ! Мнѣ вѣдь хорошо, и вездѣ вы присущи моей душѣ.

«Съ нетерпѣніемъ ожидаю предписанія о водвореніи моемъ въ Одессѣ.

«*Надоѣло мнѣ странствовать по свѣту* и жить между кочегарами ада. Надоѣло докучать начальству объ указаніи мнѣ пристанища, и невыразимо тяжело напоминать ему, что и надъ нимъ есть судъ верховный — судъ первосвятителей восточной церкви.

«*Теперь я самъ не свой*. Какъ бы ни поступили со мною, я готовъ на все, готовъ ходить въ цѣпяхъ, погаснуть въ затворѣ, свѣтить міру, наслаждаться свободою духа. Правда, въ этой готовности, или рѣшимости моей есть нѣчто раскаленное и жесткое, но эта примѣсь со временемъ остынетъ и размягчится подъ вліяніемъ благодати и разумной воли, какъ лава огнедышущей горы стынетъ и мякнетъ подъ вліяніемъ теплосвѣта и дождя, такъ что впослѣдствіи производитъ изъ себя муравy, цвѣты, маслины, грозды, кипарисы» [435]).

Однородное по содержанію и въ тотъ же день отправлено было «письмецо» и на имя оберъ-прокурора Св. Синода графа А. П. Толстого [436]).

15 іюля 1861 года арх. Порфирій, сказавъ: «Прощай благодатный Аѳонъ. Болѣе не увижу тебя, но все лучшее твое уношу съ собою» [437]), черезъ Солунь, Воло, Смирну и Константинополь направился въ Одессу, куда и прибылъ 13 августа, остановившись въ гостинницѣ, но не въ архіерейскомъ домѣ, «гдѣ не на чемъ спать, гдѣ капли воды не подадутъ служки и гдѣ много другихъ неудобствъ» [438]). До Петербурга арх. Порфирій добрался 22 октября и нашелъ себѣ пріютъ 28 числа «въ просторной и теплой квартирѣ лаврскаго эконома» [439]). Здѣсь изъ письма оберъ-прокурора Св. Синода, не

[435]) Богослов. Вѣстн. 1905, IV, 697—698. [436]) Книга бытія моего, VII 388. [437]) Тамъ же, 389. [438]) Тамъ же, 390. [439]) Книга бытія моего, VIII, 1..

заставшаго его въ Константинополѣ, онъ не безъ удовольствія узналъ, что «Святѣйшій Синодъ цѣнитъ вполнѣ его заслуги и предполагаетъ устроить самымъ достойнымъ образомъ его служеніе въ Россіи послѣ долгихъ и многоплодныхъ ученыхъ его путешествій» [440]). Впрочемъ, на дѣлѣ арх. Порфирій скоро же убѣдился, что «въ Питерѣ мягко стелютъ, но жестко спать» [441]), и что ему цѣлыхъ три года еще пришлось томительно ожидать перемѣны въ своей судьбѣ къ лучшему, и въ концѣ концовъ устройствомъ ея онъ былъ обязанъ не оберъ-прокурору Св. Синода Толстому, «много обѣщавшему и ничего не сдѣлавшему» для него [442]), и даже ни его преемнику А. П. Ахматову, а своимъ личнымъ достоинствамъ — языковѣдѣнію и землячеству съ кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ.

Услугами арх. Порфирія въ Петербургѣ въ теченіе съ лишнимъ трехъ лѣтъ, съ конца 1861 г. по начало 1865 года, пользовались и Св. Синодъ, и особы царствующаго дома и высокопоставленныя лица, когда требовались научныя справки или компетентныя спеціальныя сужденія по вопросамъ археологіи, палеографіи и т. п. Такъ, въ 1862 году онъ представилъ свое заключеніе о «Руководствѣ къ церковному живописанію» [443]), свѣривъ его съ подлинникомъ іеромонаха Діонисія Фурноаграфіота и сдѣлавъ въ немъ не мало исправленій, въ виду отступленій, которыя допустилъ Дидронъ, обнародовавшій это руководство. Это порученіе выполнено, по желанію великой княгини Маріи Николаевны, предсѣдательницы Академіи художествъ [444]). — Въ томъ же году, по повелѣнію государыни Императрицы Маріи Александровны, арх. Порфирій долженъ былъ дать свое мнѣніе о достоинствѣ четвероевангелія, писаннаго на пергаменѣ въ 1272 году и подареннаго ея величеству Іаковомъ, патріархомъ александрійскимъ [445]). Для государыни было писано и другое сочиненіе: «Священное писаніе у хри-

[440]) Тамъ же, 4. [441]) Тамъ же, 7. [442]) Тамъ же, 23. [443]) Арх. Порфирій напечаталъ этотъ свой трудъ подъ заглавіемъ: «Ерминія или наставленіе въ живописномъ искусствѣ», составленное іеромонахомъ и живописцемъ Діонисіемъ Фурно-Аграфіотомъ 1701 — 1733. (Труд. Кіев. дух. Акад. 1868, II, 269 — 315; III, 529 — 570, VI, 494 — 563; .XII, 355—445). [444]) Книга бытія моего, VIII, 11, 15, 23, 33. [445]) Тамъ же, 18—19.

стіанскихъ женщинъ» [446]).—Въ теченіе «шести недѣль» была составлена записка подъ названіемъ: «Востокъ христіанскій—церковное и политическое состояніе Абиссиніи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней», которую поручилъ написать ему новый оберъ-прокуроръ Св. Синода А. П. Ахматовъ, въ виду начавшихся въ это время сближеній этой церкви съ нашею православною черезъ посредство епископа мелитопольскаго Кирилла, начальника нашей миссіи въ Іерусалимѣ [447]). Въ связи съ этимъ порученіемъ находится и другая его записка подъ названіемъ: «Участіе Россіи въ судьбѣ Абиссиніи» [448]). Тому же оберъ-прокурору была представлена записка съ мнѣніемъ о Синайской рукописной Библіи, переданной Тишендорфу для напечатанія въ Лейпцигѣ [449]). Библія эта потомъ была напечатана въ томъ же году въ количествѣ 300 экземпляровъ и роздана разнымъ лицамъ, по назначенію Его Величества. Арх. Порфирій получилъ отъ государыни Императрицы экземпляръ ея «въ знакъ вниманія къ просвѣщенной дѣятельности» [450]).

По собственному почину и ради научной любознательности, арх. Порфирій занимался изученіемъ греческаго Профитологія X в., взятаго срокомъ на одинъ годъ изъ Солунскаго монастыря Валантіонъ-Чаушъ и черезъ азіатскій департаментъ возвращеннаго по принадлежности [451]), и велъ оживленную письменную полемику съ арх. Антониномъ Капустинымъ, настоятелемъ церкви при нашемъ посольствѣ въ Константинополѣ, полемику, начавшуюся еще въ Одессѣ въ 1861 году, по вопросу «о пресловутомъ живописцѣ Панселинѣ» [452]).

[446]) Тамъ же, 32—33, 53. Издано это сочиненіе въ Спб. въ 1864 г. съ прибавленіемъ: «и библейская рѣдкость государыни Императрицы Маріи Александровны». [447]) Книга бытія моего, VIII, 21—22. Напечатано это сочиненіе въ Трудахъ Кіев. дух. Акад. 1866, III, 305—344; IV, 556—604; V, 3—32; VI, 142—167. [448]) Тамъ же, 29. Напечатано въ томъ же журналѣ за тотъ же годъ, VIII, 415—440. [449]) Книга бытія моего, VIII, 27—28, 34. Записка эта подъ заглавіемъ: «Мнѣніе о Синайской рукописи, содержащей въ себѣ Ветхій Завѣтъ неполный и весь Новый Завѣтъ, съ посланіемъ апостола Варнавы и книгою Ермы», напечатана въ Спб. 1862. Любопытный отзывъ м. Филарета объ этой запискѣ см. у арх. Саввы въ его «Собран. мнѣній и отзывовъ м. Филарета», т. V, ч. I, 365—373, Спб. 1887. [450]) Книга бытія моего, VIII, 51. [451]) Тамъ же, 36. 49. [452]) Напечатаны эти письма въ Трудахъ Кіевской духовн. Акад. за 1867 г., X, 120—164; XI, 266—292.

Въ слѣдующіе годы (1863 и 1864) такихъ сложныхъ оффиціальныхъ порученій арх. Порфирій не имѣлъ, а поэтому и занятія избиралъ по своимъ склонностямъ и симпатіямъ. Въ это время его интриговала Парижская рукопись нѣкоего Елпія Ромея о характеристическихъ чертахъ лица святыхъ, которую онъ настойчиво добивался получить чрезъ протоіерея русской Парижской церкви Васильева [453]). Для великой княгини Елены Павловны, своей духовной дочери, онъ написалъ на французскомъ языкѣ Исповѣдь — Confession [454]), и въ связи съ этимъ, по ея же порученію, книгу: «Исповѣдь кающагося грѣшника», напечатанную уже въ Кіевѣ въ 1866 году [455]). О своихъ ученыхъ занятіяхъ этого времени арх. Порфирій пишетъ такъ: «меня затрудняетъ большое богатство матеріаловъ для науки, добытыхъ на Востокѣ, который во время оно мыслилъ, говорилъ, писалъ довольно много. Едва успѣваю разрабатывать эти матеріалы систематически. *Наскучитъ мнѣ, напримѣръ, изслѣдованіе ересей, принимаюсь за исторію. Надоѣстъ она, пускаюсь въ область богословія. Перестану богословствовать, начинаю сличать священные тексты древніе или занимаюсь исторіею изящныхъ искусствъ.* И вотъ такъ и такъ время мое летитъ, да и меня уноситъ къ тому рубежу, за которымъ уже нѣтъ времени, а есть вѣчность» [456]).

«Мое житье, замѣчаетъ онъ по тому же поводу въ концѣ 1864 года, по прежнему не завидно. Сижу я въ своей кельѣ, какъ затворникъ, и работаю, какъ шелковичный червячекъ. Мой Фотій (т. е. бесѣды по поводу нашествія Россовъ на Константинополь) печатается. Аѳонъ разрабатывается. Метеоры покоятся. Прочія занятія мои, какъ ребятишки подрастаютъ. *Судьба мнѣ не улыбается.* Питеръ всѣ бока мнѣ вытеръ. Однако, *духъ мой бодръ*» [457]).

На изданіе научныхъ трудовъ арх. Порфирія въ это время отпущено изъ средствъ Св. Синода 500 рублей сер. [458])

Въ 1865 году 5 февраля арх. Порфирій избранъ Св. Синодомъ на вакансію викарія Кіевской епархіи съ наименованіемъ епископомъ чигиринскимъ и утвержденъ государемъ, а 14 числа того же года была совершена и его хиротонія [459]).

[453]) Книга бытія моего, VIII, 40, 46—47. [454]) Тамъ же, 43, 59. [455]) Тамъ же, 57. [455]) Тамъ же, 76. [456]) Тамъ же. [457]) Тамъ же, 53. [458]) Тамъ же, 78 83. [459]) Тамъ же, III, 582; V, 200—201; VI, 310.

Исполнилась, такимъ образомъ, издавна лелѣянная и во снѣ и на яву мечта арх. Порфирія быть епископомъ [460]).

Довольно интересно для насъ объясненіе мотивовъ, по которымъ митрополитъ кіевскій Арсеній избралъ себѣ въ помощники или «содѣйственники» по управленію кіевскою митрополіею арх. Порфирія. «*Вы—язычникъ*, сказалъ улыбаясь митрополитъ своему новому викарію. И такъ, будете писать письма отъ моего имени, кому придется писать, по-гречески и по-французски. *Я пріобрѣлъ себѣ грека и француза*». Повидимому благодушно принялъ епископъ Порфирій это откровенное признаніе новаго своего начальника, отдѣлавшись каламбуромъ: «Точно такъ. Я—грекъ, но не лукавый человѣкъ, я и французикъ, но не подбитый вѣтеркомъ» [461]). И дѣйствительно, епископъ Порфирій оказывалъ митрополиту Арсенію несомнѣнныя услуги въ перепискѣ его съ извѣстнымъ парижскимъ священникомъ Владиміромъ Гетте съ восточными патріархами и др. [462]).

Какъ бы тамъ ни было, несомнѣнно одно, что епископъ Порфирій былъ «доволенъ своимъ назначеніемъ» [463]). «Богъ вознаградилъ меня, пишетъ епископъ Порфирій своему товарищу по Академіи, епископу новомиргородскому Софонію, прославшему братское и дружеское привѣтствіе съ назначеніемъ въ Кіевъ, за труды мои и за терпѣніе мое, смѣю сказать, не малое. Хвала и благодареніе Ему, праведному и милостивому. *Я весьма доволенъ своею судьбою. Въ душѣ моей царитъ спокойствіе* неба. Жизнь моя течетъ плавно, какъ течетъ тихій Днѣпръ. Дѣло у меня есть. Наукѣ служу, какъ могу» [464]).

Тринадцатилѣтній періодъ пребыванія епископа Порфирія въ Кіевѣ въ санѣ епископа чигиринскаго слѣдуетъ, по всей справедливости, признать самою плодотворнѣйшею порою «выставки христіанскаго Востока по частямъ» [465]), такъ какъ къ этому именно времени относится большая часть изданія въ свѣтъ его важнѣйшихъ и многотомныхъ трудовъ по изученію христіанскаго Востока [466]). Въ это же

[460]) Книга бытія моего, VIII, 84. [461]) Тамъ же, 104—107. [462]) Тамъ же, 115. [463]) Тамъ же, 100 [465]) Тамъ же, 8. [466]) См. «перечень печатный сочиненій епископа Порфирія, составленный П. А. *Сырку* въ приложеніи къ его книгѣ: «Описаніе бумагъ еп. Порфирія Успенскаго, пожертвованныхъ имъ въ Императ. Акад. Наукъ по завѣщанію», стр. 402—407, за годы съ 1865—1878.

время для него весьма гостепріимно открылъ свои страницы и академическій журналъ «Труды Кіевской духовной Академіи». Отдавшись завѣтной мечтѣ—видѣть въ печати свои научные труды, епископъ Порфирій искренне желалъ въ этой «тихой пристани» (такъ они называлъ Кіевъ) постоять подольше, чтобы съ удобствомъ «разгрузиться», и не безъ тревогъ и опасеній относился къ слухамъ о перемѣщеніи его куда либо въ провинцію на самостоятельную каѳедру. «Жизнь моя въ Кіевѣ течетъ, какъ Днѣпръ, тихо, безъ бурь, безъ волненій. Одно только тревожитъ меня, пишетъ онъ другу своему княгинѣ Витгенштейнъ 7 августа 1868 года, это—*не желательное перемѣщеніе куда бы то ни было.* Право не хочется двинуться съ мѣста послѣ *двадцатилѣтняго* странствованія по свѣту, во время котораго я, не по своей волѣ, садился на корабль едвали не болѣе 50 разъ [467]). Молва, эта старая и не всегда вѣрная газета, назначаетъ меня то въ Минскъ, то въ Пермь. Но подобныя назначенія непріятны мнѣ тѣмъ болѣе, что у меня есть *дѣти. Въ Кіевѣ они печатаются.* А въ какой нибудь глуши кто ихъ увидитъ? Корабль мой вошелъ въ тихую пристань. Пусть же онъ постоитъ тутъ подольше и *разгрузится.* Такое желаніе мое понятно вамъ, мой другъ, когда и вы, по собственному опыту, знаете, какъ сладко домосѣдство, послѣ долгаго и не легкаго странствія и проч.» [468]).

Въ интересахъ науки, съ цѣлью отыскать для себя «мирный пріютъ» и «теплое мѣстечко», онъ предпринималъ нарочито путешествіе на родину въ Кострому въ 1872 году, чтобы, отпросившись на покой, потомъ «въ уединеніи сослужить иную службу святой церкви нашей» [469]). «Мое усердное служеніе церкви, царю и отечеству, говоритъ еп. Порфирій въ началѣ семидесятыхъ годовъ, никогда не отягощало меня. Но въ глуби души своей я всегда сознавалъ стремленіе къ успокоенію отъ всѣхъ служебныхъ дѣлъ къ созерцательной жизни и къ занятіямъ ученымъ. Это стремленіе усилено было во мнѣ *долгомъ познакомить многихъ и многихъ съ христіанскимъ Востокомъ*, который изучалъ я и изучилъ въ

[467]) Епископъ Порфирій точно подсчиталъ число своихъ плаваній и опредѣлилъ ихъ цифрою 46. (Книга бытія моего, VII, 393). [468]) Книга бытія моего, VIII, 119, 319. [469]) Тамъ же, 319.

теченіе многихъ лѣтъ, по порученіямъ высшаго начальства моего. Рѣшаясь исполнять сей долгъ, я думалъ, гдѣ бы лучше мнѣ водвориться для покоя и, вспомнивъ свою родину, подумалъ побывать тамъ и пріискать себѣ теплое мѣстечко» [470]). Такого «мѣста успокоенія на милой родинѣ», однако, не нашлось, и епископъ Порфирій вернулся въ Кіевъ «ни съ чѣмъ», или вѣрнѣе, «съ мыслію искать себѣ другого мѣста для покоя», [471]), которое онъ и намѣтилъ было въ 1874 году въ управляемомъ имъ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ, въ особомъ деревянномъ домѣ, построенномъ на собственный счетъ въ настоятельскомъ саду, но съ тѣмъ, однако же, что, по смерти его, домъ этотъ поступаетъ въ собственность монастыря [472]). Св. Синодъ, почему-то, не уважилъ просьбы еп. Порфирія и указалъ ему предположенную постройку произвести въ Ѳеофаніи, загородной дачѣ викарнаго епископа, которую, по отдаленности отъ Кіева (14 верстъ), не нашелъ въ это время удобнымъ для себя мѣстомъ жительства [473]). Этотъ «обидный» и непонятный для него отказъ Св. Синода еп. Порфирій принялъ за указаніе на то, что «что нѣтъ воли Божіей», чтобы онъ успокоился отъ служебныхъ дѣлъ, когда въ немъ сохранились всѣ силы нужныя для дѣятельности кипучей и широкой» [474]).

Въ памяти кіевлянъ и доселѣ хранятся о преосвященномъ Порфиріѣ воспоминанія, какъ о кабинетномъ труженникѣ, книжномъ человѣкѣ, о святителѣ, хотя и не лишенномъ нѣкоторыхъ своеобразныхъ оригинальностей во взглядахъ и сужденіяхъ по многимъ церковнымъ и жизненно-практическимъ вопросамъ [475]), но какъ о благоговѣйномъ совершителѣ церковныхъ богослуженій [476]), знатокѣ и любителѣ церковнаго пѣнія, заботы о лучшей постановкѣ котораго въ вѣренной его попеченію обители иногда переходили даже границы умѣренности [477]), какъ о строителѣ и украсителѣ храма Златоверхо-Михайловскаго монастыря и монастырскихъ службъ [478]). Памятникомъ его «врожденной любви ко всему прекрасному и охотѣ строиться не такъ,

[470]) Тамъ же, 318. [471]) Тамъ же, 321. [472]) Книга бытія моего, VIII, 321. [473]) Тамъ же, 323. [474]) Тамъ же, 326. [475]) Тамъ же, 14, 127, 223—224, 260—265, 271, 359. [476]) Тамъ же, 40, 122—126, 497. [477]) Тамъ же, 272—275, 220—221, 498, 450. [478]) Тамъ же, 240—259.

какъ строятся другіе», остаются и до настоящаго времени прекрасные покои викарія въ Михайловскомъ монастырѣ, вызывающіе у многихъ удивленіе и стоившіе ихъ создателю всего на всего только 3000 рублей, которые взяты имъ на это изъ суммъ викаріатскихъ [479]).

Не удалось, однакоже, труженнику епископу Порфирію найти для себя «мирный пріютъ» въ любимомъ имъ Кіевѣ, и волею-неволею ему пришлось еще разъ «перемѣщаться» и на этотъ разъ уже въ сердцѣ Россіи, въ бѣлокаменную Москву, гдѣ онъ и сложилъ свои утружденныя многоболѣзненныя кости.

28 августа 1876 года скончался «благодѣтель» митрополитъ Арсеній, съ которымъ епископъ Порфирій «мирно и благополучно прожилъ одиннадцать лѣтъ съ небольшимъ» [480]). На мѣсто его назначенъ былъ престарѣлый тверской архіепископъ Филоѳей, аскетъ-подвижникъ и замкнутый въ себя по характеру человѣкъ. Съ первой встрѣчи между новымъ митрополитомъ и епископомъ Порфиріемъ [481]) установились холодныя натянутыя отношенія, которыя послужили причиною недовѣрія другъ къ другу [482]). Значительную долю вины въ этомъ слѣдуетъ, однако же, приписать самому пр. Порфирію, странности характера и строптивыя выходки [483]) котораго обращали вниманіе не только лицъ, близко къ нему стоявшихъ въ Кіевѣ (напр., генералъ-губернатора князя Дундукова-Корсакова, нѣкоторыхъ членовъ духовной консисторіи и др.), но и въ Петербургѣ. По твердо установившемуся у него принципу: «Я ѣду, не свищу, а какъ наѣдутъ не спущу», [484]) епископъ Порфирій, какъ и самъ сознается, имѣлъ иногда «сшибки» и съ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ и с.-петербургскимъ, митрополитомъ [485]), и съ др. Перемѣщенія своего изъ Кіева куда нибудь на другое мѣсто онъ поэтому могъ ожидать постоянно.

31 декабря 1877 года Государь утвердилъ докладъ Св. Синода о бытіи епископу Порфирію членомъ московской Св. Синода конторы сверхъ штата, съ увольненіемъ отъ чигиринской викарной каѳедры и пребываніемъ его въ московскомъ ставропигіальномъ Новоспасскомъ монастырѣ, который 14 декабря того же года былъ ввѣренъ, согласно опре-

[479]) Тамъ же, 253. [480]) Книга бытія моего, VIII, 361. [481]) Тамъ же, 418 [482]) Тамъ же, 423. [483]) Тамъ же, 325. [484]) Тамъ же, 428. [485]) Тамъ же, 513.

дѣленію Св. Синода, его управленію [486]). Не по душѣ пришлось это перемѣщеніе епископу Порфирію въ нашу первопрестольную Москву. «*Долго съѣдала меня печаль* о томъ, пишетъ онъ по поводу этого перемѣщенія, *что судьба перебросила меня изъ Кіева въ Москву*, въ которой я очутился, какъ не малая птица въ маленькой клѣткѣ. Не умѣй я пѣть въ ней *о христіанскомъ Востокѣ*, меня окаменила бы скорбная скука. Но въ минуты, часы, дни этого *непрерывнаго и неустаннаго пѣнія* я забывалъ всякую скорбь свою и, привыкши забывать это, пересталъ жаловаться на судьбу свою и смирился подъ крѣпкою десницею Бога, порой, однако, прося и умоляя его даровать мнѣ полный покой и полную независимость отъ людей въ уединенной кельѣ, въ которой никого не было бы, кромѣ Его, Отраднаго, и кромѣ меня, занятаго, чѣмъ люблю я заниматься» [487]).

«Въ Москвѣ я не на своемъ мѣстѣ, признавался епископъ Порфирій, уже послѣ шестилѣтняго пребыванія въ ней. Мелочныя дѣла въ Синодальной конторѣ не занимаютъ меня... Типографія отъ меня далеко, да и печатаютъ книги медленно и плохо. Рисовальщики и фотолитографы впередъ берутъ отъ меня деньги, а работаютъ что и что мнѣ надобно, спустя рукава свои. Знакомыхъ у меня нѣтъ» [488]). Все это вмѣстѣ взятое побуждало епископа Порфирія искать для себя мѣста жительства, болѣе подходящаго и удобнаго во всѣхъ отношеніяхъ. Въ 1882 году онъ просился на каѳедру херсонскую въ Одессу, или въ Житоміръ; въ 1883 году—снова въ Кіевъ на мѣсто чигиринскаго епископа, въ Александроневскую лавру и въ Кіево-михайловскій монастырь или въ Ѳеофаніевскій скитъ на покой, но ни одно изъ этихъ желаній епископа Порфирія не только не было удовлетворено, но на многія просьбы, обращенныя къ митрополитамъ, онъ не удостоился даже получить отвѣта [489]). Пришлось ему волею—не волею доживать свой не краткій вѣкъ въ нелюбимой имъ Москвѣ.

Если время пребыванія въ Кіевѣ еп. Порфирія можно считать разцвѣтомъ его учено-литературной дѣятельности и «выставкою» христіанскаго Востока по преимуществу, то его московскій шестилѣтній съ лишнимъ періодъ жизни

[486]) Тамъ же, 448. [487]) Книга бытія моего, VIII, 526. [488]) Тамъ же, 514. [489]) Тамъ же, 514—516.

можно назвать *ликвидаціею* этой дѣятельности, подведеніемъ итоговъ его продолжительной, весьма плодотворной и исполненной самыхъ разнообразныхъ приключеній жизни. Въ это время онъ, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ нами выдержекъ изъ его «Книги бытія», въ своей московской клѣткѣ «непрерывно и неустанно» пѣлъ свою любимую пѣснь «о христіанскомъ Востокѣ» и, чувствуя, что ему не удастся ее допѣть, какъ ему бы этого хотѣлось, онъ, на 77 году своей жизни, 8 сентября 1881 года, взываетъ къ *вѣчному* Богу: «Боже, подари мнѣ еще *двадцать* лѣтъ. *У меня ученаго дѣла много*» [490]). «Боже, творче вѣковъ и создатель мой! взывалъ онъ уже за три мѣсяца передъ смертію. Умоляю Тебя, *продли мою жизнь, да кончу все, что задумано мною*» [491]). Въ Москвѣ онъ много заботился, какъ онъ признаваясь намъ лично, при свиданіи съ нимъ [492]), докончить при жизни свои многосодержательные мемуары [493]), появившіеся теперь въ свѣтъ, при участіи Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества и при содѣйствіи Императорской Академіи Наукъ, въ восьми книгахъ подъ названіемъ: «Книга бытія моего».

Серьезно и постоянно въ это время занимала пр. Порфирія мысль о судьбѣ его драгоцѣнной рукописной и многотомной книжной (7,000 книгъ) библіотекъ. Въ 1879 году онъ предлагалъ свою рукописную библіотеку министру народнаго просвѣщенія графу Д. А. Толстому, а въ 1881 другому министру Сабурову для томскаго университета за 30,000 р. [494]), но оба министра къ этому предложенію отнеслись равнодушно. Въ концѣ концовъ рукописная библіотека еп. Порфирія была пріобрѣтена С.-Петербургскою Императорскою публичною Библіотекою въ 1883 году за 15,000 р. серебромъ [495]). «За собраніе, которому подобное составить теперь едвали возможно, говорится въ отчетѣ этой библіотеки, заплачено 15,000 р. Пріобрѣтеніе такой *замѣчательной коллекціи* и за столь сравнительно *скромную сумму* отечественное книгохранилище можетъ приписать единственно желанію

[490]) Книга бытія моего, VIII, 538. [491]) Тамъ же, 548. [492]) Тамъ же, 529. [493]) *А. Дмитріевскій.* Поминки пр. Порфирія Успенскаго и проф. м. духовн. Академіи Ив. Д. Мансветова, стр. 3, прим. 1, Кіевъ. 1886; Сн. Книга бытія моего, VIII, 548, 549. [494]) Книга бытія моего, VIII, 517. [495]) Тамъ же, 526.

пр. Порфирія оставить свое собраніе въ Россіи, такъ какъ на поступавшія къ нему неоднократно предложенія заграничныхъ библіотекъ и любителей онъ отвѣчалъ постояннымъ отказомъ» [496]). Труднѣе гораздо было устроить ему его обширную печатную библіотеку. Послѣ предложеній оберъ-прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву пріобрѣсти за 20,000 р. для Благовѣщенской или Оренбургской семинаріи, могилевскому епископу Виталію, извѣстному богачу Полякову (въ 1883 г.) для студенческаго общежитія при Петербургскомъ университетѣ, городскому головѣ въ Одессѣ греку Маразли за 28,000 р. для городской библіотеки, болгарскому настоятельству въ Одессѣ для Болгаріи за ту же цѣну, министру И. Д. Делянову для томскаго университета за 21,000 р., П. П. Демидову (въ 1884 г.) за 20,000 р. для С.-Петербургскаго университета, митрополиту петербургскому Исидору за ту же сумму для Якутской духовной семинаріи [497]), библіотека еп. Порфирія такъ и осталась до смерти его непроданною. «Не богатства ищу, писалъ еп. Порфирій въ 1884 г. богачу П. П. Демидову, предлагая пріобрѣсти свою «весьма многотомную библіотеку, систематически составленную изъ самыхъ лучшихъ не находимыхъ теперь произведеній ума человѣческаго» [498]), для С.-Петербургскаго университета. „*наукѣ прислужиться желаю*, о вашей знаменитости въ потомствѣ помышлю» [499]). Подчеркнутыми словами еп. Порфирій, безспорно, намекалъ на пользу этой библіотеки для науки вообще и отчасти на то, что вырученныя отъ продажи деньги онъ желалъ «употребить на изданіе всѣхъ сочиненій своихъ съ дорого стоющими картинами» [500]).

«Съ самаго начала текущаго (т. е. 1885) года, замѣчаетъ о себѣ еп. Порфирій въ своемъ дневникѣ, *я сталъ развинчиваться*... Лѣчусь, но лѣкарства не помогаютъ. Однако, эта немочь не мѣшаетъ мнѣ заниматься ученостію. Продолжаю ее con amore» [501]). «Когда я, съ Божіею помощію, *кончу всѣ задуманныя и начатыя сочиненія свои*, пишетъ онъ 17 марта, т. е. за мѣсяцъ до кончины, тогда съ особеннымъ удоволь-

[496]) Кратк. обзоръ собран. рукоп., принадлежащ. пр. еп. Порфирію, а нынѣ хранящагося въ Импер. публичн. Библ., стр. V, Спб. 1885. [497]) Книга бытія моего, VIII, 518—525. [498]) Тамъ же, 518. [499]) Тамъ же, 524—525. [500]) Тамъ же, 518. [501]) Тамъ же, 551.

ствіемъ скажу: Exegi monumentum aere perennius (Horat. carm. 1, III, Od. XXX), т. е. Воздвигъ я себѣ памятникъ вѣковѣчнѣе мѣди»[502]). Но желанію его не суждено было исполниться, и 19 апрѣля 1885 года епископъ Порфирій скончался послѣ тяжкой (каменной) болѣзни, и, можно сказать съ перомъ въ рукѣ. Послѣ кончины [503]) онъ оставилъ ясно и опредѣленно выраженную имъ свою волю въ духовномъ завѣщаніи[504]), которое еще разъ засвидѣтельствовало всему міру, какъ горячо и беззавѣтно онъ любилъ науку. Первые четыре пункта этого любопытнаго завѣщанія гласятъ слѣдующее:

1) «Библіотеку мою въ семь тысячъ слишкомъ книгъ завѣщаю Святѣйшему правительствующему Синоду въ его

[502]) Тамъ же, 552. [503]) Весьма трогательное описаніе послѣднихъ дней жизни еп. Порфирія и его мирной христіанской кончины даетъ намъ домашній врачъ его *М. Бондыревъ*, присутствовавшій при послѣднемъ вздохѣ преосвященнаго. Еп. Порфирій скончался сидя въ креслѣ у стѣны спальни, противъ входной двери, на востокъ лицомъ и имѣя въ рукахъ кипарисный крестъ; предъ нимъ, стоя на колѣняхъ, держалъ въ рукахъ подсвѣчникъ съ горящею восковою свѣчею монастырскій послушникъ Ѳедоръ Радинъ, а нѣсколько въ сторонѣ направо іеромонахъ о. Ѳеодоръ (нынѣ игуменъ) читалъ отходную. Одѣтъ былъ почившій іерархъ въ полное архіерейское облаченіе, но сшитое, по личному заказу, еще при его жизни, не изъ парчи или шелка, а изъ простого бѣлаго холста, обшитаго по краю синей шелковой лентой вмѣсто позумента и съ фарфоровыми бѣлыми пуговицами по краю саккоса. На голову надѣта скуфья съ наметкою вмѣсто митры. «Для мертваго, по словамъ пр. Порфирія, какъ ихъ передаетъ почтенный врачъ, и такого облаченія вполнѣ достаточно, а что металлы, тѣмъ болѣе драгоцѣнные, такъ трудно добываемые изъ земли, что обратно зарывать ихъ въ нее—грѣшно». (Душепол. Чтен. 1904, I, 687—688). [504]) Душеприказчикомъ приглашенъ былъ настоятель Даниловскаго Московскаго монастыря арх. Амфилохій (впослѣдствіи епископъ Угличскій, викарій Ярославскій). По приглашеніи этого душеприказчика, еп. Порфирій, по словамъ г. Бондырева, «занялся писаніемъ духовнаго завѣщанія и распредѣленіемъ имущества своего, главнымъ образомъ состоявшаго изъ книгъ и рукописей. День за день на моихъ глазахъ разбиралось все имущество владыки, укладывалось въ сундуки и шкафы, которые затѣмъ запирались, запечатывались и на нихъ наклеивались бумажные ярлыки съ тѣмъ номеромъ, который соотвѣтствовалъ номеру духовнаго завѣщанія и указывалъ мѣсто назначенія. Мнѣ, при неоднократныхъ посѣщеніяхъ, замѣчаетъ этотъ очевидецъ, представлялось, что человѣкъ собирается въ дорогу, дальній какой то путь и основательно укладываетъ свое имущество, чтобы послѣ легче было разбираться въ немъ, по прибытіи на мѣсто».

*

распоряженіе [505]), если она не будетъ куплена якутскимъ преосвященнымъ для его семинаріи.

2) «Исторію Аѳона, напечатанную, и путешествія по Горѣ передаю въ Синодальную лавку для продажи въ пользу типографскаго синодальнаго капитала, изъ котораго я въ свое время получалъ содержаніе [506]).

3) „Капиталъ въ двадцать тысячъ рублей, хранящійся въ конторѣ Государственнаго банка въ Москвѣ и въ добавокъ четыре тысячи руб., которые должна мнѣ Императорская публичная библіотека за покупку моихъ рукописей, завѣщаю Императорской Академіи Наукъ, съ покорнѣйшею просьбою на проценты съ этого капитала (24 тысячи) постепенно печатать мои сочиненія, а именно: окончаніе исторіи Аѳона въ двухъ частяхъ, юридическіе акты аѳонскихъ монастырей, греческія, славянскія и латинскія надписи на зданіяхъ и вещахъ тамъ же, виды аѳонскихъ монастырей, архитектура ихъ и живопись тамъ же, путешествіе по Италіи съ картинами, путешествіе по Ѳессаліи съ картинами, священная живопись на Востокѣ и Западѣ съ картинами, изъ которыхъ нѣсколько десятковъ уже литографированы. въ количествѣ 300 экземпляровъ, Едемскіе народы, историческія сношенія церквей: іерусалимской, антіохійской, александрійской и константинопольской съ церковью россійскою и прочія мелочи церковныя, наконецъ біографію мою, начиная съ 1841 г. по 1885 г., съ платою редактору за труды изъ процентовъ съ капитала моего.

4) «Иконы въ ризахъ и финифтовыя три панагіи и два креста завѣщаю Новоспасскому монастырю, а собраніе древнихъ иконъ восточныхъ завѣщаю въ Археологическое Общество при Кіевской духовной Академіи, а также разныя іерусалимскія издѣлія завѣщаю тому же Обществу. Кромѣ сего еще завѣщаю во всѣ четыре Духовныя Академіи образчики книжной живописи для каждой Академіи отдѣльно» [507]).

Мѣстомъ упокоенія бренныхъ останковъ еп. Порфирія

[505]) Библіотека эта цѣликомъ нынѣ поступила въ Московскую Синодальную библіотеку и служитъ незамѣнимымъ научнымъ пособіемъ для всѣхъ ученыхъ, занимающихся рукописями этого русскаго древлехранилища. [506]) Этотъ пунктъ завѣщанія свидѣтельствуетъ о присущей еп. Порфирію признательности къ своимъ благодѣтелямъ и доброжелателямъ. [507]) Московскія Церковныя Вѣдомости, 1885 г., № 27, стр. 435.

служитъ Екатерининская церковь московскаго Новоспасскаго монастыря, гдѣ, по волѣ скончавшагося, на мраморной плитѣ памятника сдѣлана слѣдующая надпись: «Здѣсь возлегъ на вѣчный покой преосвященный епископъ Порфирій Успенскій, авторъ многихъ сочиненій о христіанскомъ Востокѣ. Молитесь о немъ» [508]).

Пр. Порфирій Успенскій былъ, безспорно, не чуждъ весьма высокаго мнѣнія «объ удѣленныхъ ему отъ Бога дарованіяхъ» и часто жаловался, что у него «нѣтъ простора» для нихъ, и что «крылья его подвязаны злою судьбою» [509]). «Всѣмъ извѣстны мои преимущества, пишетъ онъ о себѣ, предъ другими духовными лицами, какъ-то: многосторонняя ученость, практическое знаніе языковъ новогреческаго, французскаго и нѣмецкаго, способность къ дипломатическимъ дѣламъ, умѣнье снискивать довѣренность восточныхъ іерарховъ, паче же всего просвѣщенная ревность и любовь къ такому святому дѣлу, каково *поддержаніе православія на Востокѣ*» [510]). И справедливость требуетъ признать, что дѣйствительно неотъемлемы и по всей справедливости принадлежатъ ему слѣдующія высокой цѣны качества: «съ юныхъ лѣтъ» стремленіе «къ ученымъ занятіямъ»[511]), выработавшее изъ него «безкорыстнаго труженника науки и восторженнаго любителя ея свѣта» [512]) и даже «мученика» ея [513]), счастливая способность къ языковѣдѣнію, открывшая ему возможность черпать самыя разнообразныя свѣдѣнія изъ «лучшихъ произведеній ума человѣческаго» на всѣхъ европейскихъ языкахъ, изумительныя для постороннихъ наблюдателей трудолюбіе и рѣдкая усидчивость въ занятіяхъ, при «небогатырскомъ тѣлѣ» и частыхъ физическихъ недомоганіяхъ и болѣзняхъ [514]).

Въ основѣ этой изумительной и весьма плодотворной его ученой ревности лежитъ, прежде всего, врожденная любознательность. «Въ путешествіи, говоритъ еп. Порфирій, нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ побывать на такомъ мѣстѣ, котораго исторія восходитъ почти къ первымъ днямъ міра,

[508]) Тамъ же. [509]) Книга бытія моего, VIII, 535. [510]) Книга бытія моего, VII, 80—81. [511]) Тамъ же, VIII, 325. [512]) Тамъ же, 37. [513]) Тамъ же, II, 219; III, 141, 525. [514]) Тамъ же, III, 48, 363, 384, 395, 401, 404, 509, 592; Первое путеш. по св. Аѳонской горѣ, ч. II, отд. II, стр. 4.

обновленнаго послѣ всемірнаго потопа. Тамъ воспоминанія о временахъ минувшихъ, наслажденіе жизнію настоящею, предчувствіе жизни будущей сливаются въ одно цѣлое и придаютъ душѣ полноту существованія, по истинѣ, вѣчнаго, ежели вѣчность есть сочетаніе прошедшаго, настоящаго и будущаго» [515]). Сознаніе, что онъ работаетъ тамъ, «гдѣ никто не бывалъ и ничего не видалъ», и что онъ, слѣдовательно, является первымъ предъ лицомъ памятниковъ старины съ научными запросами къ нимъ, съ одной стороны, а съ другой, что добытыя имъ знанія онъ, какъ трудолюбивая пчела, собираетъ въ свой родной улей въ дорогое ему отечество—Россію [516]), движетъ затѣмъ всѣми его силами души, направляетъ ихъ къ познанію «предметовъ божественныхъ и человѣческихъ» [517]), дѣлаетъ его способнымъ стойко переносить всѣ неудачи и лишенія и неуклонно идти къ разъ намѣченной цѣли, хотя бы для этого потребовалось отказать себѣ въ самыхъ первыхъ насущныхъ потребностяхъ. «Кто читалъ многообъемистыя сочиненія почившаго архипастыря, говорилъ въ прощальномъ словѣ надъ гробомъ еп. Порфирія преосвященный Іоаннъ, настоятель Симонова монастыря, бывшій алеутскій, котораго въ особой пріязни къ покойнику заподазривать нѣтъ основаній, такъ какъ при жизни между обоими іерархами происходили и столкновенія [518]), тотъ можетъ самъ примѣтить, какъ *чрезъ всѣ его сочиненія тонкою золотою нитью проходитъ его полнѣйшая неослабная любовь къ родинѣ, какъ гражданина Россіи*, и любовь къ восточному православію, какъ сына восточной православной церкви. Гдѣ бы онъ ни былъ, *чѣмъ бы онъ ни былъ занятъ, его жизнь, его мысль, душа живетъ въ Россіи и для Россіи*, и для церкви россійской собираетъ, какъ пчела съ цвѣтовъ питательный и усладительный сокъ богословской учености» [519]).

[515]) Второе путешествіе въ Синайскій мон., стр. 229—230. [516]) «А для чего я странствую такъ долго? задается вопросомъ еп. Порфирій и отвѣчаетъ: «Можетъ быть для того, чтобы подобно пчелѣ принести прекрасный медъ *въ родной улей*. Я пчелка Божія, а Россія — мой улей» (Книга бытія моего, I, 466; См. Второе путеш. въ Синайскій мон., стр. 237). Горячій патріотизмъ свой еп. Порфирій доказалъ въ своихъ произведеніяхъ, съ несомнѣнностію. (Тамъ же, I, 13, 43, 235, 466; III, 88—89; VII, 44; Второе путеш. въ Синайск. мон., стр. 50; Путеш. по Египту, стр. 221). [517]) Второе путешествіе въ Синайскій монастырь, стр. 1. [518]) Книга бытія моего, VIII, 526. [519]) Москов. Церк. Вѣдом., 1885, № 18, стр. 324.

«Бѣдность не порокъ, но и не совершенство, писалъ однажды еп. Порфирій. *Она весьма не люба наукѣ*, потому что лишаетъ ее стяжанія рѣдкостей природы, сотворенныхъ Богомъ на пользу и украшеніе человѣка» [520]). Сознавая это хорошо, пр. Порфирій, также изъ любви къ наукѣ и къ своему отечеству, во время многократныхъ путешествій по Востоку, тамъ, гдѣ это было удобно и возможно, съ благословенія, а гдѣ встрѣчались затрудненія, то и безъ благословенія, въ свои дорожные чемоданы собиралъ драгоцѣнныя рукописи [521]) и старинныя иконы [522]), чтобы потомъ сдѣлать ихъ достояніемъ научныхъ сокровищницъ, горячо любимаго имъ отечества. Но весьма нерѣдко, по тѣмъ же причинамъ, онъ, отказывая себѣ въ необходимомъ, на скудныя собственныя средства пытался дѣлать дорогія покупки тѣхъ или иныхъ старинныхъ и цѣнныхъ въ научномъ отношеніи предметовъ, рукописей и книгъ, изъ которыхъ потомъ образовалась у него богатая библіотека, цѣнное весьма собраніе рукописей на различныхъ восточныхъ языкахъ и единственное въ своемъ родѣ собраніе рѣдкихъ восточныхъ иконъ. По тѣмъ же причинамъ всѣ эти научныя богатства или *безмездно*, или за весьма „скромныя“ денежныя вознагражденія, къ тому же назначенныя владѣльцемъ въ большей своей части на изданіе его научныхъ сочиненій о православномъ Востокѣ, поступили въ *россійскія* ученыя и научно-вспомогательныя учрежденія. Его не соблазнила заманчивая возможность сбыть за границу свои богатыя коллекціи за болѣе высокую цѣну...

Какъ ученый, пр. Порфирій Успенскій не былъ узкимъ спеціалистомъ, но старался испробовать свои отъ природы недюжинныя силы, можно сказать, не только во всѣхъ родахъ богословскаго вѣдѣнія, но и во многихъ иныхъ отрасляхъ человѣческаго вѣдѣнія, къ богословію почти не имѣющихъ никакого отношенія или довольно отдаленное. Питая съ раннихъ лѣтъ къ историческимъ изслѣдованіямъ особенную любовь и занимаясь исторіею христіанской церкви на православномъ Востокѣ по преимуществу, епископъ Порфирій

[520]) Второе путешествіе въ Синайскій мон., стр. 145. [521]) Книга бытія моего, VII, 261; VIII, 509; Первое путеш. въ Аѳонскіе мон., ч. I, отд. II, стр. 456. [522]) Второе путешествіе въ Синайскій мон., стр. 164.

писалъ въ то же время богословскіе трактаты, усердно, настойчиво и изучалъ сопоставлялъ тексты Св. Писанія, намѣреваясь даже со временемъ издать исправнѣйшій его текстъ, интересовался не только памятниками христіанскаго искусства[523]), но даже мечталъ «христіанскую живопись возвесть на степень науки»[524]). Изученіе религіи и обрядовъ коптовъ[225]), обрядовъ греческой и сирской церквей[226]) привело его къ счастливой мысли, которая, однако же, осталась не выполненною на практикѣ, составить особый сборникъ: «Богослуженіе константинопольской церкви»[527]). Чтеніе рукописей богослужебныхъ нотныхъ[528]), стихирарей, миней, тріодей и др.[529]), обогатили его свѣдѣніями по исторіи христіанской гимнографіи и дали матеріалъ для его интересной статьи «стихирарные піиты»[530]). Памятники проповѣдническойлитературы[531]) и церковнаго законовѣдѣнія[532]) интересовали любознательнаго востоковѣда въ одинаковой степени. Удѣлялось иногда и не мало вниманія на изученіе рукописей по медицинѣ[533]), по классической литературѣ[534]); не были обойдены вниманіемъ и египетскія письмена и іероглифы[535]) и т. д., и т. д.

[523]) Книга бытія моего, II, 486; III, 79; IV, 64; VII, 222—225; VIII, 76; Первое путеш. въ аѳон. мон. и скиты, ч. I, стр. 115, 229; Второе путеш. въ аѳон. мон. стр. 16. [524]) Первое путешествіе въ аѳонскіе монаст. и скиты, стр. 17. Плодомъ его «теплаго желанія сочинить исторію иконописанія восточнаго и даже возвести это искусство на степень науки» является предсмертная его статья: «Зографическая лѣтопись Аѳона и мое сужденіе о тамошней живописи» (Чтен. въ общ. люб. дух. просв. 1884. № 9—10, стр. 217—255. [525]) Книга бытія моего, II, 327. [526]) Тамъ же, I, 265, 267; III, 19, 70, 167, 425; V, 182, 213; VIII, 102, 184, 346, 651. [527]) Второе путешеств. въ аѳон. мон. и скиты, стр. 47, 49; Первое путеш. въ аѳон. мон. и скиты, ч. II, отд. II, стр. 206. Достойно замѣчанія то обстоятельство, что *первый* литургическій свитокъ имъ прочитанъ былъ лишь въ 1843 году (Книга бытія моего, ч. I, стр. 201). [528]) Книга бытія моего, ч. VII, стр. 184—185; Богослов. Вѣстн. 1904, кн. X, стр. 247—248; Первое путеш. въ аѳон. мон. и скиты, ч. I, отд. I, стр. 72—73. [529]) Первое путеш. въ аѳон. мон. и скиты, ч. II, отд. I, стр. 379—449. [530]) Труды Кіев. дух. Акад., 1878, кн. IV, стр. 3—47; кн. V, стр. 213—279; кн. VI, стр. 502—530; кн. VII, стр. 65—78. [531]) Сюда относятся его статьи подъ заглавіемъ: «Проповѣдники въ четырехъ патріархатахъ восточныхъ и ихъ проповѣди и въ славянскихъ земляхъ». (Труд. Кіев. дух. Акад., 1879, №№ 8—11; 1880, №№ 1—2, 4, 7 и 9). [532]) Книга бытія моего, VII, 81. [533]) Первое путеш. въ аѳон. мон. и скиты, ч. I, отд. I, стр. 128—141. [534]) Тамъ же, ч. I, отд. II, стр. 219—247; ч. II, отд. I, стр. 170—206. [535]) Тамъ же, ч. I, отд. I, стр. 141; Второе путеш. въ Синайскій мон. стр. 51.

Такая поразительно разносторонняя научная дѣятельность объясняется прежде всего его умѣньемъ «помножать себя такъ, что одинъ Порфирій иногда *утрояется*, а иногда работаетъ какъ шестерня» [536]). Это умѣнье на практикѣ выражалось тѣмъ, что иногда, напр., въ Іерусалимѣ, въ путешествіяхъ по Аѳону, онъ привлекалъ къ ученымъ занятіямъ всѣхъ своихъ сотрудниковъ и спутниковъ. Работа въ количественномъ отношеніи, конечно, отъ этого спорилась, и все сдѣланное этимъ труженникомъ поражаетъ и изумляетъ теперь всякаго, кто принимается за изученіе многотомныхъ изданій его, но качественное значеніе этихъ его трудовъ безспорно оставляетъ желать, особенно въ наше время, весьма многаго. Отсутствіе въ нихъ серьезной научной школы, благодаря все же довольно слабой подготовкѣ въ Академіи, стремленіе до всего доходить «собственнымъ умомъ» и на основаніи исключительно только своихъ личныхъ разысканій сказалось и на научныхъ достоинствахъ его открытій и изслѣдованій. Многое, что составляетъ азбучную истину для спеціалиста, для пр. Порфирія въ свое время казалось новостію и даже откровеніемъ, и онъ въ своихъ сочиненіяхъ на многихъ страницахъ ведетъ иногда безполезные и скучные трактаты о предметахъ общеизвѣстныхъ и малоинтересныхъ. Памятники цѣнные въ научномъ отношеніи иногда ввѣряются для копированія малоопытнымъ въ палеографіи переписчикамъ и спутникамъ и, по недостатку времени, нерѣдко даже не свѣряются съ оригиналомъ самимъ востоковѣдомъ еп. Порфиріемъ [537]). Все это и многое другое объясняетъ теперь для насъ причину, почему этотъ отъ природы талантливый и изумительно настойчивый и кропотливый востоковѣдъ, много весьма сдѣлавшій для исторіи христіанскаго Востока, не только не приблизился къ грандіозному своему желанію «*гремѣть на весь міръ*» [538]), и достигнуть славы «европейской» [539]), но въ концѣ концовъ вынужденъ былъ лишь утѣшать и услаждать себя скромнымъ заявленіемъ: «мое имя извѣстно въ ученомъ мірѣ» [540]), среди ученыхъ французскихъ, нѣмецкихъ [541]), греческихъ [542]) и

[536]) Книга бытія моего, VI, 253. [537]) Исторія Аѳона, ч. III, Аѳонъ монашескій, отд. I, стр. 265, примѣч. * Кіевъ. 1887. [538]) Книга бытія моего, III, 458. [539]) Тамъ же, 119. [540]) Тамъ же, VIII, 522. [541]) «Ученые мужи въ Австріи и Германіи, Миклошичъ, Мюллеръ, Эрманъ, Тафель съ 1847 г.

русскихъ [543]). Въ частности по отношенiи къ церковной археологiи, по отзыву академика Н. П. Кондакова, еп. Порфирiй «не заявилъ себя на Востокѣ присяжнымъ археологомъ», но тѣмъ не менѣе въ своихъ трудахъ «превзошелъ» современныхъ ему западныхъ ученыхъ «въ критическомъ отношенiи къ предмету и пережилъ ихъ въ своемъ значенiи у послѣдующихъ поколѣнiй» [544]).

Бѣдность, хроническiй, можно сказать, недостатокъ денежныхъ средствъ сыграли также не маловажную роль въ дѣлѣ широкой популярности трудовъ ученаго востоковѣда и самаго его имени въ средѣ присяжныхъ ученыхъ какъ въ Россiи, такъ и за границею. Имѣй онъ въ свое время эти средства, и несомнѣнно большая часть произведенiй плодовитаго пера пр. Порфирiя увидѣла бы свѣтъ не въ наши только дни, а еще при жизни нашего востоковѣда. Значенiе этихъ же его ученыхъ изданiй и трудовъ тридцать—сорокъ лѣтъ тому назадъ, внѣ всякаго сомнѣнiя, было неизмѣримо выше [545]) и его почтенному имени безспорно создало бы такую

нетерпѣливо ожидаютъ отъ меня, говоритъ еп. Порфирiй, изданiя аѳонскихъ актовъ, которыхъ краткiй списокъ былъ напечатанъ мною въ томъ году и *переведенъ* на нѣмецкiй языкъ. Эти акты, единогласно признанные у насъ и заграницею необходимѣйшимъ пособiемъ при изученiи греко-византiйскаго права, уже готовятся мною (въ 1857 г.) въ печать»... (Книга бытiя моего, VII, 81; Сн. П. А. Сырку, Описан. бумагъ еп. Порфирiя Успенскаго, стр. 399). «Показанiе мое подхватила печать нѣмецкая и французская и породила мнѣнiе, что Кутлумушъ основанъ охристiанившимся туркомъ Кутулмишемъ». (Первое путешеств. въ аѳонскiе мон. и скиты, ч. II, отд. II, стр. 235). Популярности еп. Порфирiя въ нѣмецкой литературѣ способствовала не мало и его полемика съ К. Тишендорфомъ о Синайской Библiи. [542]) Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια 1885, 15 Μαΐου, τεῦχος Α'σελ. 45; Νεολόγος № 7465, 1884 ἐτ., 8 Ἰουλίου. [543]) Многiя русскiя ученыя общества, университеты, духовныя академiи, цѣнныя ученые труды пр. Порфирiя, имѣли его въ числѣ своихъ *почетныхъ членовъ* (Книга бытiя моего, ч. VIII, стр. 510—513), а 15 сентября 1869 года С.-Петербургскимъ университетомъ онъ удостоенъ былъ honoris causa ученой степени *доктора эллинской словесности*. По службѣ епархiальной онъ подвигался впередъ медленно и окончилъ свою карьеру полученiемъ ордена Анны 1-й степени 31 марта въ 1868 году. [544]) Памятники христiанскаго искусства на Аѳонѣ. Стр. 4—5; Спб. 1902. Его же. Иконы Синайской и Аѳон. коллекцiй. Стр. 1; Спб. 1902. [545]) Мы укажемъ здѣсь на отзывъ о пр. Порфирiѣ одного его современника, покойнаго начальника русской духовной миссiи въ Iерусалимѣ арх. Антонина, не любившаго расточать похвалы направо и налѣво безъ

почтенную извѣстность, какую пріобрѣсти въ наше время, послѣ появленія въ свѣтъ уже весьма многихъ однородныхъ трудовъ на разныхъ языкахъ, и при томъ исполненныхъ по всѣмъ научнымъ современнымъ требованіямъ, дѣло довольно трудное. И въ наукѣ также имѣетъ свою силу поговорка: Mutantur tempora, mutantur et mores...

Но, если относительно научной значимости многочисленныхъ трудовъ пр. Порфирія по исторіи христіанскаго Востока и могутъ еще быть нѣкоторыя разногласія въ сужденіяхъ и ихъ оцѣнкѣ, то его труды на пользу поддержанія православія на Востокѣ, для котораго онъ былъ рожденъ и который онъ горячо любилъ, уже внѣ всякаго сомнѣнія и заслуживаютъ самой глубокой признательности со стороны соотечественниковъ и тѣхъ, на пользу коихъ они, прежде всего, были направлены. Любимое дѣло пр. Порфирія Успенскаго—«воскрешеніе православнаго арабскаго народа», перешедшее по наслѣдству отъ нашей миссіи къ Императорскому Православному Палестинскому Обществу, продолжается съ настойчивостію послѣднимъ и приноситъ нынѣ благой плодъ, покрывая Сирію и Палестину многочисленными уже мужскими и женскими разсадниками просвѣщенія, снабжая клиръ и школы просвѣщенными дѣятелями изъ туземцевъ, воспитанныхъ въ духѣ указанной идеи, и помогая всѣми доступными средствами поднятію этого народа изъ той приниженности и загнанности [546]), въ какихъ этотъ народъ находился раньше, благодаря привилегированному положенію на Востокѣ греческой національности. «Настоящій порядокъ нашихъ дѣлъ» [547]) въ Іерусалимѣ, будемъ ли мы говорить относительно учрежденій въ Іерусалимѣ нашихъ консульства и миссіи, или относительно улучшенія быта нашихъ паломниковъ и руководства во время исполненія ими своего подвига [548]),—все это въ значительной степени обязано энергіи

разбора. Переписываясь съ покойнымъ секретаремъ Импер. Пал. Общ. В. Н. Хитрово еще, въ 1877 г., по вопросу о предполагавшемся къ изданію «Палестинскомъ сборникѣ», о. арх. Антонинъ, называя имена будущихъ сотрудниковъ, прибавляетъ: «Оно хорошо бы было *блеснуть сразу и именемъ Порфирія*, но заручится его согласіемъ на то не такъ-то легко. Впрочемъ, если окажется нужда въ немъ, я могу просить его о томъ». (Письмо къ В. Н. Хитрово, 1877 г., 19 марта). [546]) Книга бытія моего, I, 359. [547]) Тамъ же, VII, 156. [548]) Тамъ же, I, 359—361. [549]) Тамъ же, VII, 71.

и настойчивости пр. Порфирія, въ чемъ ему не отказывало въ свое время и наше министерство иностранныхъ дѣлъ. Самая идея образованія «Палестинскаго Общества» впервые созрѣла едва ли даже не въ головѣ пр. Порфирія. «Составимъ общество для вспоможенія восточнымъ братьямъ нашимъ, говорилъ онъ въ 1857 году передъ фрейлиною А. Ѳ. Тютчевой, въ полной увѣренности, что его идея доведена будетъ до свѣдѣнія императрицы Маріи Александровны, такъ чтобы всѣ мы, богатые и небогатые, всѣ на всѣ *ежелѣтно* вносили въ кассу его не менѣе двухъ-трехъ копѣекъ и не болѣе рубля: у насъ будетъ для нихъ много денегъ... Духовная миссія, получая деньги отъ нашего *Восточнаго общества*, будетъ строить церкви, училища, богадѣльни, больницы вездѣ, гдѣ нужно, и поможетъ бѣднымъ и особенно тѣмъ, которые страдаютъ неповинно» [549]). Наше Императорское Православное Палестинское Общество и есть *Восточное Общество* [550]), проектированное пр. Порфиріемъ, и съ честію выполняетъ задачи, указанныя первымъ начальникомъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, а поэтому признательность къ памяти почтеннаго иниціатора и организатора, какъ со стороны Общества, такъ и русскихъ людей, пользующихся плодами его думъ и трудовъ, вполнѣ естественна и неоспорима.

[550]) Въ черновомъ проектѣ устава Общество такъ и именовало себя. «Уставъ православнаго *Восточнаго* Общества» или Уставъ общества «Православный *Востокъ*». (Изъ дѣла объ образованіи Императорскаго Прав. Палест. Общества).